

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

1914 г. Октябрь.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СПЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1914

СОДЕРЖАНІЕ.

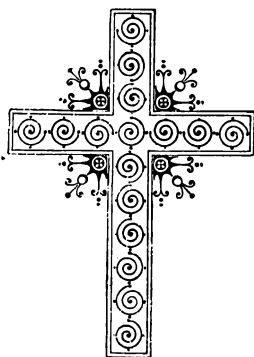
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	<i>Стран.</i>
1. Пастырскій голосъ во время войны. — <i>Владимірѣ</i> , Митрополитъ Петроградскій	3— 18
2. Рѣчи по случаю войны.— <i>Макарій</i> , Митрополитъ Мо- сковскій	19— 21
3. Рѣчь, сказанная въ Московской Городской Думѣ 22 іюля 1914 г., предъ молебномъ о дарованіи побѣды.— <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховскій.	22— 23
4. Рѣчь, сказанная въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ 24 августа 1914 г., предъ открытіемъ чтеній для рабочихъ.— <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховскій	24— 27
5. Духовный дневникъ.— <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховск.	28— 35
6. „На всякое время и на всякій часъ“.— <i>А. З.</i>	36— 49
7. Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній.— <i>Л. Пребстингъ</i>	50— 61
8. Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ. — <i>В. II.</i> <i>Быковъ</i>	62— 81
9. Подъ громовымъ ударомъ.— <i>Ал. Платонова</i>	82— 95
10. Миссіонерскія бестѣды.— <i>Православный Миссіонеръ</i>	96—129
11. Ересь.— <i>А. С.</i>	130—138
12. Теософія и христіанство. — Законоуч. при Инстит. Гражд. Инжен. Священ. <i>Михаилъ Чельцовъ</i>	139—148
13. Попытки привлеченія астрономіи къ дѣлу борьбы съ Библіей.—И. д. доцента Петроградской Дух. Ака- деміи <i>Свящ. В. Зыковъ</i>	149—164

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. Великъ Богъ Земли Русской!— <i>И. Айвазовъ</i>	165—167
15. Война съ христіанской точки зрѣнія.— <i>Свящ. Н. Плато- новъ</i>	168—178
16. Зеркало жизни.— <i>М. Правдолюбовъ</i>	179—188
17. Библіографія.— <i>И. А.</i>	189—192

Пастырскій голосъ во время войны.

(Внѣбогослужебная бесѣда Петроградскаго Митрополита Владиміра
1914 г. августа 15 дня).

*„Не будь побѣжденъ зломъ, но по-
бѣждай зло добромъ“. (Римл. 12, 21).*

Господи Іисусе Христе, Царю мира, правды и любви! Какъ стыдно, какъ невыразимо стыдно становится намъ, когда мы углубляемся въ Твое слово или поднимаемъ къ Тебѣ, взоръ свой. Уже болѣе девятнадцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началъ Ты дѣйствовать Твоею любовью и Твоимъ словомъ между народами, но и доселѣ нѣтъ между ними ни мира, ни любви, и доселѣ сталкиваются въ борьбѣ между собою не только язычники, но и народы, которые называются Твоимъ именемъ и которыхъ возродилъ Ты къ новой божественной и братской жизни. Это—Твои ученики, Твои заблудившіеся ученики. Они употребляютъ свой умъ и свое искусство на то, чтобы изобрѣтать все болѣе и болѣе сильныя средства и болѣе острое оружіе для взаимнаго истребленія. Господи! не отврати лица Твоего отъ насъ ради этого тяжкаго прегрѣшенія; заставь этихъ

людей какъ должно восчувствоватьъ, куда они пришли. Укроти войну, а если по грѣхамъ нашимъ она не можетъ быть прекращена окончательно, то, по крайней мѣрѣ, смягчи ее силою Своего Евангелія. О, Господи, сжался надъ Своимъ бѣднымъ христіанствомъ. Озари лучами Своей благодати эту мрачную ночь народной жизни и употреби постигшее насъ бѣдствіе, какъ врачевство для грѣховъ нашихъ, дабы изъ сѣмени крови и слезъ возрасла для насъ обильная жатва благословенія. Аминь.

Возлюбленные о Господѣ слушатели! Евангеліе заключаетъ двоякій миръ въ себѣ, миръ съ Богомъ и миръ съ человѣкомъ. *Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ*, такъ воспѣвали ангелы въ ночь Рождества Христова. *Миръ вамъ!* такъ привѣтствовалъ Христосъ въ Пасхальное утро. Самъ Іисусъ Христосъ и есть этотъ миръ. Скорѣе въ природѣ можетъ сойтись вмѣстѣ вода и огонь, день и ночь, чѣмъ Богъ и грѣшникъ. Во всей вселенной нѣтъ ничего болѣе враждебнаго, ничего столь далеко другъ отъ друга отстоящаго, какъ грѣшникъ и Богъ. Грѣхъ есть вражда противъ Бога. Но Богъ, по безпредѣльному Своему милосердію, устроилъ для грѣшника небесную лѣстницу. Эта небесная лѣстница есть Христосъ, Искупитель міра. Вверху стоитъ Богъ, а внизу грѣшникъ. А между ними—благодать; эта благодать есть Христосъ. Къ нему поэтому и обращаемся мы съ молитвой: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Такимъ и только такимъ образомъ, т. е. чрезъ посредство Іисуса Христа могутъ сходиться Богъ и грѣшникъ. Это тотъ миръ, который, по выраженію Священнаго Писанія, превосходитъ всякій разумъ. Тѣ, которые, по милости Божіей, возрождены къ новой,

святой, неувядаемой жизни, и сдѣлались братьями въ высшемъ смыслѣ этого слова, должны всегда имѣть миръ между собою. Истинныя чада мира не могутъ враждовать и ссориться,—это противно ихъ внутренней природѣ. Но такъ какъ и въ каждомъ христіанинѣ остается еще корень ветхаго, грѣшнаго человѣка, то и Господь и Его святые апостолы настойчиво убѣждаютъ не нарушать этого мира. *Миръ имѣйте между собою*, говоритъ святой апостолъ Павелъ, *со всякимъ смиренномудріемъ, кротостію и долготерпѣніемъ, снисходя другъ ко другу любовію и стараясь сохранять единство духа. Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ*, Который *надо всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ*. Но, несмотря на это увѣщаніе, въ мірѣ иногда бываетъ такъ, что и самый кроткій и самый вѣрный христіанинъ не можетъ устоять въ мирѣ. Всякая вражда или ссора предполагаетъ двѣ стороны. Если одна сторона непремѣнно хочетъ вести борьбу и нападаетъ на другую, съ нарушеніемъ ея права, другая вынуждена бываетъ, какъ дѣлали и Самъ Господь и Апостолы, защищать это свое право. И самъ Апостолъ Павелъ въ своемъ убѣжденіи къ соблюденію мира долженъ былъ оставить пробѣлъ, поставить его подъ условіе. Онъ говоритъ: „*Если возможно съ вашей стороны, будьте въ миръ со всѣми людьми*“ (Рим. 12, 18). Отсюда вы можете видѣть, что и вѣрный христіанинъ невольно можетъ быть вовлеченъ своимъ противникомъ въ распрю, равно какъ и самый благочестивый и миролюбивый Царь—въ жестокую и страшную войну. О, друзья мои, если и каждый споръ и каждый судебный процессъ имѣетъ уже свою великую опасность, если и во время частной тяжбы пробуждаются дремлю-

щія и развязываются связанныя силы тьмы, то не тѣмъ-ли болѣе это можетъ быть въ международной войнѣ? Вотъ почему слово Божіе и говоритъ: „*Бодрствуйте и молитесь, да не внидете въ напасть... Не будьте побѣждаемы зломъ!*“

Чтобы умѣть твердо стоять во время войны на христіанской точкѣ зрѣнія, начертаемъ себѣ образъ христіанина во время войны.

Прежде всего нужно знать — откуда происходитъ война. Приведенный нами текстъ говоритъ: „не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“. Что война и по своему существу, и по своимъ послѣдствіямъ въ большинствѣ случаевъ представляетъ зло, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Чтобы имѣть правильное понятіе о какомъ-бы то ни было событіи, мы обыкновенно разсматриваемъ его въ его корнѣ и въ его происхожденіи. Какого-же происхожденія война? По своему происхожденію война есть слѣдствіе грѣха, отпаденія отъ живого Бога. Гдѣ начинается война, тамъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ соперниковъ, ведущихъ эту войну, непременно отступилъ отъ Бога и самъ хочетъ быть Богомъ. Но разъ разбита одна скрижаль Моисеева и нарушена одна заповѣдь: „возлюбиши Бога твоего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“, то само собою нарушается и вторая: „возлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя“. Кто уже не боится, не любитъ и не почитаетъ отца, кто уже не ходитъ предъ лицомъ Его, въ томъ умираетъ и любовь къ братьямъ. Когда Адамъ въ чувствѣ первой гордости нарушилъ миръ съ Богомъ, тогда Каинъ нарушилъ миръ съ своимъ братомъ Авелемъ и убилъ его. Но заглянемъ далѣе въ человѣческое сердце! Отцомъ войны всегда бываетъ ветхій, естественный, грѣховный человѣкъ, а матерей она можетъ имѣть

многихъ, но всѣ онѣ принадлежатъ къ одной семьѣ, называемой семьей страстей. Послѣднія носятъ различныя имена: гордости, себялюбія, властолюбія и жадности. Когда на одной сторонѣ эти грѣхи, усиливаясь, достигаютъ крайняго предѣла, тогда на другой и самый миролюбивый царь невольно можетъ быть вызваннымъ къ войнѣ. Ему необходимо бываетъ въ этомъ случаѣ взяться за мечъ въ защиту законныхъ правъ своихъ и своихъ подданныхъ. Такой царь, какъ и каждый искренній христіанинъ, смотритъ на войну, какъ на неизбѣжное зло. Чѣмъ нибудь лучшимъ она не бываетъ никогда. Она относится къ разряду тяжёлыхъ процессовъ, но изъ всѣхъ этихъ процессовъ она — самый страшный и жестокій процессъ, такъ какъ въ немъ доказывается и отстаивается право не мыслями, не доводами и словами, а мечомъ и копьями, пороховъ и свинцомъ. Впрочемъ мы знаемъ, что приговоръ этого страшнаго, такъ сказать судебного учрежденія, не всегда благопріятствуетъ тѣмъ, коихъ мы считаемъ болѣе правыми. Глазъ Божій видитъ дальше, чѣмъ нашъ. Побѣдителемъ не всегда бываетъ болѣе правый. Когда согрѣшили два народа, Господь беретъ бичъ для наказанія менѣе виновнаго и оказываетъ Свою помощь болѣе виновному, давая ему взять верхъ надъ противникомъ. Но очень скоро затѣмъ онъ находитъ другой бичъ, чтобы нанести ударъ гордому побѣдителю, который не хочетъ признать себя орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, но себѣ самому воздаётъ честь. Припомните Наполеона. Онъ съ своими французами не былъ лучше тѣхъ князей и народовъ, съ которыми велъ войну и, однако, послѣдніе терпѣли поражение за поражениемъ. Богъ наказалъ эти народы за ихъ отпаденіе отъ Него, за ихъ холодное самолюбіе, за ихъ невѣрность и немиролюбіе между собою. Но когда это было сдѣлано,

и когда покоренные народы раскаялись и обратились къ Богу, тогда въ нашей Россіи нашелъ Онъ бичъ для пораженія и вразумленія гордаго тирана. Отсюда узнаемъ мы, какъ Всесильный и Всемогущій Богъ относится къ войнѣ. Онъ есть Богъ мира. Если бы народы поступали по Его слову и во всемъ исполняли Его волю, если бы они слушались Его и повиновались Ему, какъ дѣти повинуются своему любимому отцу, то міръ ничего не зналъ бы о войнѣ, тогда его исторія была бы чистою тканью Божіей благодати и истины. Она состояла бы изъ однѣхъ бѣлыхъ нитокъ. Но грѣшный человѣкъ, который хочетъ самъ быть для себя Богомъ, вплетаетъ въ эту бѣлую ткань черныя нитки своего себялюбія и своеволія, къ которымъ относится и война. Богъ попускаетъ это, потому что Онъ создалъ насъ свободными. Но, попуская эту войну, Онъ употребляетъ ее, въ Своей премудрости, какъ средство къ устроенію Своего царства. Она служитъ для Него бичемъ для суда и наказанія. Но такъ какъ и въ каждомъ наказаніи бьется Его отеческое, любящее сердце, то она является для него могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ вразумленію и пробужденію народовъ. Въ войнѣ мы приходимъ къ познанію своихъ грѣховъ. Въ войнѣ многіе научаются снова вѣровать въ Бога, молиться Ему и искать Его защиты. Какъ при землетрясеніи часто открываются скрытые источники, такъ и во время войны пробуждаетъ Богъ часто дремлющія благородныя силы вѣрности и самоотверженія. Въ войнѣ многіе выходятъ изъ того прежняго холоднаго самолюбія, которое думало только о себѣ. Отечество съ его законами, съ его строемъ, съ его благами и дарами, которыми нѣкоторые не были довольны, во время войны пріобрѣтаетъ новую цѣнность. Общая нужда и разнаго рода бѣдствія открываютъ сердца и тѣхъ, которые

прежде служили только маммонѣ, какъ своему идолу. Скажемъ еще болѣе: многое изъ прежней партійности во время войны теряетъ свою остроту, и между многими взаимная вражда и охлажденіе совершенно исчезаютъ въ этой общей нуждѣ и единомушной и дружной борьбѣ противъ нея. Но, несмотря на все это, ни одинъ человѣкъ, ни одинъ нарушитель мира не въ правѣ признать войну за нѣчто хорошее. Какъ порожденіе грѣха, война все-таки остается въ существѣ своемъ зломъ. Мы увидимъ это еще яснѣе, если мы какъ должно уяснимъ себѣ ея опасности.

Всѣ вы знаете давнюю поговорку: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, тогда я скажу тебѣ кто ты“. Это приложимо и къ войнѣ. Въ послѣдствіяхъ ея мы всюду видимъ смерть, голодъ, болѣзнь. Въ св. Писаніи война, дороговизна, голодъ, эпидемія (моръ) и смерть постоянно идутъ между собою рука объ руку, какъ союзники. Въ 6-й главѣ откровенія Іоанна за рыжимъ конемъ, имѣющимъ своею задачею взять миръ съ земли, чтобы люди убивали другъ друга, слѣдуетъ вороной,—вѣстникъ голода и дороговизны на хлѣбъ и, наконецъ, блѣдный, имя которому смерть, и которому дано умерщвлять мечомъ и моромъ и звѣрьми земными (Откр. св. Іоанна 6, 4—8). Правда, христіанство въ позднѣйшія войны замѣтно проявило свою благотворную силу для облегченія ихъ тяготъ и бѣдствій. Я разумѣю лучшій уходъ за ранеными и увѣчными какъ въ тѣлесномъ, такъ и духовномъ отношеніи. Разумѣю то, что теперь почти каждый народъ печется не только о своихъ раненныхъ, но вмѣстѣ и о раненныхъ и искалѣченныхъ вражескаго лагеря. Я разумѣю Женевскую конвенцію. Почти всѣ народы Европы согласились въ томъ, чтобы все, что стоитъ на полѣ брани подъ краснымъ крестомъ, было признаваемо нейтральнымъ.

Ни одинъ перевязочный пунктъ не долженъ быть обстрѣливаемъ. Каждый лазаретъ и каждый домъ, въ которомъ помѣщены раненные, находится подъ защитою и покровительствомъ правительства обѣихъ воюющихъ странъ. Желѣзнодорожные поѣзда и вагоны, которые везутъ раненныхъ, не должны терпѣть никакого нападенія со стороны враговъ. Доктора, братья и сестры милосердія суть нейтральные люди, которые и въ томъ случаѣ, если бы лазаретъ попалъ въ руки врага, продолжаютъ свою работу безпрепятственно. Много и другихъ отрадныхъ явленій встрѣчается намъ на полѣ настоящихъ войнъ. Въ книгѣ Второзаконія (20, 19) мы видимъ запрещеніе срубить въ осажденныхъ городахъ фруктовыя деревья. Только тѣ деревья могутъ быть срубаемы и уничтожаемы по этому закону, которыя не приносятъ никакихъ плодовъ. Такъ и въ послѣднія войны воинамъ дозволяется въ иныхъ мѣстахъ употреблять для разнаго рода надобностей только безплодныя деревья, но запрещается прикасаться къ фруктовымъ деревьямъ.—Но все же, любезные слушатели, несмотря на всѣ эти, сдѣланные христіанствомъ, успѣхи, опасности и бѣдствія войны еще слишкомъ велики. Фруктовыя деревья остаются цѣлы, но живыя деревья, надъ воспитаніемъ которыхъ чадолюбивые родители трудились 20, 30 и болѣе лѣтъ, надѣясь подъ тѣнью ихъ укрыться отъ зноя своей старости, падаютъ тысячами. Впрочемъ, въ мои планы не входитъ описывать вамъ тѣ страданія, тѣ стоны и рыданія, которыя раздаются на полѣ битвы; объ этомъ вы много уже слышали и читали. Только одинъ моментъ не могу я не привести на память изъ жизни нѣкогда осажденного и завоеваннаго города. Когда въ 146 году до Рождества Христова римскій полководецъ Муммій завоевалъ городъ Коринѣ и его войско работало надъ разрушеніемъ славнаго

города, встрѣтилъ этотъ полководецъ группу дѣтей, которыя шли изъ школы съ исписанными тетрадками. Полководецъ спросилъ, что записано у нихъ въ тетрадкахъ изъ того, что продиктовалъ имъ учитель? Тогда одинъ мальчикъ прочиталъ: „какъ счастливы всѣ тѣ поколѣнія, которыя умерли прежде, чѣмъ это бѣдствие постигло нашъ злополучный городъ!“ А сколько окажется за настоящую общеевропейскую войну такихъ городовъ, жители которыхъ будутъ думать и говорить подобное!

Но довольно о внѣшнихъ опасностяхъ,—взглянемъ на внутреннія опасности, на опасности для нашихъ душъ. Всякая война, особенно же всякая жизнь въ лагеряхъ, на бивуакѣ и на землѣ враговъ, ведетъ къ нѣкоторому одичанію и грубости. Нужно обладать слишкомъ высокими качествами, чтобы остаться недоступнымъ для этого нравственнаго вреда. Тамъ не слышно никакого звона церковныхъ колоколовъ, зовущаго къ богослуженію. Скучная обстановка полевого богослуженія не можетъ замѣнить храма Божія. Тамъ нѣтъ правильно совершаемой домашней молитвы. Тамъ негдѣ собраться для слушанія слова Божія. Тамъ нѣтъ ни женъ, ни матерей, ни сестеръ, которымъ Богъ далъ чудную способность предотвращать все нечистое и грубое. Такъ какъ всякая война есть великое неизбежное зло, то къ нему присоединяются и разнаго рода меньшіе, но родственные виды зла. Часто воинъ оказывается въ такомъ положеніи, которое побуждаетъ его для своей личной надобности присваивать и чужое имущество,—это бываетъ по отсутствію помощи со стороны родныхъ. При такихъ обстоятельствахъ границы между моимъ и твоимъ теряютъ во многихъ сердцахъ свое значеніе. И изъ продолжительной войны, отъ которой да сохранить насъ Господь, иной солдатикъ, въ другихъ слу-

чаяхъ, честный и трезвый, возвращается нравственно испорченнымъ и пьяницею. О даруй, Господи, чтобы никто изъ нашихъ воиновъ не подвергся такому несчастію. Къ этому приносимому войною злу принадлежатъ еще и та гордость и самопревозношеніе, которыя являются у побѣдителя. Да сохранить Господь народъ нашъ отъ этого. Если Богу угодно будетъ даровать намъ побѣду, то да вызываетъ онъ тогда въ чувствѣ смиренія: „не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему даждь славу“. Далѣе, сюда же относится и то уныніе и отчаяніе, которое является иногда у побѣжденныхъ. Кто не знаетъ никакого блага, кромѣ честолюбія и славы, кто ничего не знаетъ объ Имени, написанномъ на небесахъ, кто не знаетъ и не любитъ никакого другого отечества, кромѣ отечества земного, тотъ послѣ великаго пораженія легко можетъ наложить руку на себя самого или же начать войну всякими непозволительными средствами, соединенными съ жестокими мученіями. Но вѣруемъ, Господи, что Ты не доведешь насъ до такого искушенія! Однако, возвратимся съ поля битвы къ себѣ самимъ! И мы окружены разнаго рода опасностями. Всѣ мы знаемъ, что настоящая великая война вызвана несправедливостью гордаго и жаднаго врага. И въ немъ имѣютъ въ концѣ концовъ свой источникъ всѣ тѣ слезы, которыя льются сейчасъ изъ тысячей и милліоновъ глазъ. Это, естественно, можетъ вызывать въ насъ чувство ненависти, злобы, негодованія и проклятій. Но слѣдуетъ ли попирать ногами того, кого уже Самъ Богъ осудилъ? Нѣтъ, мы не должны и въ этомъ случаѣ забывать слова Господа: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ“. Молитесь и за тѣхъ, которые обижаютъ и преслѣдуютъ васъ. Да, молитесь и за нихъ! Какая это была бы радость, если бы Господь побѣдилъ и эти хо-

лодныя, въ бездну самолюбія и гордости погруженныя сердца, на которыхъ такъ много лежитъ вины грѣха и крови; если бы и они, наконецъ, взыскали Его и, въ чувствѣ вѣры и покаянія, обратились къ Нему. Наконецъ, укажемъ еще на одну опасность. Вы изъ собственнаго опыта знаете то безпокойство и нервное напряженіе, какое приносятъ такія времена. Съ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ извѣстій съ поля битвы. Хватаются за каждый листокъ. Перечитываютъ одно и то же въ разныхъ газетахъ три, четыре и болѣе разъ. Только и разговора, что объ этихъ извѣстіяхъ. Но мы знаемъ, какъ много заключается въ этомъ возбужденіи унынія и отчаянія. Всѣ находятся между страхомъ и надеждой, въ состояніи крайняго напряженія, безпокойства и нетерпѣливаго ожиданія развязки. Охота къ постоянной, непрерывной работѣ пропадаетъ. Кто изъ насъ въ минувшіе дни и недѣли могъ взяться за серьезную работу съ прежнею энергіею и любовью? Кому не навязывались противъ его воли мысли о войнѣ и не отвлекали его отъ обычныхъ занятій? Такимъ образомъ, война есть въ самомъ широкомъ смыслѣ нарушитель внутренняго мира и спокойствія, а также и правильной семейной жизни. И здѣсь вполне приложимъ призывъ Апостола: „Не будь побѣждаемъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“. И если мы хотимъ противъ всѣхъ этихъ опасностей вести правильную, христіанскую борьбу, то необходимо должны вооружиться противъ нихъ и надлежащими средствами.

Добромъ должны мы побѣждать зло. Никто же благъ токмо единъ Богъ и все, что есть гдѣ-либо благого, добраго, происходитъ отъ Него; у Него только, слѣдовательно, и можемъ мы искать наиболѣе дѣйственныхъ средствъ противъ войны и ея опасностей.

Тотъ народъ, который стоитъ въ связи съ этимъ

Богомъ мира, никогда не долженъ начинать и подавать повода къ войнѣ. Онъ можетъ только принимать ее, если вынуждаетъ его къ тому врагъ его. Всѣ мы поэтому радуемся тому обстоятельству, что настоящая война наша начата не нами. Миротлюбивый Государь нашъ Своею уступчивостью старался, насколько возможно, избѣжать ея. *Дорожа кровію и достояніемъ Нашихъ подданныхъ*, говоритъ Онъ въ Своемъ манифестѣ по случаю войны, *Мы прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ, но союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля заветренію Нашему, что принятыя мѣры (мобилизація въ смыслѣ предосторожности) отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну*“.—Если же, такимъ образомъ, эта война навязана нашему народу, то онъ не долженъ входить въ такое великое и опасное дѣло, какъ говорить, съ неумытыми руками. Онъ долженъ отнестись къ нему по-христіански, съ надлежащимъ приготовленіемъ. Дни поста и покаянія предъ войною такъ же необходимы, какъ послѣдняя исповѣдь и причастіе предъ смертною борьбою. Если въ это время обыкновенно приводятъ въ порядокъ и чистятъ всѣ оружія, то тѣмъ болѣе нужно намъ очистить сердца наши. Если отряды войска ставятъ подъ управленіемъ начальниковъ и полководцевъ, то они еще крѣпче должны поставить себя подъ знамя небеснаго Вождя и Побѣдителя. Затѣмъ и войско и весь народъ необходимо должны имѣть позади себя такую недоступную и несокрушимую крѣпость, изъ которой не можетъ выгнать никакой врагъ. Такою твердынею служить для насъ Богъ, Который одинъ только можетъ защитить и избавить насъ отъ постигшаго

бѣдствія. Въ этой святой крѣпости и должны пребывать мы въ настоящіе дни испытаній. Въ нее должны мы ежедневно устремляться съ молитвою и словомъ Божиимъ въ рукахъ. Если молитва и углубленіе въ слово Божіе, въ размышленіе о всемогуществѣ и благодати Божіей нужны и во всякое время, то въ особенности въ такіе тревожные дни, какъ наши. Кто не знаетъ этой крѣпости, тотъ обрекаетъ себя на неизбежную тревогу, безграничную заботу и печаль. Итакъ, ищи ты, русскій народъ, успокоенія въ этой священной скинii! Но если мы при всѣхъ своихъ укрѣпленіяхъ нуждаемся въ этой духовной твердынѣ, то позади нашего войска должно стоять другое войско, разумѣю войско молящееся. Эта молящаяся рать должна быть несравненно больше по своему количеству, чѣмъ сражающаяся на полѣ брани. Къ ней должны принадлежать, кромѣ нашихъ воиновъ, и всѣ мы. Сюда можетъ и долженъ войти каждый, и старый и малый, и юноши, и дѣти, и мужчины и женщины и такимъ образомъ помогать нашимъ братьямъ на войнѣ преодолевать зло. Когда Иисусъ Навинъ велъ войну противъ амаликитянъ, тогда за его войскомъ стоялъ Моисей и молился. И много можетъ молитва праведника, если она искренняя и проникнута вѣрою. Изъ такого расположенія сердца, изъ такой надежды на Бога и преданности Царю Небесному вырастаетъ истинный духъ мужества и истинная вѣрность Царю и Отечеству земному. Правда, иной можетъ храбро сражаться изъ одной только славы и почестей и изъ одной естественной любви къ своему Отечеству. Но таковой похожъ бываетъ на дерево, стоящее на открытой и сухой вершинѣ. Если нѣтъ дождя, если война сопровождается неудачами и идетъ не по его желанію, если долго длятся нужда и лишенія, тогда очень скоро измѣняетъ ему мужество. На-

противъ, благочестивый воинъ подобенъ дереву, насажденному при исходящѣ водъ. Какъ бы ни продолжительна была засуха, какъ бы ни были велики недостатки и лишенія и неудачи войны, онъ никогда не теряетъ терпѣнія, мужества, но все болѣе и болѣе черпаетъ его изъ неисчерпаемой глубины лежащаго близъ него источника.—Но изъ этой духовной твердыни, изъ такой дѣтской вѣры проистекаетъ не одно только мужество, но и готовая на всякую помощь любовь. Эта любовь вызываетъ въ насъ искреннюю заботу о женахъ и дѣтяхъ тѣхъ, которые на войнѣ. Заботы о вдовахъ и сиротахъ, оставшихся отъ убитыхъ на войнѣ, не должны служить для насъ бременемъ и по заключеніи мира. Онѣ должны навсегда оставаться искреннею данью благодарности за эту великую жертву, которую павшіе воины принесли за всѣхъ насъ на алтарь Отечества. Тѣ же, которые возвращаются съ войны ранеными и увѣчными калѣками, они должны почувствовать, что для нихъ настало новое и сравнительно съ прежнимъ лучшее время. Въ молодости мнѣ пришлось однажды слышать отъ отошедшихъ на войну солдатъ пѣсню такого содержанія, что они теперь идутъ на борьбу за Отечество, а послѣ въ награду за это, можетъ быть, будутъ, какъ калѣки, просить у дверей милостыню на пропитаніе. Такъ въ то время дѣйствительно и бывало. Собственными глазами я не разъ видѣлъ, какъ эти увѣчные слуги Отечества съ деревянными ногами стучали въ окно отцовскаго дома, прося милостыни. А иногда можно было такихъ здѣсь и тамъ видѣть сидящими на улицѣ съ протянутыми руками. Теперь, слава Богу, этого уже нѣтъ и, навѣрное, никогда не повторится.—Отъ нашихъ раненныхъ и увѣчныхъ перейдемъ теперь къ плѣннымъ врагамъ. Это та область, гдѣ ярко выступаетъ предъ

нами заповѣдь о любви ко врагамъ,—область, гдѣ христіанство одержало уже славную побѣду надъ „ветхимъ“ человѣкомъ. Ранѣе жребій плѣнныхъ былъ самый плачевный и бѣдственный. На ихъ долю выпадало быть въ постоянномъ угнетеніи и рабствѣ. Особенно тяжела была участь плѣнныхъ у германцевъ, съ которыми мы сейчасъ ведемъ войну. Это подтверждаетъ самое слово ихъ „склаве“ (рабъ). Многіе плѣнные, которыми у нѣмцевъ большею частью бывали славяне, бывали у нихъ, какъ крѣпостные, предметомъ торга и продажи, и такъ какъ большая часть ихъ крѣпостныхъ рабовъ состояла изъ плѣнныхъ славянъ, то это названіе получили у нихъ и всѣ крѣпостные рабы. Такимъ образомъ, изъ слова „славе“—славянинъ вышло у нихъ „склаве“—рабъ. Уже въ ветхомъ завѣтѣ мы усматриваемъ зарю лучшаго обращенія съ плѣнными. Во дни пророка Исаи Факей, сынъ Ремаліинъ, царь Израильскій, разбилъ царя Іудейскаго Ахаза (2 кн. Паралипоменонъ 28, 6—15). Совершивъ эту побѣду, войска Факея взяли у іудеевъ въ плѣнъ 200.000 женъ и дочерей и отправили ихъ въ Самарію. Когда они подошли къ воротамъ города, вышелъ къ нимъ навстрѣчу пророкъ Одедъ и сказалъ: „вотъ Господь Богъ отцовъ вашихъ во гнѣвъ на нихъ предалъ ихъ въ руку вашу, и вы избили ихъ съ такою яростію, которая достигла до небесъ. И теперь вы думаете поработить сыновъ Іуды и Іерусалима въ рабы и рабыни себѣ. Зачѣмъ хотите прибавить новый грѣхъ ко грѣхамъ вашимъ? Велика вина ваша и пламень гнѣва Господня надъ Израилемъ. Итакъ, послушайте же меня и возвратите плѣнныхъ, коихъ вы захватили изъ братьевъ вашихъ“. Когда воины слышали эти слова пророка, тогда они оставили плѣнныхъ у начальниковъ и всего собранія. А эти послѣдніе взяли ихъ и всѣхъ нагихъ изъ нихъ

одѣли и обули, накормили и напоили и помазали елеемъ, всѣхъ слабыхъ изъ нихъ посадили на ословъ и отправили въ Іерихонъ, *городъ пальмъ*, къ братьямъ ихъ. Да, поистинѣ въ *городъ пальмъ*, ибо весь этотъ образъ дѣйствій благоухаетъ, какъ прекрасная пальма побѣды на лугу древняго времени.—Будемъ поступать также и мы съ своими врагами, и это дастъ намъ надъ ними такую побѣду, которая сильнѣе преодолеваетъ зло, чѣмъ побѣда съ оружіемъ въ рукахъ.—И при всемъ этомъ наши христіанскіе взоры и наша молитва направляются къ миру, и мы горячо молимся, да не укусятъ Господь положить конецъ настоящей страшной войнѣ. Но, какъ христіане, не можемъ отказаться отъ надежды и на тотъ великій и всеобщій миръ, который наступитъ въ то время, когда не будетъ воевать ни одинъ народъ, когда люди *раскуютъ*, по слову Божію, *мечи свои на плуги и копы на серпы*. Неложно слово Божіе и тотъ Пасхальный привѣтъ Спасителя: „Миръ вамъ“ не долженъ остаться напраснымъ. Онъ, какъ святая божественная сила, постепенно будетъ проникать во всѣ народы. Тотъ Божественный Герой, Который не чужою, но Своею Собственною кровію одержалъ побѣду надъ грѣхомъ и всѣми силами ада, не оставитъ поля сраженія, но болѣе и болѣе будетъ побѣждать зло и въ нашихъ сердцахъ и въ сердцахъ всѣхъ народовъ.

Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій.

Рѣчи по случаю войны.

1. Предъ благодарственнымъ молебномъ за дарованіе побѣды русскому воинству и за взятіе городовъ Львова и Талича
23 августа 1914 года.

Съ нами Богъ!

Братья Россіяне! Слава Богу, даровавшему нашему христіанскому воинству славную побѣду надъ супостатомъ, воюющимъ съ нами несправедливо! Намъ дается знаменіе, что съ нами Богъ и что Онъ поборааетъ по насъ. Но смѣемъ ли подумать, что мы пріобрѣли эту побѣду только своими силами, мудростію вождей и храбростію воиновъ? Нѣтъ, скажемъ: не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему да будетъ прежде и болѣе слава. А потомъ уже—хвала и честь нашему христіанскому воинству. Не за нашу праведность дарована намъ радость о побѣдѣ, но по милости Божіей и за покаяніе народа. Угрожавшія намъ опасности отъ могущихъ быть неудачъ войны вызвали, какъ нѣкогда въ ниневитянахъ, чувство покаянія и обращенія къ Богу во всѣхъ сословіяхъ, отъ верху до низу. Прекратились раздоры, закрылись капища, гдѣ приносились народомъ жертвы богу пьянства. Что отдавалось прежде этому русскому Бахусу, теперь приносится на алтарь отечества. Народъ сталъ прибѣгать съ молитвами въ

храмы Божіи. Повсюду видно отрезвленіе, благонравіе, благочестіе. Повсюду готовность жертвовать всѣмъ на раненыхъ воиновъ, осиротѣлыя ихъ семейства. Не сіе ли привлекло на насъ милость Божію?

Итакъ, скажемъ отъ искренняго сердца: слава Богу, Благодарителю нашему! Возвесели, Господи, силою Твоею Благочестивѣйшаго Государя нашего Николая Александровича. Вѣчный покой—вождямъ и воинамъ, положившимъ души свои за Вѣру, Царя и Отечество, а христолюбивому, побѣдоносному всероссійскому воинству здравіе, спасеніе, на враговъ побѣду и одолѣніе и многая лѣта.

2. По поводу новой побѣды надъ австро-германскими войсками въ Галиціи.

Еще милость Божія къ намъ! Еще побѣда, еще—слава Богу, помогающему намъ и союзникамъ нашимъ. Будемъ радоваться и благодарить Бога; но будемъ и опасаться самонадѣянности и кичливости. Эти невидимые враги для успѣха въ настоящей брани, какъ и во всякомъ дѣлѣ, не менѣе опасны, какъ и видимые. Намъ дана побѣда по милости Божіей, при геройской стойкости нашего воинства и мудрости вождей; но врагъ еще не сломленъ, а только ослабленъ. Еще много предстоитъ труда, опасностей и жертвъ. Будемъ готовы ко всему, пока не даруетъ Господь полной побѣды. Пораженный звѣрь, но не убитый, нерѣдко бываетъ свирѣпѣе и опаснѣе, чѣмъ тогда, когда рана не коснулась его. Раненный онъ нападаетъ на противника съ отчаянной храбростью. Значить, побѣдителю не слѣдуетъ снимать съ себя оружія, но быть готовымъ къ болѣе упорной битвѣ.

Итакъ, принося благодареніе Господу за дарованныя побѣды, будемъ готовы къ дальнѣйшей, быть можетъ, упорнѣйшей борьбѣ. Не престанемъ молитвенно воздѣвать руки къ Богу, прося помощи Его, какъ дѣлалъ нѣкогда Моисей при борьбѣ евреевъ съ амаликитянами. Будемъ помогать воюющимъ братьямъ нашимъ всѣмъ, чѣмъ можемъ; будемъ продолжать наше покаяніе въ грѣхахъ невѣрія, пьянства, разврата, дѣтоубійства и другихъ общественныхъ пороковъ.

На Тя, Господи, уповаемъ, да не постыдимся до конца.

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная въ Московской Городской Думѣ 22 іюля
1914 г., предъ молебномъ о дарованіи побѣды.

Господь посылаетъ намъ, дорогіе братія, великое испытаніе. Надъ нами нависла гроза, страшная гроза— война. Если въ частной жизни каждого человѣка горе чувствуется имъ однимъ и немногіе со стороны его замѣчаютъ, то не это нужно сказать относительно общественнаго бѣдствія, особенно такого, какъ война. Здѣсь каждый изъ насъ чувствуетъ боль и боль тяжелую. За что же намъ такое испытаніе? Видно, мы виноваты предъ родиной, что дается намъ такая скорбь. Да, всякое общественное бѣдствіе есть наказаніе Божіе за грѣхи людскіе. Не станемъ говорить, какая наша вина предъ родиной. Каждый изъ насъ хорошо знаетъ, если вспомнить послѣднее десятилѣтіе, когда проявилось шатаніе умовъ, неуваженіе къ завѣтамъ старины, св. вѣрѣ. Не станемъ винить и судить другъ друга. Не этому теперь мѣсто. Намъ нужно теперь сознаніе своихъ прегрѣшеній, нужно покаяніе... Прости же намъ, дорогая наша отчизна, нашъ родной край, эти наши необозримые лѣса и широкія поля, дающія намъ приволье и славу! Прости намъ, нашъ родной Дер-

жавный Царь-Батюшка! Мы и Тебя огорчали нестро-
еніями и ссорами, а Ты любвеобильный любишь насъ,
какъ своихъ родныхъ дѣтей и печешься о благоустро-
еніи нашей отчизны. Прости намъ, наша св. вѣра и
Церковь Православная, наша св. мать! И Тебя мы не
мало огорчали отступленіемъ и невѣріемъ, тогда какъ
ты, въ союзѣ съ державными, нашими царями, сдѣлала
изъ насъ, русскихъ, то, что мы есть, сдѣлала нашу
Русь святую сильной и славной. Теперь въ сторону
должны отойти всякая гордость и самолюбіе; покаян-
ное же чувство пусть охватитъ наши сердца!.. Въ руцѣ
Творца Вселенной жизнь и дыханіе всѣхъ живущихъ
на землѣ, а покаяніе есть путь примиренія съ Твор-
цемъ... Покаемся же, дорогіе братія, и Творецъ міра
проститъ, помилуетъ и сторицею возвеличитъ насъ!—
Аминь.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Р Ъ Ч Ъ,

**сказанная въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ
24 августа 1914 г., предъ открытіемъ чтеній для рабочихъ.**

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, братіе, приходится намъ начинать кругъ нашихъ чтеній. Мы теперь съ Вами переживаемъ тяжелое испытаніе. Могущественные наши сосѣди-нѣмцы, вмѣстѣ съ союзной Германіи двуединой монархіей Австро-Венгріей, объявили намъ войну. Такое чрезвычайное въ жизни нашей событіе заставляетъ насъ прежде всего остановить наше вниманіе на размышленіи, что это за война и какъ на нее смотрѣть? Борьба съ нѣмцами—наша исконная борьба. Уже Благ. Князь Александръ Невскій воевалъ съ ними. Однажды, готовясь вступить въ бой съ ливонскими нѣмцами, онъ такъ воскликнулъ: „разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высококомѣрнымъ народомъ“, и воины въ порывѣ воодушевленія сказали: „о, честный и дорогой нашъ княже, приспѣлъ часъ сложить намъ за тебя свои головы“. И отъ того времени до нашихъ дней нѣмцы—этотъ высококомѣрный, по словамъ св. Александра Невского, народъ не переставалъ намъ—русскимъ наносить вредъ, хотя часто-часто мы, по своей добротѣ, гостепріимству и смиренію, и не замѣчали этого.

Какой причинялся намъ нѣмцами вредъ,—объ этомъ говорила и еще скажетъ въ подробности исторія, намъ же хочется сейчасъ указать только на тѣ опасности отъ нѣмцевъ, какія настоящая война намъ такъ рельефно уже выдвинула. Это, во-первыхъ,—притѣсненіе и угнетеніе нашихъ братьевъ-славянъ германскимъ народомъ, во-вторыхъ засилье русской земли нѣмцами, которые захватили у насъ въ свои руки промышленность, торговлю и даже повели незамѣтное для насъ территоріальное завоеваніе, основывая свои колоніи и забирая въ свои руки сельское хозяйство, и въ третьихъ,—нѣмцы сдѣлали подрывъ нашей св. вѣрѣ Православной, посѣявъ у насъ штундизмъ, баптизмъ и т. п. нѣмецкія секты. Невѣріе, протестантское направленіе въ церковно - религіозныхъ взглядахъ—все это плоды насильственной культуры нѣмцевъ. И, въ концѣ всего, они объявили намъ братоубійственную войну. Всякая война есть бѣдствіе, но и война не бываетъ безъ Промысла Божія. Прочитайте въ Библии исторію еврейскаго народа и вы увидите, что Самъ Господь выводилъ на брань съ язычниками избранный народъ Свой. Кто знаетъ, можетъ быть, и сія война попущена Господомъ Богомъ не безъ цѣли для насъ.. Трудно человѣку угадывать пути Промысла Божія. Но, если мы распознаемъ свое призваніе, и посмотримъ на нашу Русь, какъ на Русь святую, на русскій народъ, какъ на народъ Богоизбранный, то отчасти мы уразумѣмъ и тѣ задачи, какія намъ предлежитъ выполнить чрезъ ниспосланную намъ войну. Вы знаете, что нѣмцы всѣ усилія употребляли на изобрѣтеніе и усовершенствованіе военныхъ приспособленій, пока, наконецъ, не рѣшили ихъ примѣнить на дѣлѣ, направивъ на насъ всю ихъ смертоносность. А развѣ подобаетъ христіанскому народу проливать кровь? Миръ, а не войну заповѣ-

далъ намъ Христосъ. И что сказалъ бы Онъ намъ, если бы былъ свидѣтелемъ настоящей братоубійственной войны? Есть такая картина: поле сраженія; масса лежитъ на немъ убитыхъ воиновъ, еще больше раненыхъ и въ ранахъ мучащихся. Въ сіяніи заходящаго солнца изображенъ пришедшимъ на это страшное поле Христосъ Спаситель, Который съ жалостію взираетъ на все это и кротно говоритъ: „братіе, развѣ не говорилъ Я вамъ: любите другъ друга!“ Между христіанскими народами, какъ это ни прискорбно, временами ведутся войны и это отъ того, что тотъ или другой народъ чувствуетъ собственную силу, возможность усилиться насчетъ другого. А что было бы, если бы какой-нибудь одинъ миролюбивый христіанскій народъ съ помощію Божіею настолько усилился бы, что послѣ ни одинъ другой народъ не дерзнулъ бы поднять руки на своего брата христіанина? Страхъ предъ могуществомъ этого народа не позволялъ бы и другимъ воевать другъ съ другомъ. И кто знаетъ, можетъ быть миролюбивому русскому народу пришло время чрезъ настоящую войну усилиться настолько, чтобы потомъ поддерживать миръ среди всѣхъ немирствующихъ христіанъ. Далѣе, русскому народу дано храненіе вѣры православной, но смотрите,—она въ гоненіи то въ Галиціи отъ тѣхъ же нѣмцевъ, то на Балканахъ отъ турокъ - мусульманъ. Опять, кто знаетъ, быть можетъ Господь призываетъ Русь святую поддержать, встать на защиту Вѣры Православной, высвободить нашихъ братьевъ-славянъ изъ подъ гнета враждебныхъ Православной Вѣрѣ народовъ и дать ей свободу, просторъ. И еще,—нѣмецкое засилье извратило нашъ русскій коренной строй—подорвало и унизило національное наше чувство, развило у насъ гордость, задушило нашу русскую простоту, ко всему этому присоединились еще и

наши собственные пороки, въ особенности усилилась страсть къ винопитію. И вотъ, какъ черезъ огонь искушается золото, такъ мы черезъ огонь войны призываемся къ исправленію нашей жизни, къ возвращенію на прежній путь доброй христіанской жизни, къ перемѣнѣ изнутри и снаружи самихъ себя. Дай же, Господи, что бы мы уразумѣли пути Промысла Божія, являемаго намъ въ настоящей войнѣ! Дай, Господи, чтобы эта война послужила намъ къ вящей славѣ, чести и могуществу!

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Духовный дневникъ*).

*„Всѣ вы сыны свѣта и сыны дня...
Будущи сынами дня, да трезвимся,
облекшись въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

О духовной жизни. Что вамъ, возлюбленные братіе и сестры, пожелать въ жизни? И что можетъ пожелать вамъ пастырь Христовой Церкви съ св. Евангеліемъ въ рукахъ, долженствующій проповѣдывать правду Божию на землѣ? Несомнѣнно—наилучшаго въ мірѣ счастья. Но гдѣ оно? Даетъ ли намъ его наша настоящая, такъ-называемая, мірская жизнь? Далеко нѣтъ. Вотъ черты этой жизни. Прежде всего, мы всю заботу полагаемъ въ томъ, чтобы обставить себя удобно, приятно, чтобы обезпечить себя матеріально. Нѣкоторые изъ насъ, дѣйствительно, успѣваютъ достигать внѣшнихъ удобствъ жизни и эти люди кажутся намъ счастливыми, на дѣлѣ же часто бываетъ не такъ. Внѣшнее благополучіе не обезпечиваетъ насъ отъ болѣзней, семейныхъ огорченій и разнаго рода нравственныхъ страданій, во множествѣ насъ посѣщающихъ при всякой

*) См. Г. Ц. м. Сентябрь 1914 г.

обстановкѣ жизни, не говоря уже о томъ, что самое это исканіе мірскаго счастья сопряжено съ большими непріятностями, волненіями и опасностями. Все это создаетъ ту мірскую суету, которая такъ часто насъ одолеваетъ и совершенно разстраиваетъ. Вторую особенность современной жизни составляетъ сильный упадокъ религіи, безвѣріе. Повидимому, безъ религіи человѣкъ свободенъ, не связанъ никакими обязательствами и можетъ жить какъ ему хочется, жить въ свое удовольствіе. Но результатомъ безвѣрія является страшное развитіе пороковъ и преступленій, когда люди начинаютъ другъ друга грабить, убивать, когда они впадаютъ въ развратъ, въ нравственное и физическое безсиліе. Это ли опять счастье? Будучи невыносимъ для ближнихъ, развращенный человѣкъ и въ своей душѣ постоянно носитъ тугу въ видѣ отчаянія, ненависти ко всѣмъ и сатанинской гордости.—Такова теперь мірская жизнь, суетная и развращенная. Не въ ней, конечно, наше счастье.

Но, возлюбленные, вы, быть можетъ, знаете, что есть еще духовная жизнь, можетъ быть приходилось вамъ слышать выраженіе: „этотъ человѣкъ духовной жизни“. Что же это за жизнь? Вдумаемся, не въ ней ли наше счастье? Духовная жизнь,—это когда человѣкъ вѣруетъ въ Бога, когда онъ живетъ добродѣтельно, когда онъ милостивъ, доброжелателенъ, кротокъ, смиренъ, любвеобиленъ, привѣтливъ, воздерженъ, цѣломудренъ и трезвъ. Духовная жизнь соотвѣтствуетъ человѣку какъ нравственному, богоподобному существу. Помимо этого, люди, прожившіе добродѣтельною жизнію, говорятъ, что она приноситъ душѣ великое утѣшеніе, великую сладость, миръ и успокоеніе. Она регулируетъ и нашу внѣшнюю мірскую жизнь, въ которой намъ приходится вращаться. Правда, мы не испытали, не

знаемъ духовной жизни, ибо немощны и грѣховны, но мы всѣ, какъ носящіе отъ св. крещенія духъ благодати Христовой, можемъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, чувствовать сладость этой духовной жизни. Вспомните, когда вы обогрѣете сироту и убогаго, когда спасете утопающаго, когда утѣшите, успокоите убитаго горемъ, когда выручите изъ бѣды брата или иное добро сдѣлаете, не наполняется ли тогда ваша душа, ваше сердце мирнымъ, отраднымъ настроеніемъ? Это и есть плодъ духовной жизни человѣка. А если ты вѣрный сынъ св. Церкви, если ты религіозенъ, то еще больше имѣешь случаевъ испытывать сладость духовной жизни. Вспомни, когда ты отъ души, со слезами помолишься, когда искренно поговѣешь, поисповѣдуешься и причистишься Св. Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, когда въ праздникъ побываешь въ храмѣ Божиѣмъ, когда въ семьѣ, дома, этотъ праздникъ встрѣчаешь съ вѣрою и любовію къ Господу, не успокаивается ли въ то время твоя душа отъ всякаго рода волненій, не чувствуешь ли ты тогда духовной радости, мира и утѣшенія?—и это опять слѣды твоей духовной жизни. Духовная жизнь, о, это великое счастье, великое благо для человѣка христіанина!.. Если тамъ, въ мірской жизни, суета, безпокойства и тревоженія, то здѣсь миръ, тишина и успокоеніе; если тамъ злоба, вражда и ненависть, то здѣсь кротость, любовь и доброжелательство; если тамъ разнузданность, порокъ и развращеніе, то здѣсь сдержанность, добро и чистота; если тамъ тоска, душевная, туга и отчаяніе, то здѣсь благодущіе, радость и надежда!..

Этой-то духовной жизни я отъ всей души вамъ, возлюбленные, и желаю какъ высшаго и наилучшаго счастья для человѣка-христіанина. Но недостаточно пожелать, нужно указать и средства къ приобрѣтенію, до-

стиженію его, ибо въ противномъ случаѣ наши благопожеланія будутъ не полны, безжизненны. Какъ если бы мы, увидавъ немощного, больного, бѣднаго, пожелали бы ему только на словахъ здоровья, средствъ къ жизни и не оказали бы ему существенной, матеріальной помощи, то наше участіе было бы неполно, такъ и въ данномъ случаѣ. Не достаточно пожелать вамъ, возлюбленные, духовнаго блага, но позвольте отъ опыта богомудрыхъ отцевъ предложить, хотя вкратцѣ, нѣкоторыя средства и къ приобрѣтенію его.

Прежде всего, въ духовной жизни большое значеніе имѣетъ вниманіе къ себѣ, бдительность надъ своимъ сердцемъ. Во всемъ нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ и всему производить внутреннюю оцѣнку. У каждого изъ насъ въ душевной жизни есть два начала. два теченія—одно, очень сильное, ко всему нравственнодурному, другое теченіе, часто даже не теченіе, а просто сознаніе, да и то притупленное, чего-то лучшаго, добраго, нравственно-хорошаго. Вдумавшись въ себя, мы уже вслѣдствіе природной наклонности къ добру, можемъ сознать, почувствовать: доброе или дурное мы подумали, сдѣлали. Если же мы хранимъ вѣру въ Бога и пользуемся благодатными средствами, преподаваемыми намъ св. Церковію въ таинствахъ, то это чувство различія у насъ бываетъ еще тоньше, еще сильнѣе. И, вотъ, это-то вниманіе къ себѣ, соединенное съ различіемъ добраго отъ злого, имѣетъ величайшее значеніе въ духовной жизни, въ дѣлѣ выработки добраго настроенія. Нашу внутреннюю наклонность ко грѣху хорошо сравнить съ злокачественной раной. Какъ рана отъ нерадѣнія, медицинскаго недосмотра можетъ затянуться и заразить все тѣло, а потому рану лучше держать открытой, дабы постоянно ее видѣть и излѣчивать пластыремъ и другими средствами, такъ и грѣхъ—

эта душевная рана, отъ нашего невниманія, забвенія можетъ скрыться отъ духовнаго зрѣнія и нравственно развратить все наше существо. Постоянное же вниманіе къ внутреннему состоянію не даетъ возможности скрываться нашимъ немощамъ. При вниманіи къ себѣ, онѣ—эти немощи для насъ открыты, ясны—остается только ихъ излѣчивать.

Но трудно поддерживать уже самое вниманіе къ себѣ. Здѣсь можно предложить слѣдующіе совѣты. Ежедневно вечеромъ, послѣ вечернихъ молитвъ или на ложѣ, хорошо подводить итогъ прожитому въ теченіе дня: „положи,—сказано въ молитвословѣ, послѣ вечернихъ молитвъ,—слово съ самимъ тобою, и испытаніе сотвори совѣсти твоя, преходя и подробну изсчитая вся часы дневныя, наченъ отъ времени, когда возсталъ еси отъ одра твоего, и приводя себѣ на память: камо ходилъ еси; что творилъ еси, кому; и что собесѣдовалъ еси; и вся твоя дѣянія, словеса и помышленія, отъ утра даже до вечера тобою произнесенная, со всякимъ опасеніемъ испытай. и воспоминай“. Полезно также, кто можетъ, вести дневникъ своей внутренней жизни, какъ дѣлалъ это достоуважаемый нашъ пастырь о. Іоаннъ Кронштадтскій и дѣлаютъ другіе, ревнующіе о благочестіи христіане. Вотъ и еще правило для внимательной жизни—меньше говорить, а больше думать, меньше суетиться и разбрасываться, а больше имѣть прилежанія къ начатому дѣлу.

Если трудно поддерживать вниманіе къ своему внутреннему состоянію, то еще труднѣе бороться и искоренять замѣченные недочеты, немощи и грѣхи. И тутъ полезны совѣты духовно-опытныхъ людей. Прежде всего, нужно постоянное самоукореніе,—подумалъ, сдѣлалъ что либо дурное, укори себя въ этомъ. Самоукореніемъ подавляются грѣховныя наклонности наши. Сегодня

сознай и укори себя въ дурной привычкѣ, завтра и т. д., смотри и эта привычка, все меньше и меньше станетъ тебя беспокоить. Хорошо, далѣе, духовное руководство, или, что называется въ обителяхъ, старчество—открытие помысловъ. Прошелъ день въ этихъ обителяхъ, и братія направляются къ своимъ духовникамъ и имъ безъ утайки рассказываютъ все свое душевное настроеніе. Открытіе помысловъ есть постоянное очищеніе сердца отъ всего грѣховнаго, дурного. Какъ, если ежедневно выметать отъ сора домъ, горницу, она будетъ постоянно чиста и опрятна, такъ, если и часто открываться въ своихъ грѣхахъ, сердце наше будетъ чисто и спокойно. И, дѣйствительно, опытъ хорошо подтверждаетъ это. Въ обителяхъ, гдѣ есть старчество, братія пріобрѣтаютъ ровное, спокойное, мирное, серьезное, безстрастное, высокое настроеніе духа. Это невольно подмѣчается, чувствуется и посѣтителями тѣхъ обителей. Здѣсь не замѣтишь ни злобы, ни зависти, ни насмѣшки, ни осужденія, а только поистинѣ братское, мирное отношеніе между собою и ко всѣмъ ближнимъ. Но вы скажете: кому въ міру открываться въ своихъ помыслахъ? Апостолъ говоритъ: „исповѣдуйте другъ другу согрѣшенія ваша“. Можно открывать свою душу роднымъ, друзьямъ и добрымъ людямъ. Не мѣшаетъ, правда, здѣсь имѣть осторожность, дабы наше доброе намѣреніе не обратилось во зло, дабы не подвергнуться насмѣшкамъ и непріятностямъ. Лучше, поэтому, открываться преданнымъ и доброжелательнымъ намъ людямъ. Но мы знали одного добраго юношу, учащагося, который велъ дневникъ своего душевнаго состоянія, при чемъ оставлялъ его у себя на столѣ въ общей занятой комнатѣ, гдѣ каждый товарищъ могъ этимъ дневникомъ интересоваться — брать и читать. Сей юноша, такимъ образомъ, постоянно отдавалъ себя на

судъ товарищамъ, хорошимъ и дурнымъ, предъ всѣми всегда ходилъ осужденникомъ. Да, бываютъ примѣры великаго смиренія, силы воли и глубокаго сознанія своего ничтожества, своей грѣховности! Мы намѣтили средства къ выработкѣ добраго настроенія, приходящія отъ нашихъ способностей, отъ нашей силы воли, конечно, дѣйствующихъ не безъ помощи Божіей, подаваемой намъ во всемъ. Но христіанинъ имѣетъ еще особья, чрезвычайныя, благодатныя средства въ борьбѣ со грѣхомъ, которыя подаются ему въ св. таинствахъ. Такъ, въ таинствѣ покаянія прощаются Господомъ намъ грѣхи; въ таинствѣ св. Причащенія мы закрѣпляемся въ добромъ настроеніи, одухотворяемся. Часто прибѣгать къ этимъ св. таинствамъ—значить постоянно имѣть благодатную помощь въ нашемъ духовномъ дѣланіи.

Потеемъ же, возлюбленные братіе и сестры, на путь духовной жизни. Довольно намъ погрязать въ мірской суетѣ, въ грѣхахъ и беззаконіяхъ, укрѣпимся въ вѣрѣ въ Господа, нравственно обновимся, станемъ по мѣрѣ силъ проводить добрую христіанскую жизнь, ибо въ ней наше счастье, наше благополучіе!

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

„На всякое время и на всякій часъ“.

(Краткія размышленія на „молитвы молебныя, числомъ двадесатимъ четверемъ, часомъ дневнымъ и noctнымъ, святаго Іоанна Златоустаго“).

* * *

Непрестанно молитесь (І Сол. 5, 17), завѣщаль намъ св. Апостоль Павелъ. Памятуя сіе, великій Святитель Христовъ Іоаннъ Златоустъ, самъ непрестанно пламенѣвшій духомъ и выну имѣвшій очи свои ко Господу, излилъ молитвенныя воздыханія души своей въ двадцати четырехъ краткихъ молитвахъ, опредѣливъ ихъ на каждый часъ дня и ночи. Послѣдуемъ и мы за Святителемъ, и потщимся вникнуть въ смыслъ и значеніе сихъ воздыханій ко Господу, краткихъ съ внѣшней стороны, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ и многозначительныхъ по силѣ и глубинѣ покаяннаго въ нихъ чувства, исходящаго отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, вызывающаго къ Творцу своему: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи!*

Д н е в и:

1.

Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ.

О единомъ на потребу надлежитъ намъ болѣе всего помышлять, и поэтому въ первый часъ дня, въ началѣ поприща дневнаго, всего приличнѣе, всего нужнѣе воздыхать о благахъ небесныхъ, о царствіи небесномъ, семъ неоцѣненномъ сокровищѣ, ради пріобрѣтенія котораго христіанинъ все прочее „яко уметь“ вмѣняетъ. Итакъ во главу угла, въ твердое основаніе нашего земнаго дѣланія положимъ заботу о вѣчномъ.

и тогда воистину въ день онъ не лишимся небесныхъ благъ, уготованныхъ всѣмъ любящимъ Господа, творящимъ святую волю Его. И се—*главная* наша забота; прочее же все—приложится намъ.

2.

Господи, избави мя вѣчныхъ мукъ.

Противоположность благамъ небеснымъ—*вѣчныя муки*, прямое послѣдствіе грѣховной жизни, бѣжать которой научаетъ страхъ Господень—сіе истинное начало премудрости. Дѣйствительно, премудръ тотъ, кто со страхомъ совершаетъ свое спасеніе,—чая и желая радостей небесныхъ и въ тожъ время страшась мукъ вѣчныхъ, уготованныхъ за грѣхи людскіе. Воистину премудръ тотъ, кто между страхомъ и надеждой пребываетъ! Страшится грѣшникъ, какъ предстанетъ Господу, какъ воззрѣть на Праведнаго Судію: *суда Твоего, Господи, боюся, и муки безконечныя, злое же творя не престаю; но, Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя.* Если такъ будемъ вопіять, то не далече будемъ отъ Господа!

3.

Господи, уможь ли или помышленіемъ, словомъ или дѣломъ согрѣшихъ, прости мя.

Одно всего слово—*прости*, а много оно значить, какія важныя имѣетъ послѣдствія: избавляетъ отъ вѣчныхъ мукъ! Есть о чемъ подумать, и серьезно подумать!

Уможь согрѣшихъ. Все направленіе ума гордаго грѣшника далеко отстоитъ отъ помышленія о Божественномъ, и посему холодомъ вѣетъ отъ такого ума, который день и ночь поучается не въ законѣ Господнемъ, а руководствуется лишь земнымъ и тлѣннымъ. Великій грѣхъ—отметать Божественныя и ставить превыше всего измышленія суетнаго ума человѣческаго! Не на правомъ пути стоитъ человѣкъ, полагающійся исключительно на собственный разумъ. *Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ, и нѣсмь достоинъ воззрѣти на высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ,*—такъ надлежитъ вопіять такому грѣшнику!

Помышленіемъ согрѣшихъ. Кто въ этомъ не грѣшенъ? И великіе праведники, и мы грѣшныя—всѣ въ этомъ повинны.

Но разни́ца въ томъ, что нѣкоторые всепобѣдительнымъ оружіемъ креста и молитвою тѣхъ немедленно отгоняютъ отъ себя всякое помышленіе грѣховное, и съ помощью Божіею въ этомъ успѣваютъ; другіе же, напротивъ, услаждаются помыслами злыми, суетными, страстными,—даютъ имъ, такъ сказать, расширяться, разрастись. А отъ помысловъ недалеко и до словъ, и дѣлъ грѣховныхъ. Сего да избавить насъ Господь!

Словомъ согрѣшихъ. Небольшая часть тѣла человѣческаго—языкъ, но какъ мы не умѣемъ съ нимъ справиться, какъ не умѣемъ его обуздать, какъ много всѣ имъ согрѣшаемъ! Часто одно слово злое, соблазнительное или просто суетное, имѣетъ громадныя послѣдствія—влечетъ за собой дѣла такого же свойства. О, какъ надобно взвѣшивать слова свои, какъ твердо содержать въ умѣ и сердцѣ евангельское изреченіе: *отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися.* (Мѡ. 12, 37).

Дѣломъ согрѣшихъ. Отъ помысловъ и словъ грѣховныхъ родятся такія же дѣла, часто совершенно разстраивающія даже доброе доселѣ настроеніе христіанское и отвращающія душу нашу отъ спасительнаго пути хожденія въ страхъ Божіемъ. И много, много надо потрудиться, чтобы вновь стать въ прежній чинъ!

Дабы избѣжать всѣхъ сихъ *лютейхъ*—ибо что лютейе, что страшнѣе грѣха?—будемъ усердно, въ покаяніи, изъ глубины души взывать: *лютыми недуги, и болѣзненными страстями истязася, Дѣво, Ты ми помози!*

4.

Господи, избави мя всякаго невѣдѣнія, и забвенія, и малодушія, и окамененнаго нечувствія.

Невѣдѣвый, сотворивъ достойная ранамъ, біенъ будетъ мало (Лук. 12, 48).... Мало, но все таки *біенъ* будетъ, т.-е. и грѣхъ, совершенный невольно, по невѣдѣнію, осужденъ будетъ. Но есть еще невѣдѣніе, такъ сказать, *вольное*, когда мы не хотимъ изучать, *въдѣть* слово Божіе и правила церковныя, во многомъ предохраняющія отъ грѣха. И въ законѣ гражданскомъ сказано: невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ. Кольми паче это примѣнимо къ закону Божественному! Если мы закрываемъ очи свои отъ зрѣнія словесъ

закона, начертанныхъ въ священномъ писаніи, если отвращаемъ слухъ отъ слышанія глаголовъ Божіихъ, то сугубо согрѣшаемъ! Не вздумай оправдаться невѣдѣніемъ: *всякое* невѣдѣніе не простится тебѣ, тѣмъ паче—вольное невѣдѣніе воли Божіей о немъ!

И *забвеніе* вмѣняется намъ въ грѣхъ: во 1-хъ забвеніе о грѣхопаденіяхъ нашихъ; во 2-хъ, забвеніе объ обязанностяхъ нашихъ къ Богу и къ ближнему, и въ 3-хъ, забвеніе о необходимости очищать душу покаяніемъ, — короче сказать, забвеніе о всемъ томъ, что, съ одной стороны, оскверняетъ, омрачаетъ душу, и съ другой стороны о томъ, что можетъ ее очистить, облѣить, избавить отъ мрака грѣховнаго.

Малодушіемъ много мы грѣшимъ. Во - первыхъ, жалѣемъ себя, жалѣемъ свое тѣло, чрезмѣрно питаемъ, грѣемъ его, часто въ ущербъ душѣ. Во - вторыхъ, вслѣдствіе какой то ложной стыдливости, часто боимся, стыдимся, ужъ не говорю, являться исповѣдниками имени Христова, — куда намъ грѣшнымъ до того — а просто намъ иной разъ даже стыдно бываетъ, напримѣръ, перекреститься въ присутствіи другихъ, и т. п. Не надо ничего дѣлать напоказъ, но и ложнаго стыда надо всячески бѣгать: *уже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ Человѣческій постыдится, егда прїидетъ во славу Своей и Отчей, и святыхъ Ангелъ* (Лук. 9, 26). Потщимся чаще приводить себѣ на память сіи слова Господа и Владыки нашего!

Окамененное нечувствіе! Какое ужасное состояніе! Во-истину — духовное омертвѣніе! Отчего оно происходитъ? Во-первыхъ, отъ удаленія нашего отъ св. Церкви и всего церковнаго, — наипаче же отъ удаленія отъ св. Таинствъ, обновляющихъ, освѣжающихъ, оживляющихъ душу, отягченную страстями, и тѣло, острупленное грѣхами. Безъ благодатнаго освященія св. таинствами душа покрывается толстою корою грѣховною, которая, все тверже дѣлаясь, обращается наконецъ въ камень, приводящій къ окамененному нечувствію. Во-вторыхъ, это тяжелое душевное состояніе происходитъ отъ унынія, — когда мы начинаемъ сомнѣваться въ милости и правосудіи Божіемъ, и наконецъ доходимъ до отчаянія. Но не къ Богу прибѣгаемъ, а мучаемся сомнѣніями, — и въ концѣ концовъ впадаемъ въ уныніе — дѣлаемся какими то нечувствительными ко всему Божественному, святому, перестаемъ молиться... И сіе ока-

мененное нечувствіе часто бываетъ причиною духовной смерти, чего да избавить насъ милость Божія!

5.

Господи, избави мя отъ всякаго искушенія.

Случается слышать иногда мнѣніе, что Богъ искушаетъ; но это мнѣніе неправое, грѣховное: *никто же искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ естъ: Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, не искушаетъ же Той никого же* (Іак. 1, 13). Искушенія приходятъ отъ плоти нашей, отъ міра и отъ дьявола, и многоразличны виды этихъ искушеній, почему св. Златоустъ и говоритъ: „избави же отъ всякаго искушенія“. Подъ этимъ разумѣть надо, что мы не только просимъ, чтобы Господь не допустилъ насъ до искушенія, оградилъ святыми Своими Ангелами, но и при нападѣнѣ на ны искушеніи Онъ, Многомилостивый, не допустилъ насъ до паденія и далъ бы возможность, безъ душевнаго вреда, снова стать въ прежній чинъ—явиться побѣдителями грѣха. Памятовать надо, что *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ насъ искуситься паче, еже можемъ* (І Кор. 10, 13) и что *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (Іак. 1, 12),—но посылается намъ побѣда надъ искушеніемъ только милостью Божіею, вымоленною усердною нашею молитвою или молитвеннымъ за насъ ходатайствомъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, молящихся о спасеніи нашемъ и вообще о всякой душѣ христіанской, скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей.

6.

Господи, просвѣти мое сердце, еже помрачи лукавое похотѣніе.

Отъ сердца, омраченнаго лукавыми похотѣніями—страстьми, *исходятъ помышленія злыя* (Мѣ. 15, 19), грѣховныя. Посему и молился св. Пророкъ Давидъ: *сердце созижди во мнѣ Божье*. Ибо только въ чистое сердце проникаютъ лучи Божественнаго свѣта, просвѣщающаго и освѣщающаго всякаго чело-вѣка, грядущаго въ міръ! И тогда на такомъ чело-вѣкѣ знаменается свѣтъ Лица Божія,—и вѣрный рабъ Христовъ еще на земли начинаетъ зрѣть Свѣтъ неприступный: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ*.

7.

Господи, азъ яко чловѣкъ согрѣшихъ, Ты же яко Богъ щедръ помилуй мя, видя немощь души моя.

Я грѣшный, немощный, слабый чловѣкъ, ежедневно ежедневно согрѣшаю и падаю, и силъ не имѣю встать, воспрянуть духомъ. Ты же, яко Богъ всемогущій, всещедрый, помози мнѣ, подыми раба Твоего изъ рова грѣховнаго, помилуй мя по величїи Твоей милости, на которую только и есть надежда, ибо не имѣю дѣлъ, оправдывающихъ меня! Итакъ, вся надежда на милость Божїю и на милостивое заступленіе святыхъ Божїихъ и Матери Божїей: *вся Ангеловъ воинства, Предтече Господень, Апостоловъ двоснадесятице, Святїи вси съ Богородицею, сотворите молитву, во еже спастися намъ.*

8.

Господи, посли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлю имя Твое святое.

Прославлять имя Божїе надо не только словами, но главнымъ образомъ—дѣлами. *Приближаются Мнѣ люди сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Мѣ. 15, 8), изрекъ Спаситель. *Прославите Бога въ тѣлесехъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ* (I Кор. 6, 20),—сказано св. Апостоломъ Павломъ. Если мы дѣйствительно отъ всего сердца, отъ всей души и всего помышленія будемъ славить Господа, то несомнѣнно, что это отобразится на жизни нашей, которая будетъ тогда воистину тихимъ и безмолвнымъ житїемъ во всякомъ благочестїи и чистотѣ. Но чтобы проводить истинное христіанское житїельство, необходима, какъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, благодатная помощь свыше: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5), сказалъ Господь. О ниспосланїи намъ сей Божественной благодати, всегда немощная врачующей и оскудѣвающая во полняющей, надо немолчно вопїять ко Господу, вѣруя слову Спасителя: *просите и дастся вамъ* (Мѣ. 7, 7). Но въ особенности важно освящаться благодатными таинствами св. Церкви, приближающими насъ ко Господу, очищающими, подкрѣпляющими и отвержающими намъ двери милосердія Божїя!

9.

Господи, Иисусе Христе, напиши мя раба Твоего въ книзѣ животный, и даруй ми конецъ благій.

Конецъ благій, т. е. христіанская кончина живота нашего,—се залогъ добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовѣ, се—вѣрное основаніе къ тому, чтобы имена наши были написаны на небесахъ (Лук. 10, 20), сей воистину *книзѣ животный*, въ которую вносятся только тѣ, кто сподобляется *жизнѣ вѣчнаго* въ обителяхъ Отца Небеснаго. А обители сіи уготованы лишь тѣмъ, кто главною цѣлью земного своего дѣланія поставляетъ стремленіе въ *селенія небесная*. Итакъ, вѣнецъ желаній христіанскихъ, желаній край — добрый отвѣтъ въ день онъ, *егда сядетъ Судія на престолъ страшномъ—книги разгибаются, и дѣянія обличаются* ¹⁾... О, да услышимъ тогда оный блаженный гласъ: *приидите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. 25, 34)!

10.

Господи Боже мой, аще и ничтоже благо сотворихъ предъ Тобою, но даждь ми, по благодати Твоей, положить начало благое.

Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ,—грѣхи наши превзыдоша главу нашу, и не имѣемъ дѣлъ, оправдывающихъ насъ. Но если до сего времени мы такъ безопасно жили, то по крайней мѣрѣ теперь, съ сего часа, потщимся измѣнить свою суетную жизнь на житіе христіанское, и будемъ просить безмѣрную благодать Божию, да ниспослана намъ будетъ Божественная благодать и даръ Святаго Духа,—ибо безъ благодатной помощи свыше мы безсильны и положить начало благое, и провести это начало въ послѣдующую свою жизнь. *Скорый въ заступленіе и Кръпкій въ помощь, предстани благодатию силы Твоя нынѣ, и благослови въ укрѣпни, и въ совершеніе намѣренія благаго дѣла рабовъ Твоихъ производи!*

11.

Господи, окропи въ сердцѣхъ моихъ росу благодати Твоя.

Какъ капля дождевая, какъ роса утренняя освѣжаетъ, оживляетъ зелень травную, такъ и душу нашу, изсохшую

¹⁾ Нед. мясопустная, стихира нахвалитехъ.

въ суетѣ мірской, умерщвленную страстьми, освящаетъ, оживляетъ благодать, сообщаемая намъ во святыхъ Тайнахъ. Какой-то свѣжестью, силою исполняется душа, удостоившаяся принятія святыхъ, Божественныхъ, безсмертныхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинъ, и се воистину—*роса благодати Божіей*, безъ коей мы спастись не можемъ: *еще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 54).

12.

Господи небесе и земли, помяни мя грѣшнаго раба Твоего, студнаго и нечистаго, въ царствїи Твоемъ. Аминь.

Вспомнимъ разбойника благоразумнаго, въ предсмертномъ боренїи изъ глубины воззавшаго ко Господу и услышавшаго тутъ же, на крестѣ, обѣтованіе Спасителя: *днесь со Мною будещи въ раи* (Лук. 23, 43). Какъ отягченъ грѣхами, какъ нечистъ былъ сей разбойникъ, но и онъ, великаго ради покаянія своего, сподобился величайшей милости Божіей—царствія небеснаго, сего воистину безцѣннаго бисера. Приложимъ и мы всѣ усилія къ обрѣтенію этого сокровища, но не будемъ отлагать покаянія, ибо не знаемъ, будетъ ли намъ дано предъ самою кончиною сподобиться напутствія христіанскаго въ таинствахъ св. покаянія и св. причащенія. Потщимся всегда быть готовыми предстать предъ Господа, ибо не знаемъ ни дня, ни часа, когда позваны будемъ. Помяни насъ, Господи, во царствїи Твоемъ!

Н о щ и:

1.

Господи, въ покаяніи прїими мя.

Нощное поприще начиная, всего естественнѣе помышлять о дарованїи намъ сна мирнаго и безмятежнаго, который въ особенности посылается тѣмъ, кто съ совѣстью, очищенной покаяніемъ, отходитъ ко сну: не знаемъ бо, что день грядущій намъ готовитъ,—просвѣтитъ ли Господь окаянную душу нашу днемъ, или же одръ нашъ гробъ намъ будетъ. Каяться въ душѣ и молить Человѣколюбца надо, да даруетъ намъ прощеніе, еже согрѣшихомъ въ день минувшій сло-

вомъ, дѣломъ, помышленіемъ; при первой же возможности надо спѣшить принести и церковное покаяніе предъ отцомъ духовнымъ, и чѣмъ чаще мы будемъ это творить, тѣмъ чище станемъ, тѣмъ и день, и ночь безгрѣшнѣе проводить будемъ, тѣмъ болѣе надежды будемъ имѣть спасеніе вѣчное получить!

2.

Господи, не остави меня.

Господь никогда насъ не оставитъ, если только мы сами Его не оставимъ, или не удалимся отъ Него грѣхами своими *на страну далече*, на путь служенія не Богу, а мамонѣ. И это забвеніе о Богѣ приводитъ къ безпросвѣтной тѣмѣ, въ коей становится погруженной душа наша, лишенная по своей собственной винѣ Свѣта Божественнаго. И извести изъ темницы душу нашу можетъ только особое чудо милости Божіей, по молитвамъ св. Церкви, ежедневно молящейся о спасеніи нашемъ. О, да не будетъ же множество грѣховъ нашихъ средостѣніемъ между Господомъ и нами, да не лишимся Его благодатной помощи,—ибо предоставленные сами себѣ, мы ни на что доброе не способны!

3.

Господи, не введи мене въ напасть.

Самая ужасная напасть—во грѣхахъ пребываніе. Какъ же избавиться отъ сей напасти? *Молитесь, да не внидите въ напасть* (Лук. 22, 40), изрекъ Спаситель. И памятовать надо, что не Господь вводитъ въ напасть, а мы сами впадаемъ въ различныя напасти; Богъ же силенъ, по молитвамъ рабовъ Своихъ, отвратить отъ насъ всякую напасть,—другими словами, не допустить, чтобы мы были введены въ напасть: *вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти* (2 Петр. 2, 9). Значитъ, основаніе для избавленія отъ напастей—благочестіе, т. е. усердное въ молитвѣ пребываніе и хожденіе по волѣ Господней. Значитъ, отъ насъ самихъ все зависитъ. Но мы слабы, немощны, подобны трости, вѣтромъ колеблемой. Посему и устоять на камени заповѣдей Господнихъ можемъ только по милости Божіей, въ особенности молитвеннымъ заступленіемъ Матери Божіей: *многими содержишь насъ напастьми, къ Тебѣ прибѣгаю, спасенія искій: о Мати Слова! отъ тяжкихъ и лютыхъ мя спаси.*

4.

Господи, даждь ми мысль благу.

Все благое—отъ Господа. Поэтому чѣмъ болѣе мы будемъ пребывать съ Господомъ, чѣмъ усерднѣе прибѣгать къ Его Божественной помощи, тѣмъ и мысли наши будутъ ближе къ Богу, Его же премудрому водительство самихъ себя, другъ друга и всю жизнь нашу предадимъ. И если такъ будемъ поступать, то не отринетъ насъ Господь—помышленія исправить, мысли очистить и все ко благому концу направить. Конечъ же—вѣнчаетъ все дѣло! Не тотъ славенъ въ вѣчности, кто начало положить благое, а тотъ лишь, кто кончить хорошо, кто до конца дней своихъ пребылъ вѣренъ Господу! Души лишь таковыхъ вѣрныхъ и благихъ рабовъ—во *благихъ* водворятся!

5.

Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиленіе.

Иногда скорбь насъ обдержить, терпѣть не можемъ демонскаго стрѣлянія,—слезъ желаемъ, и слезы къ намъ не приходятъ! Тяжелое душевное состояніе! И какъ земля, не напоенная дождемъ, сохнеть и не даетъ плода во время свое, такъ и скорбь, не растворенная слезами, все тяжелѣе переносится и приводитъ иной разъ къ унынію. Напротивъ, благодатныя слезы умиленія погашаютъ всѣ разжженные стрѣлы лукаваго, и мракъ унынія и скорби, облегающій насъ, далече отгоняютъ. И слезы сіи—даръ Божій, ниспосылаемый сердцу сокрушенному и смиренному, непрестанно духовнымъ окомъ взирающему на скончаніе жителства и неотходно содержащему въ умѣ памятованіе о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судищѣ Христовомъ. Сего да сподобитъ насъ милость Божія.

6.

Господи, даждь ми помысль исповѣданія грѣховъ моихъ.

Грѣшить мы умѣемъ и, охъ, какъ часто и много грѣшимъ; каяться же въ грѣхахъ не хотимъ, и все отлагаемъ начало покаянія. А между тѣмъ, какъ нужно намъ многогрѣшнымъ возможно частое исповѣданіе грѣховъ предъ духовникомъ,

какъ необходимо это врачевство духовное душевныхъ ранъ нашихъ! Къ сожалѣнiю, часто и совсѣмъ не думаемъ о покаянiи, а если и приходитъ иногда мысль о семъ, то не спѣшимъ привести ее въ исполненiе, разсчитывая, что время еще есть, успѣемъ, причемъ забываемъ, что никто не знаетъ ни дня, ни часа, когда позванъ будетъ¹ предстать предъ Господа—дать отвѣтъ во всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ и помышленiяхъ. Подателю всякаго блага надо усердно молиться, да утвердить насъ въ благомъ намѣренiи приносить возможно частое исповѣданiе грѣховъ своихъ. Второе, о чемъ надо отъ всей души и отъ всего помышленiя молить Господа, да будетъ исповѣданiе наше возможно полнымъ, да не забудемъ чего, да не утрашимся или убоимся открыть что либо отцу духовному, который только свидѣтель,—покаянiе же наше, надо вѣрить, прiемлетъ Самъ Христосъ Богъ нашъ, Его же святому водительство всецѣло себя предадимъ и Онъ научить, наставить, поможетъ намъ!

7.

Господи, даждь ми смиренiе, цѣломудрiе, и послушанiе.

Основанiе нашего спасенiя—*смиренiе*, т. е. искренное, отъ сердца, сознанiе своихъ немощей, своей никуда негожести, и отсюда покаянный гласъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Больше всего препятствуетъ принести истинное покаянiе—это гордость: гордымъ Богъ противится, т. е. не прiемлетъ покаянiя, основаннаго не на смиренiи,—покаянiя человѣка, высоко ставящаго дѣла свои и если яко-бы кающагося, то въ глубинѣ души считающаго себя выше другихъ человѣкъ—грѣшниковъ. Это именно и есть покаянiе фарисейское. Намъ же даруй, Господи, мытарства смиренное покаянiе! *Фарисея убожимъ высокоглаголанiя, и мытаревъ научимъ высотъ глаголь смиренныхъ!*

Вслѣдъ за смиренiемъ, помолимся о ниспосланiи намъ духа цѣломудрiя: *даждь намъ цѣломудренна пожити дѣлы и словеса!* Такъ *всѣмъ* молиться надо, и инокамъ, и мiрянамъ, и безбрачнымъ, и въ бракъ живущимъ,—ибо *всѣмъ* подвизаться въ цѣломудрiи необходимо, коемуждо по его потребѣ, по его мѣрѣ: можно и дѣломъ, и словомъ не согрѣшати, а въ глубинѣ души быть великимъ въ этомъ отношенiи грѣш-

никомъ. Посему и молился св. Пророкъ Давидъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18,₁₃).

Вообще же для успѣха въ дѣлѣ нравственнаго очищенія необходимо *послушаніе* волѣ Божіей, изложенной въ святомъ Евангеліи и изъясненной въ ученіи св. Церкви. Уклоненіе отъ этого послушанія приводитъ къ тому пагубному, если не съ внѣшней стороны, то для души, состоянію, въ которое впалъ блудный сынъ, захотѣвшій жить по своей самочинной волѣ. Но евангельскій блудный сынъ все-таки наконецъ раскаялся и удостоился прощенія. Удостоймся-ли мы сего, не найдетъ-ли на насъ внезапно *день той*—день представленія отъ сей временной жизни въ жизнь безконечную?

8.

Господи, даждь ми терпѣніе, великодушіе и кротость.

Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши (Лук. 21,₁₉), заповѣдано намъ Господомъ. *Терпѣніе нужно, чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное* (Евр. 10,₃₆), т.-е. царствіе небесное, которое отъ вѣка нудится, и *нуждницы восхищаютъ е* (Мѣ. 11,₁₂),—или другими словами,—многими трудами, усиліями достигается царствіе небесное, и только добро потрудившіеся *здѣсь* на землѣ получаютъ блага вѣчныя *тамъ*, въ обителяхъ Отца небеснаго. Для постоянства же и успѣха въ трудахъ необходимо терпѣніе, ибо множество препятствій, скорбей, злосключеній, искушеній въ жизни сей,—и все надо терпѣливо переносить, не падая духомъ, а закаляя оный,—все преодолѣть, дабы явиться побѣдителями грѣха!

Великодушіе—одна изъ величайшихъ добродѣтелей, гдѣ зло побѣждается добромъ. Прости врага, благотвори ему, старайся и въ сердцѣ не имѣть противъ досадившаго тебя никакого злого чувства,—поработай надъ собой въ этомъ отношеніи, и воспитаешь въ себѣ великодушіе. Съ другой стороны, нужда общественная, нужда частная требуютъ какой нибудь съ твоей стороны жертвы, принесеніемъ которой ты потерпишь нѣкоторое стѣсненіе, ущербъ, неудобство,—откажись отъ благъ *твоихъ* ради блага *ближняго*, и будешь вонистну великодушень!

Близко къ великодушію стоитъ *кротость*, т.-е. такое благостное настроеніе сердца, когда въ немъ нѣтъ мѣста ника-

кому злomu чувству, когда никакія непріятности не могутъ вынудить насъ нарушить наше душевное равновѣсіе, когда ничто не можетъ заставить насъ быть рѣзкимъ, гнѣвливымъ, мстительнымъ. И памятовать надо, что только тотъ, кто кротокъ и смиренъ, тотъ ученикъ Христовъ, и что кроткіе наслѣдуютъ *землю живыхъ*, т.-е. царствіе небесное. Есть изъ-за чего потрудиться—стяжать духъ кротости!

9.

Господи, всели въ мя корень благихъ, страхъ Твой въ сердце мое.

Корень благихъ, т.-е. основаніе всякаго добродѣланія, начало премудрости—это страхъ Господень, и тотъ только истинно премудръ, кто страшится праведнаго за грѣхи осужденія, страшится обнаженнымъ добрыхъ дѣлъ предстать предъ Праведнаго Судію. И этотъ спасительный страхъ, овладѣвая человѣкомъ, измѣняетъ всю жизнь его, и часто легкомысленнаго грѣшника превращаетъ въ послушнаго *раба Божія*. Все—искра Божія, которая благодатію Божіею, многими молитвенными и постническими трудами, обращается въ пламень огненный, пополяющій всѣ въ насъ плевелы грѣховныя. Станемъ же добры, станемъ со страхомъ земное теченіе совершати! Страхъ Твой, Господи, всади въ сердце мое!

10.

Господи, сподоби мя любити Тя отъ всея души моя, и помышленія, и творити во всемъ волю Твою.

Возлюби Господа—первая и большая заповѣдь. И какъ широка заповѣдь эта!

Возлюби Господа всею сердцемъ, всею душою и всею разумніемъ твоимъ, т.-е. докажи свою любовь *дѣломъ*, не ограничиваясь при этомъ одностороннею какою либо добродѣтелью, но *во всемъ* твори святую волю Его. А воля Божія начертана въ св. Евангеліи, въ заповѣдяхъ, и истолкована св. Церковью, сею вѣрною хранительницею Божественнаго откровенія. Приди же и поучайся закону Господню, поучайся познать священную волю Божію, и познавъ, усердно прилагай ее къ жизни. Но при этомъ памятуй, что одна

внѣшняя исправность не спасетъ. Надо *всю душу, все помышленіе* вложить въ дѣло, надо *горячимъ сердцемъ* творить благо,—и если такъ поживешь, то будешь не *слышателемъ* только, а истиннымъ *творцомъ* закона, т.-е. исполнителемъ во всемъ святой воли Божіей!

11.

Господи, покрый мя отъ чловѣкъ нѣкоторыхъ, и бѣсовъ, и страстей, и отъ всякія иныя неподобныя вещи.

Тягъъ *обычаи благи бѣсѣды злы*. (1 Кор., 15, ³³), т.-е. доброе теченіе жизни нарушается рѣчами людей злонамѣренныхъ, невѣрующихъ, суетныхъ, и совѣты, внушенія, а равно мнѣнія такихъ людей смущаютъ вѣрующую душу, разстраиваютъ ее, а иногда и совѣмъ соврацаютъ съ пути истиннаго. Посему, какъ осмотрительнымъ надо быть въ выборѣ знакомствъ! И усердно надо просить Господа, избавить насъ отъ общенія съ людьми, близость къ которымъ можетъ принести душевный вредъ! И отъ сѣтей князя міра сего, отъ дѣйствія *бѣсовъ* надо усердно ограждаться молитвою,—ибо ничему такъ легко не поддается слабый чловѣкъ, какъ искушенію бѣсовскому, которое иногда по виду кажется невиннымъ, и даже какъ будто клонящимся къ душевной пользѣ чловѣка, но внутри полно всякой злобы къ людямъ и влечетъ къ паденію, къ измѣнѣ Христу. Особенно пользуется въ данномъ случаѣ діаволъ *страстями* нашими, удобопреклонностію нашею на всякій грѣхъ. Во время не остановленная склонность къ какой нибудь грѣховной привычкѣ, все разростаясь, обращается въ страсть, рабомъ которой становится бѣдный чловѣкъ и служеніе которой ставитъ на первомъ планѣ, а о спасеніи все менѣе помышляетъ, и наконецъ совѣмъ поступаетъ во власть князя тьмы. Поэтому надо тщательно избѣгать всего того, что можетъ смутить нашу душу,—надо, по возможности, избѣгать посѣщенія тѣхъ мѣстъ и лицъ, гдѣ можно встрѣтить искушеніе, избѣгать и занятій суетныхъ, исполненныхъ духомъ мірскимъ, который всегда былъ противникъ Христу. И какъ преподобіемъ называется приобщеніе, подражаніе, *уподобленіе* Христу, такъ наоборотъ, *неподобною* вещью именуется еще то, что не имѣетъ ничего общаго съ Христомъ, что противно ученію Христову. Дабы

избавиться *всѣхъ силъ*, будемъ усердно взывать: *Заступникъ души моя буди, Боже, яко посреди хожду стѣй многихъ.*

12.

Господи, вѣси яко твориши, якоже Ты видиши, да будетъ воля Твоя и во мнѣ грѣшнемъ: яко благословенъ сси во вѣки. Аминь.

Пути Господни неисповѣдимы, и все, что творить Господь, все премудростію исполнено. Посему не надо смущаться, если иногда даже усердно просимое нами—не бываетъ исполнено. Какъ часто потомъ приходится убѣждаться, что то, о чемъ мы такъ усердно молились, не на пользу намъ было бы. А потому, если и просимъ у Господа ниспосланія какого-нибудь блага, то добавлять все-таки нужно: но не моя, а Твоя да будетъ воля, святая и праведная! И если такъ проживемъ, то во истину благословить душа наша Господа не словомъ однимъ, но и всѣмъ своимъ настроеніемъ, и всѣми дѣлами нашими! Благослови же, душе моя, Господа!

А. 3.

Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній.¹⁾

Постараюсь, по возможности, сгруппировать всѣ факты, указывающіе на особое какое-то духовное отношеніе Богоматери къ моему покойному сыну, а черезъ него и вліяніе и на меня и мои вѣрованія. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза и сильно подѣйствовалъ на мое чувство—это тотъ способъ какъ бы примиренія, который словно избрала Сама Богоматерь послѣ того, какъ отклонила мои первыя, отчаянныя, безумныя къ Ней молитвы. Въ этой маленькой иконкѣ, которая была положена больному въ агоніи сыну, Она явила все свое заступничество и милосердіе. Она своей благодатной силой не отходила отъ него, словно присутствуя постоянно въ этомъ образкѣ, который въ семьѣ сталъ съ тѣхъ поръ считаться чудотворнымъ, и въ каждой иконѣ Своей, на которую обращались взоры моего сына и на которую указывалъ онъ мнѣ. Мнѣ тогда же пришло въ голову, что у насъ, людей, примиреніе происходитъ не такъ — особенно люди власть имѣющіе, или въ которыхъ мы почему-либо нуждаемся, ждуть, чтобы сперва ихъ почтили. Также, когда отъ людей отварачиваются и не хотятъ ихъ знать, то сами они не идутъ и не запрашиваютъ своими услугами. Здѣсь произошло какъ разъ наоборотъ. Я не знала Богоматери, и потому, за Ея умышленное, какъ мнѣ казалось, нежеланіе исполнить мою просьбу, я уже съ недовольствомъ отвернулась отъ Ней, не вникая въ то, что Она, несомнѣнно, въ данномъ случаѣ лишь руководилась неизмѣнной волею Сына Своего. Она Сама какъ бы протянула руку примиренія и взяла сына моего подъ Свое особое покровительство.

¹⁾ Продолженіе.—См. „Г. Ц.“ м. сентябрь.

Мальчикъ былъ неустойчивъ въ молитвѣ, несмотря на свою физическую слабость. Возвращаясь изъ церкви, онъ служилъ свою всенощную, свою обѣдню. Даже послѣ Пасхальной заутрени нельзя было убѣдить его разговляться, пока онъ не отслужитъ своей заутрени.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что происшедшей въ немъ перемѣны въ смыслѣ такъ необычайно выразившемся въ немъ религіозномъ направленіи, свои и близко стоявшіе къ нашей семьѣ иногда просили его, крохотнаго, помолиться о какихъ-нибудь ихъ личныхъ нуждахъ. Такъ, помню, мы однажды ѣздили съ нимъ въ маленькую деревеньку къ умирающей старухѣ. На выздоровленіе ея никто не надѣялся. Дочь больной старушки просила Колю, какъ особенно молитвеннаго мальчика, помолиться о выздоровленіи ея матери. И вотъ онъ, тогда двухлѣтній мальчуганъ, потянулся къ закоптѣлой иконѣ надъ дверями избы и такъ и просіялъ весь—„Мама, это Матерь Божія!“ Онъ поскребъ тамъ по иконѣ, къ которой я его подняла, ручѣнкой, словно хотѣлъ коснуться ея, покрестился, поцѣловалъ икону, и мы поѣхали. Передъ каждой деревенской часовней на перекресткахъ дороги онъ серьезно снималъ шляпу и набожно крестился. Это, впрочемъ, онъ дѣлалъ всегда при видѣ всѣхъ часовень, всѣхъ церквей и всѣхъ крестовъ, гдѣ бы они ни встрѣчались. Не знаю, молитва ли моего сына дошла до Бога и столь любившей его Матери Божіей, но старушка та выздоровѣла и жива и понынѣ, когда уже и сынъ мой, молившійся о ней, вотъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ перешелъ въ иной міръ.

Мой сынъ часто болѣлъ, и болѣлъ трудно. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда просилъ свой образокъ и клалъ его подъ подушку. Онъ каждый годъ почти страдалъ какой-то мучительной лихорадкой. Пароксизмы обыкновенно выражались въ томъ, что дѣлался сильный знобъ, сейчасъ же послѣ него жаръ, и мальчикъ засыпалъ въ жару. Вскорѣ же выступалъ обильный потъ и температура понижалась до того, что онъ весь холодѣлъ. Тогда Коля вскакивалъ и у него начинался страшный бредъ, и всегда одинаковый. Мальчикъ въ ужасѣ смотрѣлъ въ одно мѣсто и безумно кричалъ, призывая насъ съ отцемъ всегда одинаковыми словами—„Мама, папа, благословите!“ Но въ этомъ отчаянномъ крикѣ было столько ужаса, словно что-то необыкновенно страшное представлялось

ему. Когда мы подходили, онъ отталкивалъ насъ въ новомъ ужасѣ, не узнавая, и продолжая звать. Мнѣ пришло въ голову однажды дать ему въ руки во время такого бреда его иконку Божіей Матери. Онъ сразу узналъ ее, схватилъ обѣими руками и началъ цѣловать; съ иконки онъ перевелъ глаза на насъ и тотчасъ же узналъ и насъ. Съ тѣхъ поръ этотъ ужасный бредъ всегда сразу прекращался съ помощью его иконки, которую онъ всегда узнавалъ. Однажды у сына случилось воспаление рта. Весь ротъ покрылся большими нарывами. Сильная краснота, опухоль во рту не позволяла ему закрыть рта. Кромѣ нѣсколькихъ ложекъ молока, вливаемыхъ ему съ большимъ трудомъ, ничѣмъ нельзя было питать его. Сыну было тогда лѣтъ семь. По уѣзду въ то время уже мѣсяца два, какъ носили привезенную изъ с. Зимарова чудотворную икону Боголюбской Божіей Матери, о которой я раньше упоминала. Сынъ зналъ эту икону. Онъ уже ходилъ за нею съ толпой по одному изъ отдаленныхъ сель уѣзда незадолго до своей болѣзни, гдѣ былъ съ отцомъ, часто ѣздившимъ по дѣламъ земскихъ школъ и любившимъ брать съ собой кого-либо изъ дѣтей. Икону должны были принести и въ наше село, и сынъ съ большимъ волненіемъ и нетерпѣніемъ, передавшимся и мнѣ, ожидалъ ее. Мы съ сыномъ сговорились просить у Матери Божіей исцѣленія отъ его болѣзни и твердо вѣрили, что такъ и будетъ, хотя я и не представляла себѣ способа проявленія ожидаемаго нами чуда. Во время этой болѣзни докторъ бывалъ у насъ почти каждый день, но болѣзнь рѣшительно не поддавалась никакому лѣченію. И въ тотъ день, когда икона должна была быть принята у насъ въ домѣ, докторъ пріѣхалъ часа за два до нея. Онъ говорилъ, что испробовалъ всѣ средства и, къ своему удивленію, долженъ сознаться, что ничего не дѣйствуетъ, и что хотя болѣзнь сама по себѣ не можетъ считаться опасною, но сильно ослабляетъ мальчика, такъ какъ онъ уже дней десять былъ почти совершенно безъ пищи. Докторъ уѣхалъ, а часа черезъ два въ квартиру была внесена Икона — она возшла къ намъ со своей неизъяснимой атмосферой, заставляющей признать чудотворную силу ея, той атмосферой особой благодати, которая вызываетъ сильный подъемъ въ общемъ настроеніи всѣхъ присутствующихъ.

Мы встрѣтили икону, отслужили молебенъ съ акафистомъ

и водосвятиемъ. Я подвела больного сына, и мы приложились съ нимъ къ чудотворной иконѣ, крѣпко держа въ головѣ молитвенную мысль объ ожидаемомъ нами исцѣленіи. Послѣ этого съ особеннымъ, словно ангельскимъ пѣніемъ, икона была поднята и унесена въ зданіе сельской школы. Меня неудержимо повлекло за толпой въ школу, и я лишь наскоро сказала, уходя, чтобы дѣтямъ дали выпить святой воды.

Но въ школѣ мнѣ не стоялось. Вмѣсто того, чтобы вновь, если такъ можно выразиться, выпитывать эту небесную атмосферу, мнѣ хотѣлось бѣжать домой—мнѣ казалось, что слушать и читаютъ необыкновенно долго. Наконецъ молебень кончился. Съ иконою пошли въ квартиру учителей. Они звали и меня, но меня тянуло домой, и я поспѣшила къ дѣтямъ, не отдавая себѣ отчета для чего, но словно чувствуя, что меня ждетъ дома нѣчто необычайное. И дѣйствительно — я лишь открыла дверь, какъ, лежавшій до сихъ поръ, ослабѣвшій и страдавшій сынъ мой, бросился ко мнѣ на встрѣчу съ распростертыми объятіями—„мамочка, я три чашки чаю выпилъ, и еще хочу пить“. Болѣзнь прекратилась, опухоль опала, нарывы какъ-то спались, боль исчезла. Всѣ лѣкарства были заброшены, и мой мальчуганъ быстро и незамѣтно совсемъ оправился. Впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось рассказывать объ этомъ, меня укоряли, что я тогда же не заявила объ этомъ случаѣ для записи въ книгу, гдѣ записывались чудеса Святой Иконы. Но да проститъ мнѣ Богоматерь мою неопытность тогда, въ дѣлахъ вѣры и религіи. Сердечная моя благодарность была отъ этого не менѣе, должное же прославленіе, которое я не умѣла тогда воздать, пусть приметъ теперь вотъ этимъ, быть можетъ и слабымъ описаніемъ. Воспоминанія эти увлекаютъ меня въ большія подробности, и мнѣ хочется рассказать кое-что о характерѣ моего сына и о его жизни, поскольку это касается его христіанства и вѣры. Онъ напоминалъ мнѣ всегда древнихъ христіанъ—облаченія его были бѣдны, потому что шились изъ чего нибудь стараго, иногда просто изъ бѣлаго холста, или изъ оставшихся клочковъ матеріи. Покрой онъ зналъ лучше меня, а потому или самъ выкраивалъ или руководилъ мною, указывая, гдѣ что надо пришить. Платъ для антиминса, воздухи и проч. все это онъ дѣлалъ самъ. Всѣ священныя принадлежности хранились у него съ особеннымъ тщаніемъ и благого-

вѣніемъ. Служба совершалась просто, глубоко-молитвенно. Иногда онъ привлекалъ къ участию младшую сестру, съ которой особенно былъ друженъ, и тогда она исполняла у него должность діакона. Но это ему рѣдко удавалось—сестра, по большей части, отклонялась отъ этихъ обязанностей, и я часто слышала, какъ онъ убѣждалъ ее, называя это ложнымъ стыдомъ. Очевидно ей непріятны были все чаще и замѣтнѣе проявлявшіяся шутки и смѣхъ по поводу такого служенія со стороны прислуги и стороннихъ лицъ. Людямъ свойственно быстро ко всему привыкать, и то, что въ моемъ сынѣ казалось на первыхъ порахъ вѣсѣмъ необыкновеннымъ и интереснымъ, стало многими теперь осуждаться и даже вызывать столь огорчившій моего сына смѣхъ. Но тѣмъ не менѣе самъ Коля никогда и ничего не стыдился въ своемъ служеніи Богу, какъ онъ это правильно называлъ, и когда его ужъ очень донимали насмѣшками или еще попреками, что онъ, будущій батюшка, а позволяетъ себѣ шалить и капризничать, что съ нимъ иногда и дѣйствительно бывало, какъ и со всякимъ ребенкомъ, то онъ прибѣгалъ ко мнѣ съ горькими слезами и говорилъ, что ему очень больно отъ этихъ укоровъ, но что вѣдь не играетъ онъ въ службу (ему обиднѣе всего было, когда это называли игрой), а дѣйствительно служить Богу, готовится къ настоящему служенію, и что ему надо все выносить, потому что, когда онъ будетъ „настоящимъ“ священникомъ, ему вѣроятно придется выносить еще больше всякихъ укоровъ и искушеній, потому что вѣдь священникъ все же остается человѣкомъ со всѣми своими недостатками и грѣхами, а всѣмъ хочется непременно уколоть, какъ вотъ его теперь, а вѣдь не можетъ же онъ не шалить и не капризничать, такъ какъ онъ самый обыкновенный мальчикъ, а его не хотятъ понять и все попрекають. Я старалась успокоить его, по возможности предохранить отъ непріятностей, но онъ не позволялъ по его жалобамъ, дѣлать выговоры, и о его дѣтскихъ уже тяжелыхъ испытаніяхъ и внутренней борьбѣ знали только я да онъ. Облегчивъ со мною душу, онъ шелъ на свое служеніе съ новой энергіей. Въ общемъ же его богослуженіе вызывало въ окружающихъ—въ своихъ семейныхъ и постороннихъ лицахъ—различныя отношенія. Отецъ никогда ничего не высказывалъ по этому поводу, но и никогда не смѣялся и никогда не отказывался цѣловать

крестъ, который Коля обыкновенно всѣмъ давалъ цѣловать послѣ своей службы. Мнѣ кажется, отецъ часто серьезно присматривался къ тому, что дѣлаетъ сынъ, замѣчая, что въ душѣ ребенка происходитъ нѣчто совсѣмъ непохожее на игру. Дѣти всѣ вообще, и наши, и посторонніе, которымъ приходилось иногда присутствовать при его богослуженіяхъ относились къ тому, что Коля священникъ и служить, съ большимъ почтеніемъ, не шалили во время его службы, клали земные поклоны, цѣловали всѣ его иконы, евангеліе и крестъ. Свои выучивались, такимъ образомъ, набожно стоять и въ церкви и тамъ тоже ко всему относиться съ почтеніемъ и вниманіемъ. Всѣ наши дѣти были въ тотъ возрастъ направлены Колей въ высшей ступени религіозно. Онъ многому научилъ ихъ, выучивалъ сознательно молиться и понимать читаемыя молитвы. Я слышала однажды, какъ онъ пояснялъ имъ смыслъ молитвы „Царю Небесный“. — „Духъ Святой, говорилъ онъ—вездѣ. Онъ наполняетъ собою все, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ—вѣдь если бы насъ посадили въ такое мѣсто, гдѣ совсѣмъ нѣтъ воздуха, мы бы задохнулись тамъ; такъ и душа не можетъ быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ Духа Божьяго, да такого мѣста и нѣтъ. Онъ проникаетъ всюду, даже во всѣ маленькіе уголки и живить собою все, не только человѣка, но и каждую самую крохотную былинку“. Я не могу точно передать его словъ, говорю только приблизительно, какъ помню, у него же объясненіе это было глубоко проникнуто внутреннимъ чувствомъ и поэтически просто. Удивительнѣе всего, что вѣдь онъ почти не учился, и даже читать умѣлъ плохо, такъ какъ росъ слабенькій и часто болѣлъ. Евангеліе онъ зналъ хорошо, и во время своихъ богослуженій онъ не читалъ его по книгѣ, а рассказывалъ, и всегда съ поясненіями. Рассказывалъ просто, громко, внятно и съ большимъ чувствомъ. Такой способъ былъ, даже доступнѣе его младшимъ богомольцамъ, и прислуга, иногда готовая пожалуй и разсмѣяться, тогда заслушивалась и говорила—„ишь, Коля-то нашъ, какъ настоящій батюшка рассказываетъ—каждое слово у него поймешь“. Прислуга и посторонніе, какъ я уже сказала, иногда осуждали, иногда посмѣивались и укоряли его, а иной разъ глядѣли съ любопытствомъ. Но въ моменты

глубокихъ молитвенныхъ настроеній сына, всё какъ то стихали и всё старались ему не мѣшать.

На меня его „службы“ дѣйствовали очень сильно. Я говорила уже, что его религіозному направленію поддавалась безъ размышленій, но все болѣе и болѣе проникалась связываемымъ имъ настроеніемъ, и наши отношенія съ сыномъ, особенно въ этомъ духовномъ смыслѣ, дѣлались какими-то особенно дружески задушевными. Его вѣра, его любовь къ Богу и Богоматери, къ церкви, къ иконамъ, и все, чего я даже не совѣмъ тогда еще понимала въ этой области, мнѣ становилось безконечно дорогимъ. Это передавалось мнѣ крѣпкимъ единеніемъ нашихъ съ нимъ душъ. Я чувствовала, что въ его душу вложено не моей слабой рукой, а помимо меня нѣчто, стоящее неизмѣримо выше моего духовнаго разумѣнія. Не могу забыть неотразимаго вліянія на душу его глубокихъ молитвенныхъ „службъ“—входишь въ комнату—онъ стоитъ передъ своимъ маленькимъ престоломъ съ воздѣтыми руками, съ поднятыми вверхъ глазами, иногда молча, иногда тихо повторяя „Господи! Господи!“ помолчавъ немного, опять тѣже слова „Господи! Господи!“ И столько тутъ было непередаваемой глубины чувствъ въ этихъ словно вырывавшихся вслухъ обращенійхъ, вѣроятно входящихъ въ составъ внутренней молитвы, или быть можетъ, возношеній къ Богу безъ словъ, что я останавливалась, вся потрясенная, и, затаивъ дыханіе, не смѣла шевельнуться, чтобы не нарушить этого священнаго состоянія сына. Воспоминанія объ этихъ моментахъ и теперь каждый разъ вызываютъ въ груди ощущеніе святаго волненія и слезъ. И то была не экзальтація нервнаго ребенка—въ его молитвахъ и „службахъ“, эта черта совѣмъ отсутствовала—онъ былъ всегда спокоенъ, вдумчивъ и какъ-то свѣтелъ, и очень простъ во всѣхъ своихъ духовныхъ проявленіяхъ.

Онъ старался и жизнь свою сообразовать съ евангельскимъ ученіемъ. Многое изъ этого мнѣ понялось послѣ уже. Будучи совѣмъ еще маленькимъ, лѣтъ около четырехъ, онъ часто прибѣгалъ ко мнѣ со слезами, что его побила маленькая сестренка, на два года моложе его, и я иногда сердилась на него, говоря—„что за манера плакать, когда маленькая дѣвочка побила, неужели ты то не справишься съ ней?“ Но получила устыжающій меня отвѣтъ: „вѣдь не могу же

я ее бить?!" Мнѣ иногда, право, хотѣлось, что бы онъ ее побилъ, и я внутренно никакъ не могла понять его. Но не мнѣ же было учить его драться. И такъ онъ въ этомъ направленіи, имъ самостоятельно избранномъ, и росъ.

Однажды, когда ему было уже восемь лѣтъ, мнѣ вполнѣ уяснилось его поведеніе, и мнѣ какъ-то неловко и странно на душѣ сдѣлалось отъ того, что я поняла. Мы были въ гостяхъ у одного сельскаго священника. Это было очень далеко отъ насъ, и мы были тамъ въ первый, да кажется и единственный разъ.

У священника была жена и единственный сынъ шести лѣтъ, страшно избалованный. Мальчики играли вмѣстѣ, и Коля охотно занималъ младшаго. Тамъ было много конопли, и они свивали изъ мачена кнуты. Но вдругъ Коля куда-то исчезъ, и его долго никто не могъ найти. Я очень встревожилась. Наконецъ, спустя порядочно времени, онъ самъ откуда-то пришелъ и тихо просилъ меня не оставлять его одного съ мальчикомъ священника и не посылать играть съ нимъ. Онъ по прежнему дѣлалъ все, о чемъ просилъ его маленькій хозяинъ; но не выходя съ нимъ изъ комнаты, и возвращался сейчасъ же на мѣсто возлѣ меня. На обратномъ пути я узнала, что избалованный мальчикъ безъ всякаго повода исхлесталъ Колю кнутомъ; тотъ не выдержалъ и ушелъ плакать гдѣ-то въ уединеніи, кажется спрятавшись въ тѣ же конопли.

Меня страшно это возмутило, и невольно сорвалось, что какъ же онъ, будучи старше и сильнѣе, позволилъ это. „А развѣ забыла, мама, что Христосъ велѣлъ подставить правую щеку, если тебя бьютъ въ лѣвую?“ Мнѣ больше нечего было сказать ему. Я поняла почему и сестренку онъ не могъ ударить, и многое другое изъ его поведенія. Мнѣ какъ-то почти страшно стало—еще на многое у меня не было отвѣта въ душѣ, но я видѣла ясно, что этотъ ребенокъ въ многомъ переросъ меня, что онъ строго живетъ по идеѣ Христа, и что идея эта отъ него требуетъ подъ часъ не дѣтски серьезнаго и суроваго выполненія. Впослѣдствіи, когда его уже не стало среди насъ, я узнала, что онъ навѣщалъ нищихъ и убогихъ, и поняла, что дѣлалъ онъ это не изподтишка, изъ страха, что не позволятъ, а тайно, чтобы лѣвая

рука не знала, что дѣлаетъ правая“. Онъ зналъ, что въ этомъ ему не было запрета.

Мнѣ случилось однажды рассказать дѣтямъ, что когда я была ребенкомъ, мать приучила меня провѣрять въ концѣ каждаго дня всѣ свои поступки и слова за весь день, чтобы, если среди нихъ оказались бы недолжные или нехорошіе, исправлять ихъ на будущее время—загладить, если возможно, и не повторять въ другой разъ; если была кому-нибудь нанесена обида, постараться примириться съ вечера же. Мать особенно боялась нераскаянности и непримиренности на сонъ грядущій. „Кто знаетъ, что можетъ случиться за ночь съ нами и съ тѣми, кого мы обидѣли? Христосъ сказалъ: спѣшите мириться съ соперникомъ вашимъ, пока вы еще на одномъ пути“. Она сама всегда строго придерживалась этого, и мнѣ ея слова глубоко запали въ душу. Поэтому, какъ только мысли стали направляться въ религіозномъ духѣ, такъ всплыли и они въ воспоминаніи, и я хотѣла передать ихъ и своимъ дѣтямъ. Они нашли благотворную почву въ христіанской душѣ сына. Коля сталъ глубоко продумывать все, происшедшее за день, и по вечерамъ подходить ко мнѣ со словами прощенія. И если я говорила ему, что онъ ничѣмъ не огорчилъ меня сегодня, то отвѣчалъ всегда на это—„ну, если тебя и не огорчилъ, то все же за весь то день ужъ навѣрное что-нибудь да сдѣлалъ дурное“. Мнѣ тогда же понялось, что собственно не у меня онъ просилъ прощенія въ этихъ случаяхъ или вѣрнѣе не за вины передо мною, а придумалъ такой способъ, чтобы вообще выразить свое раскаяніе во всемъ томъ, что сдѣлано, сказано, подумано—словомъ, провѣрка себя за цѣлый день.

Я не могу однако не отмѣтить, что на ряду совсѣмъ сказаннымъ въ Колѣ замѣчалась необыкновенная жизнерадостность, игривость и бодьшая любознательность. Онъ былъ въ высшей степени энергиченъ и жизнедѣятеленъ. Особенное его вниманіе привлекали всякія машины—о нихъ какъ-то узнавалъ все, что ему требовалось, какъ и въ области религіи,—самъ, помимо меня, потому что я въ этомъ тоже ничего не понимала. Въ имѣніи, гдѣ мы жили, была водокачка, и онъ съ подробностяхъ зналъ все устройство ея, познакомившись въ водокачникомъ. На станціи желѣзной дороги онъ сводилъ дружбу со всѣми стрѣлочниками и близко стоявшими

къ паровозу, и тамъ тоже зналъ все подробно, также и на пароходѣ. Меня удивляла масса техническихъ выраженій въ лексиконѣ его словъ. Къ мужу пріѣзжали часто учителя сельскихъ школъ за учебными пособиями и другими школьными нуждами,

Когда имъ случалось не заставить мужа дома, то къ нимъ всегда выходилъ сынъ, по своему особенно сердечному влеченію ко всѣмъ рѣшительно и по необыкновенной общительности. Онъ водилъ ихъ осматривать дѣйствительно очень интересное и живописное имѣніе, гдѣ мы жили, и вотъ помню, особенно удивлялъ всѣхъ своимъ необыкновенно подробнымъ описаніемъ занимавшей его водокачки. Коля серьезно мечталъ изобрѣсти говорильную и летательную машины—тогда еще не было аэроплановъ, а граммофоны до нашей глуши еще не доходили. Но онъ не зналъ, какъ соединить ему свою любовь къ машинамъ и непремѣнное желаніе быть священникомъ, когда вырастетъ. „Сперва, говоритъ онъ, послѣ гимназіи, пойду въ духовную академію, потомъ изучу машины и имъ посвящу нѣсколько лѣтъ, а послѣ буду ужъ священникомъ“. Но съ теченіемъ времени все сокращался срокъ лѣтъ, которые онъ хотѣлъ посвятить машинамъ, а потомъ уже все спрашивалъ меня: „какъ думаешь, если я изучу устройство машинъ и желѣзнодорожное дѣло (которое его особенно интересовало), могутъ ли эти знанія быть полезны и священнику?“ А ужъ незадолго до смерти онъ говорилъ мнѣ: „мама, я совсѣмъ не буду заниматься машинами, а прямо, какъ кончу курсъ, пойду въ священники“, и въ его голосѣ слышалось горячее желаніе скорѣе осуществить свои мечты. На это рѣшеніе, думается мнѣ, имѣло не малое вліяніе нижеслѣдующее обстоятельство. Въ послѣдній годъ его жизни, одинъ знакомый священникъ мнѣ посовѣтовалъ уговорить сына прекратить свои богослуженія, такъ какъ онъ уже не маленькій, и это можетъ навлекать много неполезныхъ насмѣшекъ. Я вернулась изъ Москвы, гдѣ получила этотъ совѣтъ, а сынъ меня встрѣтилъ съ тѣми же мыслями—„какъ ни тяжело, но я долженъ это оставить—навожу людей на грѣхъ, и самому мнѣ тяжело отъ ихъ укоровъ и смѣха“. Онъ собралъ всѣ свои принадлежности по богослуженію и отдалъ мнѣ, строго завѣщая сберечь все и ничего не бросать. Онъ сильно тосковалъ и

часто говорилъ мнѣ, что ему трудно не служить, однако характеръ выдерживалъ. Мы переѣхали въ городъ, и здѣсь онъ нашелъ себѣ духовное удовлетвореніе въ томъ, что могъ каждый день бывать въ церкви. Что бы ни дѣлалъ онъ, игралъ ли, былъ ли въ гостяхъ, лишь ударялъ колоколъ, онъ бросалъ все и шелъ въ церковь. Мы вмѣстѣ съ нимъ ходили къ ранней обѣднѣ, а къ вечернѣ онъ ходилъ или одинъ, или водилъ съ собой сестренку. Ее онъ незадолго до своей смерти часто со слезами умолялъ итти съ нимъ въ церковь, точно спѣша приучить еще при себѣ къ тому, что такъ дорого ему было. Мы все не мало дивились этой проявившейся вдругъ странной настойчивости, съ какой онъ сталъ неотступно водить сестру въ церковь. Онъ любилъ дѣлиться со мною своими церковными впечатлѣніями и всегда жалѣлъ, когда я не бывала съ нимъ въ церкви. И мнѣ его присутствіе тамъ стало необходимо—мы съ нимъ какъ будто дышали однимъ воздухомъ, и безъ него я чувствовала себя тамъ одинокой. Мнѣ особенно нравился онъ въ церкви. Какъ сейчасъ, передъ глазами у меня его маленькая фигурка, слегка сутуловатая, съ наклоненной, какъ бы отъ скромности, головой, съ бѣлокурыми шелковистыми волосенками—онъ ставилъ свѣчи, и старухи-богомолки особенно любятъ ему передавать ихъ и дивятся, какъ такой маленькій, словно старичекъ, богомольный, часто приходилось мнѣ слышать отъ знакомыхъ крестьянокъ: „Ишь дѣтки-то богомольныя, по прѣшѣ вѣрно ужъ—мамаша то ни одной службы не промню, а дѣтки отъ нея научились“. Но я чистосердечно, свое раскаяніе и утренней радостью, сознавалась, что не мамо—словомъ, въ церкви, а сынъ научилъ насъ всѣхъ. „Чѣмъ молотокъ въ время Коля часто спрашивалъ меня—
„ничего, умѣю въ церкви молиться за что-нибудь свое? Я знаю, что моя молитва сливается съ церковной, и я только этой общей молитвой молюсь“. Я не совсемъ еще понимаю, какъ это у него такъ выходитъ, но мнѣ кажется, что это и есть высшая молитва въ единеніи со всею Церковью.

Но не долго походили мы съ сыномъ такимъ образомъ каждый день въ церковь—онъ заболѣлъ scarlatina, чтобы ужъ больше не вставать. Коля заболѣлъ 19-го ноября въ воскресенье. Никто не подозрѣвалъ серьезности болѣзни, и

онъ все спрашивалъ меня, не лучше-ли не ходить ему къ вечернѣ, въ чемъ я охотно поддерживала его. Но когда ударили въ колоколъ, онъ сказалъ—„нѣтъ, не могу усидѣть дома—пойду ужъ“. Вечеромъ того же дня онъ повелъ насъ въ училище, куда поступилъ незадолго до заболѣванія, на воскресное духовное чтеніе съ туманными картинами. Тамъ едва ужъ держался на ногахъ и, по приходѣ домой, окончательно слегъ. На утро былъ докторъ и констатировалъ начало серьезнаго заболѣванія.

Л. Пребстингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ.

(Тамбовскія Пятиримвскія торжества).

— „Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь...
„Сила народная,
Сила могучая,
Совѣсть спокойная,
Правда живучая...
„Рать поднимается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая.

Некрасовъ.

Когда приходится участвовать и наблюдать торжественные моменты исторической жизни нашего святого, русскаго, народнаго православія, какое неистощимое богатство изумительно цѣнныхъ высокихъ познаній настоящей истинной жизни приобретаешь въ сокровищницу своего духовнаго богатства и знаній.

Какъ много открывается такого, чего никогда не приходило въ голову.

Какъ расширяется умственный кругозоръ, и истинное, правдивое, нормальное пониманіе жизни.

То, что казалось ранѣе тусклымъ, мертвеннымъ, то вырисовывается не только жизнедѣтельнымъ, а даже безсмертнымъ, мощнымъ и вѣчно живущимъ.

То, что, казалось, находилось, гдѣ то *тамъ, далеко*, затеряннымъ въ отблескахъ бьющей фонтаномъ суетной видимой

жизни, заброшеннымъ, забытымъ, въ лучшемъ случаѣ,—еле замѣтнымъ, то вдругъ выдѣляется, бьетъ мощнымъ импульсомъ, ярко выдвигается на первый планъ жизни и всей своей сущностью, *не крикливо, не рекламно, не назойливо*, а серьезно, тихо спокойно убѣдительно отчеканивается: „я здѣсь“... „Я — все“... „Я—начало, конецъ и смыслъ вашей бѣдной, блѣдной сущности... Я живу... Я емъ“...

Припоминается мнѣ одна изъ картинъ моего очень далекаго путешествія.

Какъ то въ глубокія, глубокія сумерки, много лѣтъ назадъ, мы проѣзжали по Амуру.

Синія вдумчивыя волны этой красавицы-сибирячки тихо неслись на встрѣчу нашему, въ то время маленькому, бѣдному суденушку.

Утомленные далекимъ плаваніемъ, которому еще не предвидѣлось конца, мы съ затаенной грустью въ душѣ подѣвжали къ одному небольшому полу-русскому, полу-китайскому селенію.

Помню, кажется, носящему названіе: „Ключи“.

За густыми сумерками мы только лишь различали передовыя постройки не то типичной китайской фанзы, не то группы бѣдныхъ, полуразрушенныхъ русскихъ деревенскихъ избышекъ.

Какъ нарочно со стороны этихъ „Ключей“ надвигалась на насъ съ глухимъ погромыхиваніемъ, точно недовольная нашимъ приближеніемъ, черная, свинцовая туча.

Тоскливыя мысли зароились сначала въ сердцѣ, а потомъ въ головѣ, что и здѣсь, какъ на протяженіи минувшихъ двухъ сотъ,—двухъ сотъ пятидесяти верстъ, не встрѣтимъ мы ничего, хотя сколько нибудь развлекающаго и душу, и сердце: та же однообразная, полукитайская, полуазіатская грязь, та же тоска, та же безпросвѣтность.

Некуда даже выйти съ палубы.

Не съ кѣмъ обмолвится словомъ.

Не на кого и не на что посмотреть.

А съ угрюмаго чернаго берега смотрѣли на насъ темными силуэтами, какъ полусгнившіе зубы въ челюсти старика, полуразрушенныя фанзы, и не то избы, не то сараюшки приближающагося селенія.

Какъ то инстинктивно мы рѣшили, въ виду разыгравшейся грозы, не доѣзжая этого селенія, стать на якорь у берега и ни на одну минуту не слѣзать на землю.

Вдругъ ослѣпительной бѣлизны молнія мгновенно снизу до верху разверзла покровы тяжелой свинцовой тучи, и на фонѣ, легкой уже на землю ночи, мы увидали передъ собою стоящую на высокоомъ бугрѣ высокую, красивую, снѣжной бѣлизны, православную церковь,

И за этой яркой бѣлизной, за этими привѣтливыми оконцами Божьяго храма, его куполами, за его, какъ мгновенно озаренный бриллиантъ, святымъ крестомъ, исчезли, сравнялись съ землей стоявшія недалеко отъ этого храма, на первомъ планѣ картины, и полуразрушенныя фанзы, и полусгнившія избушки.

Точно ихъ никогда не бывало на этомъ мѣстѣ.

Сердце наше мгновенно вспыхнуло непередаваемымъ восторгомъ.

Въ одинъ моментъ всѣ мы хоромъ вскрикнули:

„Какая прелесть!.. Какая чудная церковь!..“

Моментально всѣ сняли шапки, *все* безъ различія, а среди насъ были четыре англичанина и три француза туриста. Православные и французы-католики осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, а англичане торжественно склонили на грудь головы.

И всѣ въ одинъ голосъ рѣшили сейчасъ же сняться съ якоря и немедленно подъѣзжать къ этому селу.

То же самое, повторяю, приходится наблюдать и переживать и намъ, русскимъ маловѣрующимъ, если не совсѣмъ невѣрующимъ, интеллигентамъ при той молніеносно—падающей, по волѣ любящаго русскій народъ Всемогущаго Творца, токѣ небесной молніи, небеснаго свѣта, великой правды святого Православія въ видѣ нашихъ церковно-народныхъ торжествъ, и сразу видѣть то, чего мы иногда совершенно не наблюдаемъ, не видимъ, о чемъ думаемъ, какъ не о существующемъ, и что, между прочимъ, живетъ, существуетъ, двигаетъ цѣлою народною массою въ смиренной тишинѣ, въ безмолвномъ спокойствіи, и открываетъ намъ въ эти святые моменты *такіе* горизонты, даетъ намъ *такіе* великіе уроки жизни, передъ которыми самымъ рѣшительнымъ образомъ меркнуть и самыя великія знанія, и самыя цѣнныя науки,

И все то, что до этого момента создавалось, крѣпло, чернѣло въ хаосѣ беспорядочно разбросанныхъ выводовъ, обобщеній и фактовъ, пугающее недальновидный, неглубокій, воспитанный на законахъ только лишь видимой жизни, человѣческій умъ, мгновенно падаетъ, стушевывается, исчезаетъ съ перваго плана и сравнивается, какъ описанныя выше фанзы на берегу Амура съ землею, съ ничтожествомъ человѣческаго вымысла и съ бѣдностью человѣческаго ума и наблюдательности.

А впереди выступаетъ на высокой возвышенности жизни—живое, искрящееся свѣтомъ божественной правды, бодрящее, оживляющее другихъ, святое,—вѣчное духовное.

Вѣра, ея сила и ея мощь.

РОДНАЯ РЕЛИГИЯ.

Да еще такая мощная, непоколебимая, возглавляемая и охраняемая Самимъ Господомъ,—какъ наше Святое Православіе.

Давно ли, напримѣръ, въ нашемъ русскомъ обществѣ, въ самой интеллигентной части его, въ печати, во время того безпощаднаго штурма нашей святой Церкви, въ виду полного отсутствія стремленія крикливой, шумной, рекламной самозанциты этой послѣдней, считали многіе, считалъ, между прочимъ и я, Православіе потеряннымъ, разбитымъ въ своихъ основахъ.

И, сравнивая нашего скромнаго, смиреннаго, немногорѣчиваго провинціального сельскаго батюшку, неумѣющаго, да вѣрнѣе всего, не могущаго по складу своей души, своей вѣры, быть крикливымъ, горделивымъ, афиширующимъ проповѣдникомъ, въ родѣ всѣхъ этихъ носителей современныхъ формъ религіознаго нововѣрія,—въ передовомъ обществѣ, въ передовой печати считали православіе доживающимъ свой вѣкъ и носителей его,—смиранныхъ пастырей нашей Церкви, какими то мертвыми, бездѣтельными величинами. И никому не приходило въ голову, что наша Православная Церковь, изстари вѣковъ, какъ дѣйствительное вмѣстилище истинной христіанской религіи, какъ прямая пріемственная отъ апостоловъ святая Церковь жива Господомъ, возглавляющимъ ее, сильна благодатью Святаго Духа, изливающагося на нее, и дѣйствуетъ не силою человѣческихъ измышленій, не силою че-

ловѣческаго ума и не силою челоѣческихъ достоинствъ, а **своею великою Божественною сущностью.**

Все равно, какъ подпочвенный, водный бассейнъ тихо и медленно, прорываясь изъ пласта въ пласть, тихо, незамѣтно, по какимъ то лишь ему вѣдомымъ законамъ, напояетъ всю землю, не прибѣгая ни къ какимъ громовымъ, потрясающимъ эффектамъ, такъ и наше святое Православіе, ведомое чрезвычайно часто скромными, мало замѣтными сельскими и городскими пастырями Церкви, малословесными, иногда даже робкими, какъ будто забытыми батюшками, напояется цѣнною влагою глубокой, непоколебимой вѣры, но **вѣры твердой, какъ сталь**, и мощной въ должные моменты, какъ легіоны ангеловъ небесныхъ, какъ громовый раскатъ надъ зенитомъ въ жаркій іюньскій лѣтній день.

Стоитъ только добросовѣстно, внимательно всмотрѣться въ эту святую кропотливую работу нашихъ пастырей Церкви.

Стоитъ только вдуматься въ удивительный индивидуализмъ этой работы, чтобы увидеть въ нашемъ Православіи чудную руку Извѣчнаго Водителя его.

Чтобы постигнуть красоту и детали того мощнаго аккорда, который носитъ въ нашей жизни названіе „православнаго духовенства“.

Чтобы увидеть результаты того колоссальнаго героическаго труда, который несетъ оно на алтарь Великой религіи Великой страны.

Вотъ этотъ батюшка воспитываетъ ввѣренную ему паству жгучимъ словомъ не краснорѣчія, а искренностью и убѣдительною своею проповѣди.

Этотъ—подастъ рѣдкій примѣръ трогательнаго Христова смиренія.

Тотъ батюшка, какъ вода точитъ камень, настойчиво назидаетъ своихъ прихожанъ поразительною ревностнаго отношенія своего къ служенію Господу Богу.

А вотъ этотъ пастырь обладаетъ чуднымъ даромъ во время великопостной исповѣди, вмѣстѣ съ исповѣдникомъ проникать въ тайники сердца послѣдняго и, вмѣстѣ съ нимъ, твердою рукою опытнаго психолога и дѣятельнаго слуги Господа выдергивать изъ больного слабою волею сердца глубоко пущенные корни мучительнаго грѣха.

Этотъ облегчаетъ человѣческія души умѣньемъ молиться за умершихъ.

Этотъ растопляетъ человѣческія сердца своею любовью, ласкою.

Этотъ, какъ строгій блюститель законовъ Божественнаго Спасителя, удерживаетъ человѣческія души на извѣстной высотѣ неумолимою строгостію, безпощаднымъ, проникающимъ до мозга костей, обличеніемъ.

Словомъ, каждый изъ служителей великой Православной Церкви непрѣнно, неизмѣнно обладаетъ какимъ нибудь высокимъ даромъ, какою нибудь только *ему присущей* особенностію, которою и служить Христовой Церкви во всей силѣ даннаго ему Господомъ Богомъ умѣнья.

И въ этомъ видна и Божья, и жизненная правда.

Въ мірѣ такое разнообразіе въ человѣческихъ индивидуалахъ, что приходитъ къ нимъ съ однимъ шаблономъ, съ однимъ трафаретомъ не возможно.

Мнѣ думается, лучшимъ доказательствомъ этого положенія должно служить то, что, когда Господь Самъ во время Своей земной жизни организовалъ Свою **первую** Церковь, Своихъ **первыхъ** пастырей ея, изъ 12-ти, то, посмотрите, какъ Его премудрое строительство подбирало этихъ первыхъ Его Священнослужителей.

Каждый изъ Апостоловъ имѣлъ свой собственный психологическій обликъ, свою личную особенность.

Пылкій, горячій Петръ, ни на одно мгновеніе не походилъ на добросовѣстнаго чистосердечнаго искренняго скептика Ѳому.

Нафанаилъ не походилъ на любвеобильнаго, глубоко чувствовавшаго и глубоко оцѣнивавшаго всѣ явленія жизни Іоанна.

Реальный въ оцѣнкѣ всего его окружающаго Филиппъ, не походилъ на безъ размышленія отзывавшагося на все идейное, возвышенное Андрея и т. д. и т. д.

Мнѣ думается, что вся красота, величіе, подлинность и истинность Православной религіи, между прочимъ, заключается и въ этомъ всестороннемъ индивидуализмѣ.

Но знаменательнѣе всего тотъ фактъ, что ни сами эти батюшки, ни простой неграмотный народъ ни на одно мгно-

веніе не допускають и мысли о безгрѣшности своихъ священнослужителей.

Ни на одно мгновение въ наиболѣе разумной части своей, не возлагають на нихъ тяжкія обвиненія за тѣ или другія ошибки, заблужденія, ибо не умомъ и ученіемъ, а *сердцемъ* чувствуютъ, что батюшка такой же немощный человѣкъ, какъ и онъ самъ, что онъ не съ неба ниспосланъ къ нимъ, а плоть отъ плоти ихъ, кость отъ костей ихъ.

Какъ это не покажется на первый разъ парадоксальнымъ, но каждый изъ насъ имѣетъ въ немощномъ своемъ батюшкѣ и видитъ для себя большую поддержку, большую точку опоры, наглядно убѣждаясь, что святое Православіе, въ немощахъ проявляя свою силу, какъ Самъ, вѣчно любящій человѣка Господь, всегда готово каждому изъ насъ протянуть руку даже въ самый моментъ паденія съ великимъ словомъ призыва: „сынъ Мой! отдай Мнѣ сердце твое“ ¹⁾.

И повторяю, этотъ простой, неграмотный человѣкъ, ни разу не читавшій Слова Божія, сердцемъ знаетъ слова великаго апостола Іоанна Богослова: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха; обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ. Если же *исповѣдуемъ* грѣхи наши; то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякой неправды. Если говоримъ, что мы не согрѣшили; то представляемъ Его лживымъ и слова Его нѣтъ въ насъ“ ²⁾.

И если ему дадите священника съ кичливостью безгрѣшности; если послѣдній будетъ нести, проповѣдь о полномъ отсутствіи грѣха въ жизни кого нибудь изъ обращенныхъ въ Православіе, то по своей природѣ, смиренная, богоносительная душа русскаго человѣка не приметъ это.

Это ей органически будетъ непонятно.

Божественный Спаситель міра самое высокое мѣсто отводитъ стремленію въ человѣкѣ къ такому совершенству, какимъ обладаетъ только одинъ Всемогушій Отецъ нашъ небесный, но, какъ мы видѣли, Его великій и любимый ученикъ говорить: „Если мы говоримъ, что не согрѣшаемъ, то слова Его нѣтъ въ насъ“.

¹⁾ Прит. 23, 26. ²⁾ I Іоан. I, 8—10.

Одинъ только Богъ безъ грѣха“. Говорить и Слово Божіе, и святая народная мудрость...

И сознание всего этого крепнеть, растетъ и развивается тихо, незамѣтно во внутреннемъ бассейнѣ человѣческой сущности, за предѣлами базара житейской суеты, въ таинственной клѣтѣ человѣческаго сердца.

И все это проникнуто такою незыблемой мощью, такою внутренней силою нашего русскаго Православія—въ самомъ себѣ, что оно, имѣя въ основныхъ чертахъ своей природы, смиреніе, всепрощеніе и любовь, — но смиреніе — богатыря, всепрощеніе — незлобиваго и любовь сораспятаго Христу, — не идетъ на открытую борьбу съ злобою князя міра сего и клеветами его, зная ея недолговѣчность, ея сердитое безсиліе и пустоту ея выпадовъ,—смирненно молчитъ, нося въ самомъ себѣ ту страшную потенциальную силу, энергію, которая въ пышномъ разцвѣтѣ развертываются или въ народныхъ бѣдствіяхъ, или въ народныхъ торжествахъ родного Православія.

И счастливъ тотъ человѣкъ, которому приходится наблюдать эти великіе историческіе моменты.

Охваченный красотою, мощью и силой такихъ великихъ переживаній, онъ неизбежно придетъ къ одному заключенію во всѣ времена, во всѣ вѣка:

Какъ мощно и сильно святое Православіе!

Какъ жизненнодѣятельно оно въ своей тихой и смиренной внутренней работѣ!

И никто никогда не въ силахъ, не въ состояніи побѣдить, умалить, расшатать, поколебать его.

Ибо оно стоитъ не на камнѣ даже, а на скалѣ.

И „врата ада не одолѣютъ его“.—

Созерцая эти церковно-народныя переживанія, каждый, кто когда либо сомнѣвался въ благодатномъ ростѣ духовной силы Православія, видя теперь результаты ея жизнеспособности, видя теперь продуктивность ея работниковъ отъ самаго маленькаго, отъ самаго ничтожнаго, отъ самаго захирѣвшаго церковника въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, возжигающаго лампы и оправляющаго горящія восковыя свѣчи, неумѣлыми руками перебирающаго бѣдный, сельскій колокольный звонъ, до первоприсутствующаго митрополита въ Святѣйшемъ Синодѣ, — онъ навсегда отрѣшится отъ всякихъ со-

миѣній въ этомъ направленіи, и въ немъ воскреснетъ твердое, опредѣленное пониманіе этой мощной силы этого великаго двигателя, и онъ въ унисонъ съ нынѣ царствующимъ Божіимъ Помазанникомъ надъ Россіей пожелаетъ воскликнуть на весь міръ каждой живой душѣ: „великъ Богъ земли русской!“ И, вмѣстѣ съ почившимъ философомъ писателемъ, всѣми фибрами своей души, всѣми импульсами своего разума объединится на мысли, что святое Православіе будетъ тѣмъ послѣднимъ жизненнымъ религіознымъ этапомъ, черезъ который, какъ черезъ послѣднюю вѣху, пройдетъ человѣчество, приуготованное или для райской жизни, или для вѣчныхъ мукъ, смотря по тому, что вынесетъ ему послѣдній день суда.

Повторяю, счастливъ, тотъ человѣкъ, который лицезрѣлъ эти великіе, счастливые моменты въ исторіи Православія.

И я благословляю Всемогущаго Господа за то, что Онъ не по моимъ какимъ либо заслугамъ, а по Своему мощному, любвеобильному милосердію ко мнѣ грѣшному, сподобилъ меня присутствовать на одномъ изъ недавнихъ такихъ торжествъ, имѣвшемъ мѣсто въ Тамбовѣ на открытіи и прославленіи мощей святителя Питирима.

Общій видъ Тамбова.

И скажу въ скобкахъ, считаю это по отношенію къ себѣ за величайшій актъ Божественнаго милосердія, ибо это меня, еще такъ недавно перешедшаго отъ невѣрія—къ вѣрѣ, къ Православію, еще болѣе укрѣпляетъ въ неизмѣримой

цѣнности и красотѣ послѣдняго и все болѣе и болѣе открываетъ мнѣ глаза на тѣ факты, которые, быть можетъ, давно извѣстны и понятны каждому воспитанному, утвержденному и прожившему съ ранняго возраста подъ непрерывнымъ, благодатнымъ руководствомъ святой Церкви, но которые чрезвычайно глубоки, чрезвычайно новы и чрезвычайно назидательны мнѣ, какъ до нѣкоторой степени прозелиту въ святой христіанской Православной церкви.

II.

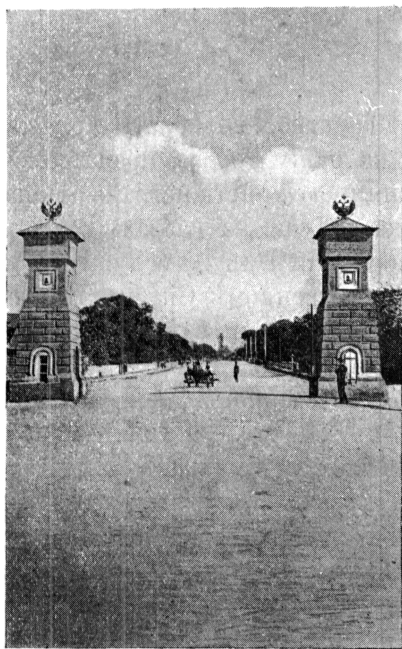
Какъ это не грустно, но, благодаря такъ неожиданно надвинувшейся на нашу Россію, предательской войнѣ тѣхъ, которые подъ личиною христіанства,—руководимые челоувкомъ, когда то, какъ Іуда, на глазахъ всего міра лобзавшимъ Христа при совершеніи имъ богослуженій, при произнесеніи проповѣдей о Божественномъ Спасителѣ міра,—льютъ кровь дѣйствительныхъ христіанъ, какъ изверги первыхъ вѣковъ христіанства; безпощадной рукой мучаютъ и убиваютъ неповинныхъ мирныхъ старцевъ, женъ и дѣтей; какъ ворвавшіеся въ Россію въ XIII столѣтіи дикіе монголы, разрушаютъ, оскверняютъ, уничтожаютъ многовѣковые плоды цивилизаціи, храмы, насилуютъ женъ и дочерей во многихъ частяхъ нашего отечества, конечно, значительно удаленныхъ отъ Тамбова,—одни забыли о дняхъ этого великаго торжества русской церкви, другіе не могли тамъ быть по тѣмъ или другимъ причинамъ, а третьи предположили, что торжества великаго открытія мощей святителя Питирима будутъ отложены.

Поэтому,—начиная отъ Москвы и вплоть до самаго Козлова,—26-го іюля слѣдующихъ богомольцевъ въ нашемъ поѣздѣ не было совсѣмъ, но съ Козлова, гдѣ какъ извѣстно, соединяется цѣлая группа желѣзнодорожныхъ линій почти на каждой станціи, вплоть до Тамбова въ нашъ поѣздъ насаживалась такая масса богомольцевъ, что было совершенно все.

И, хотя, недоѣзжая трехъ, четырехъ станцій до Тамбова, поѣздная прислуга самымъ энергичнымъ образомъ не пускала пассажировъ въ поѣздъ, а на станціяхъ не продавали билетовъ,—послѣдніе набивались въ вагонъ, какъ пчелы,

само собою разумѣется, безъ билетовъ и съ рискомъ уплачивать двойную плату отъ контрольныхъ станцій.

Полны были всѣ площадки; въ корридорахъ вагоновъ перваго и втораго классовъ плечо въ плечо, другъ съ другомъ, съ разложенными на полу котомками, стояли моршанскіе, пензенскіе, воронежскіе, калужскіе и даже кіевскіе, томскіе и тобольскіе богомольцы и богомолки.

Тамбовская застава.

И у всѣхъ на радостныхъ лицахъ была написана полная удовлетворенность въ ожиданіи скорого прибытія къ мѣсту своей конечной цѣли.

А какая масса оставалась несумѣвшихъ попасть на этотъ поѣздъ на станціяхъ, трудно себѣ и представить.

Когда же, по мѣрѣ приближенія къ Тамбову, нашему поѣзду приходилось перерѣзать большія и проселочныя дороги, то, помимо массы народа, двигавшагося по линіи и обгоняемаго нашимъ поѣздомъ, мы видѣли цѣлыя, безконечныя вереницы богомольцевъ, тянувшіяся въ разномъ направленіи къ Тамбову.

Не знаю, какъ на кого, а на меня всегда производить чрезвычайно свѣтлое впечатлѣніе встрѣча съ богомольцами по пути.

Въ особенности, когда они, какъ и въ данномъ случаѣ, изъ боязни не поспѣть во время, опоздать, торопливо входятъ въ вагонъ, какъ то робко, безпомощно, извиняющимся взглядомъ, окидываютъ коренное населеніе поѣзда, не пытаются искать свободныхъ мѣстъ, или кого либо подвигать, утѣснять, а располагаются именно такъ, какъ Богъ послалъ, или стоя, или сидя на полу; и, какъ будто, стараясь всѣмъ своимъ отношеніемъ засвидѣтельствовать коренной публикѣ вагона, что они никого не хотятъ стѣснять, что это совершенно случайный, неожиданный для нихъ самныхъ путь къ поклоненію, такъ какъ главная ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы идти къ дорогой для нихъ святыни пѣшкомъ и съ нѣкоторымъ личнымъ трудомъ и усиліями.

Какъ много на этихъ лицахъ бываетъ обыкновенно написано какого то неземного настроенія.

Вы видите, что всѣ они переполнены мыслями и идеями совершенно чуждаго вамъ порядка.

Они, какъ будто, не слышатъ обычныхъ суетливыхъ рѣчей окружающей ихъ публики, ѣдущей въ этихъ вагонахъ по дѣламъ міра сего.

И въ то же время они стараются ни звукомъ, ни намекомъ не заявить вамъ, что „они-де паломники, за нѣсколько сотъ, а быть можетъ и тысячъ верстъ совершаютъ свое богомоленіе“.

А между тѣмъ сколько среди нихъ есть людей, которые брели вотъ до этого самаго Козлова изъ далекаго Кіева, имѣя въ карманѣ только лишь рубль съ четвертью. Изъ области Войска Донскаго, изъ Вологды.

Были среди нихъ и такіе, которые вотъ, вотъ только сейчасъ отправили изъ своей семьи на войну „всѣхъ трехъ мужиковъ, единственныхъ работников“.

— „Только третьяводнясь, родимый, отправили... Они, значить, направились въ Кіевъ по желѣзкѣ, а мы пѣшочкомъ сюда къ новоявленному святителю Божію“.

Какъ то робко, стыдливо, полушепотомъ говорила мнѣ одна изъ богомолокъ села Малой Моршевки моршпанскаго уѣзда.

Какая изумительная сила духа!

Какая поразительная красота народной мощи!

Дѣтей русскаго хлѣбороднаго царства!

Дайка этотъ самый подвигъ, эту самую богатырскую силу воли нашей деревенской крестьянки-матери, которая одной рукой благословляя широкимъ крестомъ уходящихъ на бранную сѣчу троихъ сыновей, другою подтягиваетъ сзади веревками бѣлый холщевый котомку-мѣшокъ, а потомъ обмахнувши рукавомъ порывѣлаго зипуна набѣжавшія слезы, круто поворачиваетъ въ путь дороженьку во святые мѣста,—какой нибудь иностранкѣ, чтобы объ ней писали во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ журналахъ и снимали съ нея милліонъ фотографій и кинематографическихъ лентъ.

Да, положительно на русскомъ народѣ сказывается старинная русская примѣта:

„Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ смиреннѣе“.

„Чѣмъ величественнѣе, тѣмъ незамѣтнѣе“...

III.

Пріѣхали.

Въ моментъ стоявшіе передъ вокзалами извозчики были разобраны, и одна часть публики осталась съ багажемъ дожидаться возвращенія отвозившихъ пассажировъ возницъ; а сѣрые, сермяжные, русскіе богатыри-паллигрымы пошли огромной толпой съ котомками за плечами по прямой, какъ стрѣла Дворянской улицѣ, ведущей отъ вокзала въ центръ самаго города.

Красивое впечатлѣніе производитъ Тамбовъ своими широкими улицами, и частыми садами, и скверами.

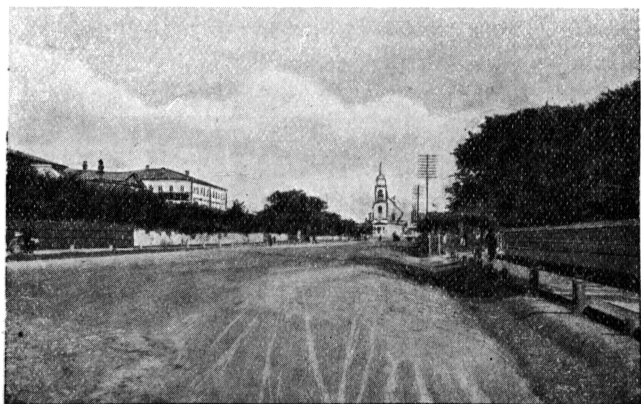
Такъ какъ мы пріѣхали въ то время, когда уже шло всенощное бдѣніе и когда, по нашему расчету, по расчету людей, привыкшихъ въ девятомъ часу вечера считать время конца этого Богослуженія, — мы рѣшили въ этотъ вечеръ уже не идти ко всенощной.

Но, каково было наше удивленіе, когда перезвоны въ Тамбовскихъ церквахъ были слышны и въ одиннадцатомъ, и въ двѣнадцатомъ часу ночи, и прислуга гостинницы заявила намъ: „что у насъ, дай Богъ здоровья Архіепископу Кириллу, всенощное бдѣніе кончается нерѣдко около полуночи, и

обыватели такъ пріохочены къ церкви, что это ихъ не обременяетъ ни на одно мгновенье“.

И мы, увидавши богослуженіе въ слѣдующіе дни, убѣдились, что въ этихъ словахъ не было преувеличенія...

Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня въ соборныхъ храмахъ и приходскихъ церквяхъ Тамбова раздался благовѣстъ къ поздней литургіи.

Отъ вокзала. Дворянская улица.

По выработанному Тамбовскимъ Архіепископомъ чину торжествъ, по случаю прославленія мощей святителя Пимирима, въ этотъ день должны были быть совершены, кромѣ позднихъ и раннихъ литургій, въ верхнемъ соборѣ, — Тамбовскій соборъ состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней; въ послѣдней обрѣтаются мощи святителя, — и въ Крестовой церкви архіерейскаго дома — среднія литургіи.

Когда мы, минуя прекрасный соборный скверъ, вышли на соборную площадь, то мы были поражены, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Передъ нами было море головъ.

Какое разнообразіе въ одеждѣ, въ лицахъ.

Но что особенно поражало, это та изумительная, благоговѣйная тишина, которая ни на одно мгновеніе не соотвѣтствовала этой народной массѣ, опредѣлить которую было по моему мнѣнію нельзя сотней, и даже двумя сотнями тысячъ.

Посреди площади возвышался огромный, со всѣхъ сторонъ открытый навильонъ.

Когда я только что выходилъ изъ сквера на площадь, въ это время былъ Великій выходъ, и священнослужители проносили: „Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго“...

Насколько была велика тишина въ этой многотысячной толпѣ, можно судить по тому, что я, находясь еще у выхода изъ сквера, слышалъ долетавшія до меня отдѣльныя слова этого поминовенія.

Наконецъ кончилось великое поминовеніе, дрогнула толпа, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, заплѣли: „аминь“ и „яко да Царя“.

Соборъ и площадь, на которой происходили народныя торжества.

Удивительно стройно и мощно было это пѣніе.

Пѣли рѣшительно всѣ.

Пѣлъ каждый, кто какъ умѣлъ.

Но это былъ одинъ мощный аккордъ.

Одна стройная, тысячеголосная мелодія.

Вотъ раздались глубокія по идеѣ, по мысли прошенія слѣдующей за симъ эктеньи:

„Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлъ нашихъ у Господа просимъ“.

И когда всѣ эти молящіеся, мотивомъ, выражающимъ глубокую, безпредѣльную просьбу, произнесли: „подай Господи“, мнѣ показалось, что передъ этимъ павильономъ, у подножія этого совершающагося величайшаго изъ богослуженій, послѣ того, какъ вмѣстѣ съ силами небесными незримо снизошелъ

къ престолу священнослужителей Царь Царей, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ лицѣ этой огромной массы объединенныхъ общей молитвой людей, склонила смиренно свою выю наша, въ данный моментъ, угнетенная обидой обезумѣвшаго чужеземца, Россія и, указуя простертой десницей и на весь этотъ предстоящій народъ, и на этихъ обряженныхъ въ зеленеватыя, какъ бархатъ скошенныхъ полей далекаго Запада, „хаки“, готовящихся на бранный подвигъ ея дѣтей; и на тѣхъ, которые уже тамъ, въблизи боевого огня,—съ скорбью матери, съ тихой печальной, но полной вѣры, надежды, мольбою въ голосъ изъ глубины материнскаго сердца, изъ нѣдръ самыхъ отдаленныхъ тайниковъ тѣхъ воспоминаній о все-сильной Божьей помощи, ниспославшейся ей въ тяжкія минуты историческихъ скорбей, тихо произносила, съ вздохомъ, смиренно раскаиваясь и въ своихъ былыхъ ошибкахъ, и въ своихъ минувшихъ грѣхахъ:

„Подай Господи!“

И наглядно, осязательно, хотя и духовно, чувствовалось, что Всемогущій Господь, никогда неизгонявшій отъ Себя ни одного изъ приходящихъ къ Нему, внималъ этой молитвѣ.

Казанскій мужской монастырь. Мѣстопробываніе епископа.

И это сознаніе проникало здѣсь въ каждую человѣческую душу и переполняло ее еще болѣе искреннимъ желаніемъ, еще больше, еще горячѣй сливаться со своимъ Господомъ; еще больше отдавать Ему безраздѣльно всего самаго себя,

со всѣми своими скорбями, со всѣми угнетеньями, со всѣми большими и малыми думками...

Почти на всѣхъ лицахъ робкою стыдливою струйкой, текли обильныя слезы.

По особому милосердію Божію. за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ въ нашемъ отечествѣ это торжество считается уже не первымъ торжествомъ, но по настроенію молящагося народа, по его вдумчивому, глубокопрочувствованному отношенію къ послѣднимъ торжествамъ, по его тихой, украшенной слезами молитвѣ, я ничего подобного нигдѣ не видывалъ.

Конечно, быть можетъ, найдутся люди, которые захотятъ объяснить это переживаемымъ страною настроеніемъ.

Пусть будетъ такъ.

Это еще спльнѣе подчеркиваетъ тотъ, въ высокой степени знаменательный фактъ, что духъ русскаго народа, всей его великой страны, за переживаемыя нами внутреннія лихолѣтія не умиралъ, даже не тлѣлъ и не мерцалъ, а неизмѣнно горѣлъ и разгорался стремленіемъ, любовью, безграничнымъ довѣріемъ къ родному православію.

Когда создалось одно *общее* нестроеніе, когда приключилась одна *общая* бѣда, этотъ народъ твердо, опредѣленно, сознательно понесъ свою бѣду къ Тому, Кто только лишь Одинъ можетъ устранить ее, или помочь пережить ее.

Это *одна* часть Россіи—**народъ**.

А другая, въ лицѣ святой Православной Церкви, которую неизмѣнно руководитъ возглавляющій ее Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не сговариваясь съ своими собратьями, съ своими сочленами, съ своими дѣтьми, какъ одинъ человѣкъ, какъ одна душа, пошла на встрѣчу великому желанію русскаго народа.

И вотъ здѣсь на стогнахъ древняго гор. Тамбова, сошлись эти два, взаимно стремящіяся другъ къ другу начала.

Я не могу не подчеркнуть здѣсь того высокоснаменательнаго факта, который, какъ бы не силились закрывать на него глаза, не увидать нельзя; который, какъ бы не стремились враги Церкви замалчивать его, заставить камни говорить о себѣ.

Фактъ, надъ которымъ должно остановиться не историкъ будущаго, а ради нашего счастья, ради спасенія нашей души.

сейчасъ же, теперь, сію секунду намъ самимъ, его живымъ очевидцамъ и наблюдателямъ.

Остановиться и продумать.

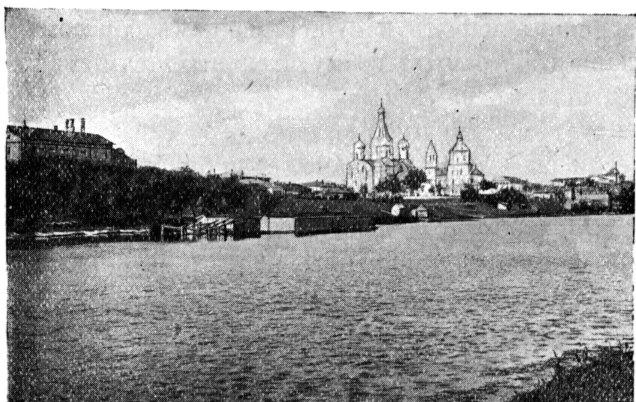
И запечатлѣть въ своей душѣ все, что она скажетъ намъ.

Я, конечно, имѣю въ виду настоящіе святыя дни прославленія мощей святителя и чудотворца Тамбовскаго Питирима.

Это событіе говоритъ чрезвычайно много.

Прежде всего, оно указываетъ на то, что Господь любитъ нашу страну.

Что Онъ оберегаетъ наше святое Православіе.

Набережная рѣки Цны, въ Тамбовѣ около Покровской церкви.

Стоило только въ дни дурно понятыхъ свободъ втолкнуть въ нашу жизнь самыя отрицательныя стороны другой, чуждой намъ и нашему родному Православію, жизни, чтобы Всемогущій Господь, Самъ незримо пришелъ въ нашу Православную Церковь и началъ возжигать въ ней тѣ свѣтильники, тѣ маяки, которые нужны въ наступившемъ мракѣ жизни.

И знаменательнѣе всего тотъ фактъ, что это великое историческое возженіе всегда и неуклонно предшествовало тѣмъ смутнымъ событіямъ, которыя съ мѣста въ карьерѣ пустились въ атаку нашей святой Православной Церкви.

Кто могъ думать, что открытіе мощей святителя Черниговскаго Θεодосія, а затѣмъ преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца, предшествовало надвинувшимся на нашу страну двумя тяжелымъ событіямъ: скорбной японской войнѣ и не менѣе скорбнымъ событіямъ 1905—1908 годовъ.

Кто дерзнетъ отвергнуть тотъ изумительный фактъ, что въ это время и исключительно *ради поддержки и Православія, и русскаго народа* послѣдовало открытіе мощей живого при- мѣра твердаго, неуклоннаго несенія своего долга, святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, и высоконазидающее души нашихъ женъ, матерей, сестеръ, дочерей, въ періодъ псканія ими новыхъ *сомнительныхъ* путей, православленіе Анны Кашип-ской?

Развѣ эти великія событія, помимо своего явнаго, откры- таго, указаннаго значенія въ нашей современной жизни, виртуально не свидѣтельствовали о томъ, что вся надвинув- шаяся на нашъ народъ и существеннымъ образомъ на наше Православіе атака самыхъ возмутительныхъ, самыхъ ужасныхъ нападокъ шла къ намъ *извне*?

А между тѣмъ это именно такъ.

Ибо, если бы это было иначе, если бы это шло изъ сердца самаго русскаго Православнаго народа; — не могли бы изъ сердца этого же самаго народа и его родной религіи изли- ваться тѣ источники Божественной благодати, которые идутъ въ защиту этого самаго народа.

Ибо не ложенъ Господь въ Своемъ Божественномъ словѣ, а послѣднее говорить:

„Не можетъ изъ одного и того же источника идти и горь- кая и сладкая вода“ ¹⁾ и

„...царство раздѣлившееся само въ себѣ опустѣеть“ ²⁾

И послѣдующая жизнь *подтвердила* это:

Всѣ эти волны различныхъ формъ нововѣрія.

Всѣ эти политическія движенія.

Всѣ эти возмущавшіе духъ и сердце cadaго истинно - русскаго челоуѣка, протесты, забастовки.

Все это и въ 1905 году, и въ послѣдующихъ годахъ, до настоящаго 1914, когда сама жизнь сорвала маску съ нашихъ враговъ.

Все это пришло къ намъ *извнѣ, изъ чуждой намъ жизни, изъ чуждыхъ и враждебныхъ намъ руиъ*.

Кто и что бы не говорилъ противное этому положенію, будетъ лжець передъ своей личною совѣстью.

Но, повторяю, Господь любящій Свой народъ уже въ 1896 году поднялъ за насъ мечъ Своей великой защиты и яркими маяками освѣтилъ нашу внѣшнюю и духовную жизнь.

1) Іак. 3, 11. 2) Лук. 11, 17.

А развѣ кто нибудь осмѣлится возразить противъ того, что открытіе мощей, прежде всего, великаго праведника, великаго патріота „россійскія земли“, святителя Ермогена,— а затѣмъ убѣдительноѣ этого факта уже быть не можетъ— святителя и чудотворца Птирима въ самый разцвѣтъ русской мобилизаціи на войну противъ забывшаго Христа, утонувшаго въ своей гордынѣ, безумнаго Голіафа, жалкой пародіи то Нерона, то Наполеона, — Прусскаго короля Вильгельма, которому не только исторія будущаго, а и современное человѣчество придастъ совершенно правильный эпитетъ „окаяннаго“ ¹⁾),—развѣ это не свидѣтельствуешь о великой любви къ намъ, русскому народу, Господа?

Развѣ это не свидѣтельствуешь объ исключительной любви Его къ нашей святой Православной Церкви?

Вѣдь, чтобы не говорили враги этой Церкви, они не могутъ обвинить ее въ томъ, что она предвидѣла это событіе 9-го іюня 1914 года, когда былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода объ открытіи мощей Святителя Птирима на Высочайшее Государя Императора благовоззрѣніе.

Когда даже наканунѣ объявленія Германіей войны Россіи 19-го іюля никто не зналъ объ этомъ.

А развѣ всѣ эти факты, и въ особенности *последній* фактъ, не свидѣлствуютъ о томъ благодатномъ водительствѣ самимъ Господомъ Его Святой Православной Церкви, возглавляемой Имъ?

Вѣдь не черезъ католицизмъ, не черезъ лютеранъ, не черезъ всѣ разнообразныя виды существующаго теперь въ Россіи нововѣрія и не черезъ различныя сатанинскія, охватившія весь міръ ученія спиритизма, оккультизма и теософіи послѣдовало это чудо изъ чудесъ современной жизни.

А только лишь черезъ святую Православную христіанскую Церковь.

Значить именно **только съ нею и въ ней** Самъ Господь.

Значить **только въ ней одной** и можно получить истинную мощь и силу Божественнаго благословенія.

Значить **именно ее, единственную во всей вселенной и не поколеблять врата ада.**

В. П. Быковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ „Вильгельмъ Окаянный“.

Подъ громовымъ ударомъ.

I.

— Лежу, завернутый въ шинель. Около меня лошади. Передовая позиція. Кругомъ никого нѣтъ. Ждемъ боя. Цѣлую тебя и дѣтей. Твой Миша.

Это было послѣднее извѣстіе, которое пришло съ театра военныхъ дѣйствій. И съ тѣхъ поръ вотъ уже полторы недѣли ни звука, ни строчки.

Марья Антоновна за эти дни стала неузнаваема: красивое молодое лицо ея осунулось, глаза, въ которыхъ еще недавно было столько огня, столько чисто женскаго кокетства, потускнѣли, и около нихъ легли какія-то изсиня-черныя тѣни, вся она похудѣла и точно согнулась.

Дѣти: Вѣра 6-ти лѣтъ, Варя—3-хъ и семимѣсячный Котикъ ее раздражали и каждую минуту доводили до слезъ.

Молоко у ней пропало, и Котикъ поэтому цѣлыми часами кричалъ, не переставая. Она отдавала его на руки няньки, а сама затыкала уши, чтобы не слышать этого отчаяннаго, дѣтскаго крика и запиралась въ спальнѣ или уходила на улицу и безцѣльно ходила взадъ и впередъ по глухимъ пустымъ переулкамъ, пока ноги не отказывались служить ей, и она въ изнеможеніи готова была упасть.

Тогда она возвращалась домой, и тамъ ничего не могла дѣлать, потому что работа валилась изъ рукъ. Все ея вниманіе приковано было къ часовой стрѣлкѣ, и когда та придвигалась къ часу прихода почты, Марья Антоновна дѣлалась вся—какъ натянутая струна, какъ обнаженный нервъ: прислушивалась къ каждому шагу на парадной лѣстницѣ, вздрагивала при каждомъ звонкѣ.

Но почты не было.

Тогда она ложилась на кровать лицомъ въ подушки и плакала, плакала, какъ дитя.

— Маня, да вѣдь нельзя же такъ, вѣдь у тебя дѣти...—пробовала урезонить ее старушка мать,—вѣдь прямо грѣхъ такъ убивать себя.

— Грѣхъ? почему вы раньше молчали о томъ, что грѣхъ? Почему вы раньше ничего не говорили мнѣ ни о грѣхѣ, ни о Богѣ?—не то съ озлобленіемъ, не то съ горечью спрашивала Марья Антоновна, глядя на мать почти съ ненавистью.—Вы сами, когда еще я дѣвченкой была, говорили, что не знаете, есть Богъ или нѣтъ,—и я теперь не знаю... а нѣтъ Бога, нѣтъ и грѣха... не грѣхъ если я и руки на себя наложу, потому что не могу я пережить всего этого... не могу... не могу...

Въ другіе разы этотъ приступъ отчаянія и тоски смѣнялся тихимъ плачемъ. Какъ маленькая дѣвочка, садилась Марья Антоновна на скамейку около матери и положивъ голову ей въ колѣни, шептала:

— Какъ я жила? Какъ мы жили? Развѣ можно было жить такъ!.. Господи, если бъ вернулось все!.. Если бъ Миша остался живъ! Все было бы иначе! Онъ самъ понялъ бы многое!.. А такъ развѣ это жизнь?

— Ну какъ же, Маня, жить еще? Нервная ты просто стада. Жили, какъ и нужно. Всѣ молоды были, и всѣ такъ жили: веселились, выѣзжали, у себя вечера устраи-

вали,—ну что тутъ худого? Дѣти здоровы, растутъ... не понимаю, какъ же жить еще? И теперь тебя обезпечать...—говорила та, повидимому, мало озабоченная судьбой зятя. Но Марья Антоновна ее прерывала:

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ... я не про то... вы говорите совсѣмъ другое...—И въ тоскѣ, въ досадѣ уходила въ свою комнату.

Былъ сѣрый осенній день.

Марья Антоновна, какъ все это время, нервничала. Котикъ опять плохо спалъ, мучился желудкомъ и кричалъ.

— Господи, до чего же изводитъ этотъ крикъ! Няня,—крикнула Марья Антоновна,—дай его сюда, а сама выведи дѣвочекъ погулять, да не надолго, на четверть часа.

Маленькое блѣдненькое личико черезъ минуту смотрѣло на нее изъ голубого одѣяльца. Почувствовавъ перемѣну рукъ, ребенокъ пересталъ плакать и смотрѣлъ на мать большими синими глазками, громко чмокая соску и иногда неровно вздыхая, уставъ отъ долгаго плача и крика.

— Что, крикунъ мой? Что, Котикъ маленькій?—разговаривала съ нимъ мать:—наблажился? Наплакался? а? что, животикъ болить? Животикъ у Котика болить?

Ребенокъ смотрѣлъ на нее, слушалъ, точно понимая ее, и вдругъ неожиданно улыбнулся... И эта улыбка перевернула всю ея душу.

— Маленькій мой, милый...—Она поднесла ребенка къ себѣ и долгимъ жаркимъ поцѣлуемъ припала къ безкровной щекѣ, на которой отъ улыбки была маленькая ямочка:—гдѣ нашъ папа, Котикъ? Гдѣ папа?—И вдругъ смягчившись, точно растаявъ отъ прикосновенія этого крохотнаго существа или отъ жалости, острой и обжигающей душу, къ себѣ и къ нему, Марья Антоновна заплакала.

Крупныя слезы потекли по ея щекамъ; она глотала ихъ, такія соленыя, такія горькія, и не замѣтила, какъ онѣ падали и на щечку Котика. Тотъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на мать и вдругъ сморщился и тоже заплакалъ.

Мать привела себя въ порядокъ и, уже безъ раздраженія, перепеленала Котика, и стала укачивать...

— Хоть бы какая нибудь отрада! Какое бы нибудь утѣшеніе!—въ тоскѣ смотрѣла она на „стильную“ обстановку своихъ комнатъ, на дорогія гравюры, которыя всегда покупалъ Миша, на нарядныя кровати, изъ которыхъ теперь одна стояла пустая.

Пустота и тоска была въ душѣ.

— Молиться?—Но она не умѣла молиться, она никогда не молилась, у нихъ и образовъ то даже нѣтъ въ квартирѣ: ни одного образа! И Миша никогда не молился, и Миша говорилъ, что онъ боится „безпокоить“ Господа Бога и докучать Ему.

Марья Антоновнѣ стало вдругъ жутко и холодно, когда она припомнила, какимъ тономъ говорилъ все это Миша. Какъ теперь, тамъ, на передовой позиціи?.. Неужели и тамъ онъ говоритъ такъ же? Или, можетъ быть, теперь онъ зоветъ, вопить къ Богу... А Богъ?.. слышитъ ли Онъ? видитъ ли? Есть ли Онъ вообще, есть ли кто нибудь за этимъ сѣрымъ небомъ?.. Мысли, одна другой темнѣе, вихремъ кружатся въ головѣ, пока Марья Антоновна нервно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, укачивая Котика.

— Молится... да, можетъ быть, уже нѣтъ его? Можетъ быть, уже умеръ онъ, убитъ?.. Можетъ быть, мучается на полѣ, раненый, не подобранный... Можетъ быть, онъ съ проклятіемъ уходитъ изъ жизни...—Опять спазма въ горлѣ Марьи Антоновны, опять нѣтъ никакого ощущенія, кромѣ ощущенія надвинувшагося ужаса, безпросвѣтной темноты, непосильной муки.

Раздался звонокъ, и она вздрогнула такъ, что чуть не уронила ребенка. Но послышался голосъ Вѣрочки, и она вспомнила, что это вернулись дѣти.

Черезъ минуту нянька пришла въ спальню.

— Ужаси что тамъ на улицѣ дѣлается... народу вездѣ... крестные ходы...—говорила она, взявъ Котика изъ рукъ Марьи Антоновны.

— Крестные ходы... а почему? — спросила Марья Антоновна.

— Да молебны о побѣдѣ служатъ... и здѣсь мимо насъ пойдутъ... вонъ столики приготовлены.

Марья Антоновна наклонилась къ окну. Напротивъ у лавки дѣйствительно былъ выставленъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, икона въ серебряной ризѣ и чашка съ водой.

— Крестный ходъ... — Марья Антоновнѣ вспомнилось, какъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ Миша громко расхохотался, когда ему сказали, что крестьяне окрестныхъ деревень той мѣстности, гдѣ они жили на дачѣ, собираются служить молебенъ о дождѣ, а потомъ пойдутъ съ крестнымъ ходомъ по всѣмъ деревнямъ.

— Ха... ха... ха...—смѣялся Миша,—молебенъ о дождѣ! Вотъ темень-то мужицкая... Положимъ здѣсь въ деревнѣ понятно... вотъ въ городѣ такъ ужъ прямо дико! да и кто и ходитъ то съ этими крестными ходами? Мужики, бабы, да хулиганы.

Тогда Марья Антоновнѣ не было страшно слушать ни этотъ смѣхъ, ни эти слова мужа: она вѣдь и сама не была вѣрующей; но теперь почему-то именно этотъ моментъ вспомнился ей, почему то вдругъ стало такъ жутко, такъ сиротливо.

Она прильнула лбомъ къ стеклу окна и смотрѣла на эту толпу мужиковъ, ожидающую крестный ходъ;

вѣроятно, онъ уже показался, такъ какъ многіе сняли шапки и крестились.

Нѣсколько бабъ, съ ребятами выстроились въ очередь, чтобы пройти подъ иконами.

Вотъ показался народъ съ другой стороны, потомъ фонарь, хоругви, иконы... вотъ какой-то старичекъ-священникъ въ потертой камилавкѣ, въ поношенной ризѣ... подошли къ столику... начался молебенъ... Марья Антоновна слышитъ, какъ поютъ „Спаси, Господи, люди Твоя“..., видитъ, какъ десятки рукъ поднимаются для крестнаго знаменія, машинально крестится и она, глядя на качающуюся хоругвь, на которой изображена икона Богоматери, но на душѣ у ней пустота.

Крестный ходъ прошелъ мимо, оставивъ въ ея душѣ только угнетающую, тяжелую тоску.

— Счастливые... они хоть могутъ молиться, вѣрить по-дѣтски... у ней и этого нѣтъ... а это, кажется, самое главное...

II.

Всю ночь не спалось Марьѣ Антоновнѣ. Отъ будуарнаго фонаря разливался мягкій розоватый полусвѣтъ. Но сегодня онъ напоминалъ ей зарево пожара, вызывалъ что-то кошмарное, и она потушила его; зажгла обыкновенную свѣчу подъ зеленымъ колпачкомъ.

Грудь давила все та же тоска, а въ болѣзненно работающемъ мозгу вставало съ поразительной ясностью все прошлое, и почему-то вставалъ день ихъ свадьбы, такой яркій, солнечный.

Оба они были тогда такъ молоды и такъ счастливы. Они любили другъ друга, и для нихъ, собственно, не нужно было бы никакого вѣнчанья, никакихъ лишнихъ церемоній, но приличіе этого требовало. Живо вспо-

минается Марья Антоновнѣ, сколько забавнаго было тогда. Отецъ ея умеръ, когда ей было 5 лѣтъ, и къ вѣнцу благословлялъ одинъ старичекъ-генераль, другъ ихъ дома, милый и добродушный человѣкъ, но не безъ странностей.

И именно странностью казалось тогда и ей и Мишѣ, съ какой серьезностью и даже съ волненіемъ благословлялъ онъ ихъ обоихъ, когда они пріѣхали изъ церкви.

Въ церкви Марья Антоновнѣ было все время какъ-то весело: смѣшно было, какъ растерялся Миша, когда она вошла въ церковь; смѣшно, какъ шаферъ мѣнялъ имъ кольца и, такъ какъ Миша слишкомъ плотно надѣлъ первый разъ на палецъ кольцо, забывъ, что оно не его, а невѣсты, то шаферъ съ такой силой снялъ его, что оно выскользнуло и покатилося. . Смѣшно и весело было даже тогда, когда повели ихъ кругомъ аналая, и только что-то чуть-чуть ущемило сердце, когда запѣли о святыхъ мученикахъ... запѣли торжественно и, какъ показалось ей тогда, грустно... зачѣмъ, при чемъ тутъ мученики?—мелькнуло тогда въ головѣ Марьи Антоновны.

Потомъ скоро начались поздравленія.

Опять было весело.

Вотъ пріѣхали домой.

— Наконецъ-то кончились всѣ церемоніи!—смѣясь, проговорила она. Но оказалось, что кончилось еще не все: старичекъ-генераль встрѣтилъ ихъ на порогѣ и торжественно благословилъ иконой:

— Дай Богъ счастья вамъ... Дай Богъ радости, много радостей... Но и горе въ жизни неизбежно, такъ вотъ тогда... пусть Господь поддержитъ васъ, будетъ съ вами... не забывайте о Немъ ни въ горѣ ни въ радости.

И отчего-то голосъ дрожалъ у старика, и даже слезы были на глазахъ.

Теперь Марья Антоновна вспомнила его, а тогда почти и вниманія на его слова не обратили.

Поставили образа, которыми ихъ благословляли, въ свою нарядную спальню, на столъ, такъ какъ уголъ занятъ былъ картиной знаменитаго художника, и долго не могли найти имъ подходящаго мѣста.

Жизнь потекла счастливая, радостная, довольная.

Оба увлекались и спортомъ, и театромъ, лѣтомъ ѣздили за границу.

Оба жили широко, мужъ зарабатывалъ много. Дѣти ихъ радовали и занимали.

Словомъ, жизнь была полна, хотя они ни о комъ, кромѣ себя не думали, и только теперь, когда грянулъ громъ, вдругъ обнаружилась ея страшная, невыносимая, зіяющая цусота.

Марья Антоновна вдругъ почувствовала себя несчастной, одинокой, безпомощной; вдругъ почувствовала, что если отъ нея уйдетъ Миша, то съ нимъ уйдетъ весь смыслъ ея жизни, безъ него наступитъ ужасъ, который приведетъ ее къ могилѣ, къ самоубійству... Жить нечѣмъ...

— Дѣти... но что дѣти? Растить ихъ для того, чтобы такъ же рисковать каждую минуту потерять ихъ?! Да и что дать имъ? Какъ сдѣлать ихъ жизнь не пустою? Какъ ихъ подготовить ко всѣмъ ужасамъ жизни?— никогда раньше эти вопросы не приходили въ голову Марѣ Антоновнѣ, а теперь они всѣ разомъ тѣснились въ ея мозгу и, заслоня ихъ всѣ, душу терзала мысль о Мишѣ:—живъ ли онъ? вернется ли? что чувствуетъ онъ тамъ, передъ лицомъ смерти? Боже мой, Боже мой, еслибъ умѣть молиться! Еслибъ имѣть хоть это счастье!

Дрожа отъ ночной свѣжести, и отъ безсонныхъ часовъ, и отъ внутренняго волненія, Марья Антоновна все-таки встала съ постели, накинула на себя теплый капотъ и начала, какъ всегда, безцѣльно ходить по комнатѣ, заглушая этимъ безумную боль въ душѣ.

Утромъ она вышла въ столовую, страшная, какъ тѣнь.

— Къ доктору бы тебѣ сходить, Маня,—сказала ей мать, разливая чай и сухими аристократическими руками раскладывая дѣтямъ булки.

— Ахъ, бросьте вы, мама! Развѣ поможетъ это? Я не знаю, вы какая-то деревянная! Неужели вы ничего не чувствуете? Я знаю, вы не любите Мишу... но теперь-то развѣ нельзя все забыть? Вы такъ говорите, точно онъ чужой вамъ и мнѣ... и я еще должна это слушать... О Господи!—Марья Антоновна съ шумомъ поднялась со стула и выбѣжала изъ комнаты.

Съ ней сдѣлалась истерика.

— Матушка барыня, хоть бы къ „Скорбящей“ сходили вы... родная!—со слезами глядя на нее, говорила старуха-кухарка:—много милостей у Царицы-то небесной, авось и барина вашего сохранить...

— Да ты пойми, Марѳеуша: передовая позиція, вѣдь это никакой надежды...—плакала Марья Антоновна.

— Да Господь то, можетъ, какъ разъ его и помиуетъ, пронесетъ мимо пули-то шальныя... пойдите, барыня... на Стеклянномъ это... много чудесъ тамъ совершается... я сама тамъ исцѣлимши была отъ ноги... такой ревматизмъ былъ, думала, совсѣмъ и ходить не смогу, а вотъ спасла Матерь Божія...—говорила Марѳеуша.

И отъ того ли, что говорила она, и отъ другого чего, или отъ самого тона ея голоса, но Марья Антоновнѣ стало какъ будто легче. А Марѳеуша все повторяла:

— Пойдите, право...

— Подожду еще... можетъ быть, письмо придетъ.

Прошло еще нѣсколько дней: письма все не было.

III.

— Радуйся, купель, въ ней же вся скорби наша погружаются...

— Радуйся, чаше, ею же радость и спасеніе воспріемлемъ!

Толпа народа стояла на колѣняхъ передъ чудотворной иконой Богоматери; стояла затихшая, изрѣдка тяжело и глубоко вздыхающая, безмолвно плачущая, тихо скорбящая.

И слова священника, негромко, но внятно читавшаго акаѳистъ, падали, точно свѣтлыя звѣзды, въ темную глубину измученнаго народнаго сердца.

Часовня была полна народу, и огромный подсвѣчникъ передъ образомъ все пополнялся и пополнялся новыми свѣчами. Особенно много было свѣчей пятикопеечныхъ и трехкопеечныхъ. Онѣ такъ и передавались по рукамъ съ прибавленіемъ: „Царицѣ Небесной“, „Скорбящей“, „Всѣхъ Скорбящихъ Радости...“ — и вмѣстѣ съ ними передавались Царицѣ Небесной вздохи и скорби темнаго бѣднаго люда.

Много было женъ запасныхъ.

Онѣ пришли сюда съ ребятишками, но, къ удивленію, и дѣти не плакали, и ничто не нарушало тишины, въ которой совершалось это „молебное пѣніе“.

— Радуйся, скорбей нашихъ Услажденіе!

— Радуйся, печалей нашихъ Утоленіе!

Ясно и вдумчиво выговариваетъ священникъ.

Кто-то заплакалъ тихо, точно украдкой. Кто-то громко вздохнулъ, и вздохъ похожъ былъ на короткій стонъ.

Этотъ вздохъ заставилъ вздрогнуть Марью Антоновну, стоявшую впереди у самой рѣшетки.

До сихъ поръ, точно окаменѣлая, стояла она неподвижно, судорожно сжавъ въ рукѣ перчатку, стиснувъ зубы, и сухими, полными безысходной муки глазами смотрѣла на темный ликъ Богоматери, на эту икону, къ которой такъ странно и плотно пристали чьи-то трудовые мѣдныя грошики... Смотрѣла, точно ничего не понимая, на мягкое сіяніе лампы, озаряющей образъ, на усталое, болѣзненное лицо священника, и молитвы не было въ душѣ.

Только тяжелый, обычный въ эти дни, неподвижный камень лежалъ тамъ, глубоко, глубоко.

Сердце, еще недавно исходившее слезами, теперь только ноетъ, но ноетъ день и ночь, ноетъ то сильнѣе, то слабѣе, ноетъ отъ боли, ноетъ иногда такъ нестерпимо, что отъ боли захватываетъ духъ и темнѣетъ въ глазахъ.

Потомъ это проходитъ и смѣняется тѣмъ страннымъ отупѣніемъ, какимъ-то окаменѣніемъ, которое у Марьи Антоновны было сейчасъ.

И вдругъ этотъ стонъ! Кто-то такъ тяжело вздохнулъ! Кто-то, точно не стерпѣвъ, выкрикнулъ свою боль.

Марья Антоновна вздрогнула и инстинктивно обернулась: простая, повидимому, фабричная, еще молодая женщина, въ байковомъ сѣромъ платкѣ, изъ-подъ котораго выбивались пряди русыхъ волосъ, припала къ холодному полу часовни и уже почти навзрыдъ плакала:

— Матушка Царица Небесная, спаси моего мужа!— всхлипывала она. И столько горя, столько вѣры было въ этой мольбѣ!

Холодъ электрической искрой пробѣжалъ по всему тѣлу Марьи Антоновны. Клубокъ, свинцомъ стоявшій въ горлѣ, вдругъ растаялъ, откатился, и она тоже

вздохнувъ болѣзненно громко, вдругъ опустилась на колѣни, приникла головой къ рѣшеткѣ и заплакала.

И первый разъ за всѣ эти дни плакала мучительно сладко, долго, чувствуя, что ее всю охватываетъ незнакомое, какое-то жуткое и новое, радостное чувство вѣры.

— И моего... спаси... Пресвятая, Пречистая! Ты все можешь!..—рыдала она, задыхаясь и захлебываясь отъ слезъ.

Когда она немного пришла въ себя, священникъ уже кончилъ акаѳистъ и, самъ стоя на колѣняхъ, читалъ молитву:

• — Ты едина еси радости нашей ходатаца и, яко Мать Божія и Мати милосердія, предстоящи у Престола Пресвятыя Троицы, можеша намъ помощи: никто же бо притекаяй къ Тебѣ посрамленъ отходитъ...

— Пресвятая, Пречистая, да не отойду и я... темно, пусто въ душѣ... Ты просвѣти, Ты помоги... Спаси его... верни его... всю жизнь мою возьми...—Страстно молилась Марья Антоновна, а слезы градомъ катились по ея лицу, и она даже не успѣвала отирать ихъ.

Но на сердцѣ стало вдругъ легче, несравненно легче. И когда она прикладывалась къ иконѣ, ей показалось, что что-то теплое, ласковое, свѣтлое брызнуло ей въ душу.

Вмѣстѣ съ народомъ вышла она изъ часовни, вмѣстѣ дошла до паровика, и когда поднималась въ свою квартиру, ей почему-то вспомнилось, какъ недавно Варя, долго плакавшая надъ сломанной куклой, заснула наконецъ у нея на колѣняхъ: и у нея было ощущение усталости и покоя послѣ долгихъ слезъ на рукахъ матери.

— Ну вотъ и успокойся, живъ еще...—встрѣтила ея въ передней бабушка.

— Какъ? что? кто живъ?—не снимая шляпы, почти вскрикнула Марья Антоновна, не смѣя вѣрить себѣ.

— Господи! Кто? да Миша, конечно! Еще днемъ пришла коротенькая депеша:—„живъ, цѣлую“.., вотъ смотри, увѣрься...—совала она дочери въ руку какую-то бумагу.

Безумно радостными глазами читала та эти два слова, потомъ припала къ нимъ губами и, задыхаясь уже отъ новыхъ волненій, сквозь слезы, безсвязно повторяла:— Ты... Ты... Пресвятая Матерь Божія... Спаси его... всю жизнь отдамъ Тебѣ... спаси... благодарю Тебя...

Мать подумала, что она бредитъ, и бросилась къ ней, но та отстранила ее...

— Боже мой, мама, какъ поздно узнали мы!..—говорила она.

Въ тотъ же вечеръ въ дѣтской и спальнѣ висѣли иконы Спасителя и Божіей Матери и передъ ними горѣли лампы.

IV.

Опять идутъ недѣли, опять тянется мучительная неизвѣстность. Но нѣтъ уже безнадежнаго отчаянія въ душѣ Марьи Антоновны. Она занимается съ дѣтьми, ведетъ хозяйство, работаетъ въ городскомъ попечительствѣ для семей запасныхъ, а разъ въ недѣлю ходитъ туда, на окраину города, куда тянутся безъ конца всѣ, кого бросила военная непогода въ бездну горя и муки.

И вечерами долго стоитъ она въ своей спальнѣ передъ иконой Богоматери и молится съ жаркой, всепобѣждающей вѣрой за того, кто на землѣ ей всѣхъ дороже, всѣхъ ближе... молится и общается Царицѣ

Небесной принести Ей въ жертву все, если онъ вернется, вернуть и его самого къ Богу и къ Церкви...

* * *

Гдѣ-то далеко, далеко гремитъ громъ войны... Гдѣ-то свищутъ пули, взрываются цѣлые полки, тысячи людей падаютъ подъ косою смерти... Гдѣ-то свершается правый и грозный Судъ Божій... А здѣсь, въ тишинѣ ночи, при мерцаніи лампадъ, неумолчно раздается молитва женъ, матерей и сестеръ:—пощади, спаси и помилуй.

Ал. Платонова.

Миссіонерскія бесѣды.

Бесѣда съ „адвентистами седьмого-субботняго дня“ о субботѣ.

На IV всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ іюлѣ м. 1908 года выяснилось, что въ пропагандѣ сектантства въ Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ „адвентисты седьмого-субботняго дня“. Пропаганда адвентизма ведется теперь повсюду и особенно на югѣ и на юго-западѣ Россіи. Съ пропагандою выступаютъ не только русскіе сектанты (Юркины и др.), но и нѣмцы (Бехтеръ, Лебсакъ и др.). Наиболѣе же усердно пропагандируютъ адвентитскіе миссіонеры изъ-за границы—это: „колыпортеры“ или книгоноши (І. Перкъ и др.), „библенсты“, которые читаютъ и изъясняютъ Библію на „библейскихъ собраніяхъ“ (К. Пімаковъ и др.), и „проповѣдники“, которые устраиваютъ „призывныя собранія“ для проповѣди и моленій, крестятъ, совершаютъ вечера, рукополагаютъ въ „проповѣдники“, завѣдываютъ мѣстными миссіонерскими учрежденіями и развѣзжаютъ съ миссіонерскими цѣлями по обширной территоріи (О. Вильдгрубе и др.). Двѣ главныя миссіонерскія организаціи заграничныхъ адвентистовъ—„Международное Трактажное Общество“ и „Международный союзъ субботнихъ школъ“, управленіе которыми сосредоточено въ Баттле-Креекѣ, въ Сѣверной Америкѣ, и которыя имѣютъ свои отдѣленія: въ Нью-Йоркѣ, Вашингтонѣ, Капитадѣ, Калькуттѣ, Варбургтонѣ, Коллечъ-Вью, Монтенъ-Вью, Лондонѣ, Стокгольмѣ, Гельсингфорсѣ, Ватфордѣ, Мельборнѣ, Базелѣ и Гамбургѣ—руководятъ пропагандою адвентизма и въ Россіи, дѣйствуя въ ней, главнымъ образомъ, черезъ свои отдѣленія въ Гамбургѣ, гдѣ для той же цѣли имѣются еще „Международное Издательское Общество“ и миссіонерская школа.

Сильная пропаганда адвентизма въ Россіи побуждаетъ дѣятелей православной миссіи къ энергичной борьбѣ съ адвентистскими заблужденіями. И здѣсь прежде всего возникаетъ потребность въ миссіонерскихъ бесѣдахъ съ адвентистами по тѣмъ пунктамъ ихъ ученія, въ которыхъ они расходятся съ исповѣданіемъ Православной Церкви.

Однимъ изъ главныхъ заблужденій адвентистовъ, которое они, однако, усиленно пропагандируютъ является *празднованіе ими субботы вмѣсто воскреснаго дня*. Этому вопросу мы и посвящаемъ свою бесѣду. Въ ней мы постарались исчерпать не только то, что говорили намъ на бесѣдахъ адвентисты юга Россіи и г. Москвы, но и все то, что приводится въ зашитѣ празднованія субботы въ адвентистской литературѣ. Такъ, нами разсмотрѣны съ этою цѣлью слѣдующія произведенія адвентистской литературы: 1) „Маслина“ (журналъ), 2) „Суббота нравственнаго закона, ея сущность и обязанность въ отношеніи къ ней“, 3) „Субботу или воскресеніе должны мы праздновать“? 4) „Воскресеніе не суббота“, 5) „Какой день празднуешь ты и почему“? 6) „Разсмотрѣніе семи основаній празднованія воскресенія“, 7) „Суббота и Воскресеніе“, 8) „Кто отмѣнилъ субботу“, 9) „Почему это было открыто раньше“? 10) „Суббота Новаго Завѣта“, 11) „Библейскія чтенія о настоящей истинѣ“ и 12) „Библейскій указатель важнѣйшихъ ученій о вѣрѣ“.

Для удобства изложенія, данныя адвентистской литературы и заявленія адвентистовъ на бесѣдахъ впадаютъ въ уста одного лица, адвентиста Петра.

1) — Какъ же намъ не чтить *субботы*, — говорилъ мнѣ пожилой адвентистъ Петръ, ревностный пропагандистъ адвентизма среди русскихъ крестьянъ, — когда *Самъ Богъ еще въ раю далъ людямъ заповѣдь праздновать седьмой день, или день субботній*.

Я попросилъ Петра найти такую заповѣдь въ Св. Писаніи. Петръ, открывъ Библію, громко и самоувѣренно сталъ читать: „И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмый день — и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и создалъ“ (Быт. 2, 1 - 3). Разъ Богъ

благословилъ и освятилъ седьмый день, такъ намъ и нужно его праздновать,—заклучилъ Петръ и вызывающе посмотрѣлъ на меня.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Въ Писаніи не сказано, чтобы Богъ въ раю повелѣлъ первымъ людямъ, а съ ними и намъ, праздновать седьмый день, и это ты, Петръ, сочинилъ отъ себя, что нехорошо, такъ какъ своимъ вымысломъ ты еще извратилъ и мысль Св. Писанія. Въ прочитанномъ тобою мѣстѣ изъ книги Бытія говорится только о томъ, что Богъ благословилъ и освятилъ седьмой день, потому что въ этотъ день почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя творилъ и созидалъ. Какъ видишь, здѣсь и рѣчи нѣтъ о людяхъ, нѣтъ и никакой заповѣди людямъ. Когда бытописатель желаетъ показать, что слова Бога относятся къ людямъ, въ частности, къ первозданнымъ, то ясно пишетъ: „и благословилъ *ихъ* Богъ, и сказалъ имъ *Богъ*“... или еще: „и заповѣдалъ Господь Богъ *человѣку*“... (Быт. 1, 28; 2. 16). Но въ прочитанномъ тобою мѣстѣ этого нѣтъ. Слѣдовательно, нельзя учить, что „Богъ въ раю освятилъ и благословилъ седьмый день *для людей*“. Нельзя такъ учить еще и потому, что благословеніе и освященіе седьмого дня не только стоитъ въ полной зависимости *отъ покоя*, но заключается *въ этомъ покойѣ*, безъ котораго оно и немислимо (ср. Исх. 20, 8—11). Но кто же почилъ отъ дѣлъ творенія и созиданія: люди или Богъ? Писаніе ясно говоритъ, что Богъ, такъ какъ первые люди не только ничего не тѣворили и не созидали, а и сами были сотворены (Быт. 1, 26). А если покой относился только къ Богу, то ясно, что „и благословилъ Богъ день седьмый и освятилъ его только *для Себя*, т.-е. покоемъ отъ дѣла творенія Онъ отличилъ для Себя день седьмый. Вмѣстѣ съ Богомъ раздѣлили этотъ покой и Тѣ, Кому Богъ сказалъ: „сотворимъ *человѣка* по образу Нашему и подобію Нашему“... (Быт. 1, 26), посему и *для Нихъ* Богъ благословилъ и освятилъ день седьмый. Но здѣсь и ты, Петръ, видишь не людей, которыхъ еще не было, а второе и третье Лица Св. Троицы. Въ этомъ же насъ убѣждаетъ и внѣшняя форма выраженій бытописателя. Когда у него идетъ рѣчь о первыхъ людяхъ, онъ прямо называетъ ихъ; такъ что ясно видно, кому Богъ сказалъ, или для кого Богъ заповѣдалъ, благословилъ, освятилъ... А когда рѣчь идетъ о лицахъ Св. Троицы,

то онъ прикровенно указываетъ ихъ въ краткой формѣ рѣчи, говоря лишь: „и сказалъ Богъ... и благословилъ Богъ и освятилъ“... (Быт. 1. 26; 2. 2—3). Такимъ образомъ, ясно, что въ раю Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать день седьмой, или субботній. Напротивъ. Онъ повелѣлъ первому человѣку воздѣлывать и хранить садъ Эдемскій, безъ исключенія, *во все дни* (Быт. 2, 15), и, если бы Адамъ пожелалъ въ седьмой день покоиться, то это было бы нарушеніемъ повелѣнія Господняго: „воздѣлывать и хранить Эдемскій садъ“. И послѣ, когда Адамъ согрѣшилъ, то Богъ осудилъ его на добываніе себѣ хлѣба въ потѣ лица *во все дни жизни его* на землѣ, изъ которой онъ взять (Быт. 4. 17—19, 23). Вотъ почему нигдѣ въ Писаніи не видно, чтобы люди до Моисея (Исх. 16 гл.) праздновали субботу, или чтобы до Моисея Богъ обличалъ и грозилъ людямъ наказаніями за нарушеніе субботняго покоя. Все это потому, что до Моисея Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

— А почему же Моисей пишетъ: „помни день субботній“ (Исх. 20, 8); если „*помни*“, то, значить, заповѣдь о субботѣ уже была у евреевъ до Моисея,—возразилъ мнѣ Петръ.

— Нѣтъ, Петръ! Опять ты неправильно истолковалъ Писаніе. Моисей словомъ „*помни*“ указывалъ сынамъ Израилевымъ не на то, что заповѣдь о субботѣ была дана имъ до него, а на то, что *онъ* по повелѣнію Бога, уже далъ имъ эту заповѣдь и что въ десятизловіи она лишь повторяется, напоминаетъ. И дѣйствительно, въ Писаніи ясно сказано, что впервые Господь далъ израильтянамъ заповѣдь о субботѣ чрезъ Моисея еще въ пустынь Синъ (Исх. 16, 29—30), такъ что на горѣ Синаѣ въ десятизловіи она лишь была повторена.

— Ну, а почему же самъ Моисей говоритъ, что сыны Израилевы должны праздновать субботу, потому что *Господь почилъ въ день седьмой*? Выходить, какъ-будто евреи праздновали субботу со дня покоя Господня?..—нерѣшительно замѣтилъ Петръ.

— Ошибаешься, Петръ! Моисей въ десятизловіи лишь указываетъ, что данный чрезъ него Богомъ израильтянамъ день покоя будетъ напоминать имъ и покой Господень. Какъ Господь въ седьмой день почилъ отъ работы творенія, такъ и израильтяне въ седьмой день почиваютъ отъ работы въ еги-

петскомъ рабствѣ (Второз. 5, 15): здѣсь совпаденіе лишь въ численномъ порядкѣ дня—*„седьмой“*; но у Господа покой имѣетъ свое значеніе, а у израильтянъ свое. Вотъ почему израильтяне и стали впервые праздновать субботу лишь по выходѣ изъ Египетскаго рабства (Исх. 16. 30). Такъ что теперь и тебѣ, Петръ, должно быть ясно, что ни въ раю, ни послѣ—до Моисея, Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

— — —

2) — Ну, пусть будетъ по-вашему,—уже безъ задора проговорилъ Петръ.—А все же я буду праздновать субботу, хотя бы потому, что *4-я заповѣдь десятисловія имѣетъ это повелѣваетъ* (Исх. 20, 8—10).

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ я,—что отъ перваго своего основанія въ пользу празднованія субботы ты, Петръ, уже отказался. Поэтому я перейду къ разсмотрѣнію новаго, по счету второго, основанія, которымъ ты защищаешь свою субботу ¹⁾:

— а) Я прежде всего спрошу тебя, Петръ, почему ты ссылаешься на 4-ю заповѣдь десятисловія? *Развѣ ты признаешь необходимымъ исполнять 10 заповѣдей по буквѣ Ветхозавѣтнаго Писанія?* Тогда почему ты не исполняешь съ буквальною точностью и другихъ заповѣдей того же Ветхаго Писанія?

— Никакихъ другихъ заповѣдей въ Ветхомъ Завѣтѣ я не знаю,—съ жаромъ заговорилъ Петръ,—и вы не смѣшивайте все въ кучу: *заповѣдями* называется только десятисловіе, а все остальное, полученное еврейскимъ народомъ отъ своихъ вождей, называется *закономъ*. Законъ мнѣ не нуженъ; онъ отмѣненъ Христомъ и Апостолами, а заповѣди даны людямъ навсегда. Самъ Христосъ сказалъ: „кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ; а кто сотво-

¹⁾ На первомъ основаніи субботники особенно настаиваютъ, потому что второе ведетъ ихъ, какъ увидимъ ниже, въ такія дебри взаимныхъ противорѣчій, что они прибѣгаютъ къ нему лишь въ самыя критическія минуты. Между тѣмъ, первое основаніе, какъ взятое изъ исторіи *до появленія* закона Моисеева, сразу освобождаетъ ихъ отъ критики, по меньшей мѣрѣ, двухсмысленнаго ихъ отношенія къ тому закону, на который они же опираются, потому что и рѣчь объ этомъ законѣ ими не заводится.

рить и научить, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ“ (Мѡ. 5; 19).

— Глубоко неправъ ты, Петръ, въ своемъ толкованіи Писанія,—отвѣчалъ я. Ни Моисей, ни Христосъ, ни св. апостолы не дѣлали такого различія между закономъ и заповѣдями, разумѣя иногда подъ закономъ совокупность всѣхъ заповѣдей и постановленій, а вообще употребляя слова: „законъ“, „заповѣдь“, и рѣже „завѣтъ“, „слова Божіи“, и др. безъ различія, одно вмѣсто другого. Объ этомъ ясно свидѣлствуютъ намъ книги: Исходъ (наприм. 16, 24, 31, 34, 35 главы) и Второзаконіе (4, 6, 10 гл.), и св. апостоль говоритъ, что преступившій заповѣдь: „не убій“—преступникъ закона (Іак. 2, 10—11) ¹⁾. Точно такъ же и приведенныя тобою слова Христа касаются не только десятословія, но и всего „закона и пророковъ“; посему Христосъ тамъ же перечисляетъ не только заповѣди десятословія, но и многія другія заповѣди, которыя „сказаны древнимъ“ (см. Мѡ. 5, 17—7 гл.). При этомъ еще замѣтъ, Петръ, что Христосъ отнюдь не сохраняетъ *буквы* древнихъ заповѣдей, не исключая и десятословія. Такъ что приведенное тобою основаніе въ пользу исполненія *буквы* только десятословія опровергается самимъ Писаніемъ. И ты долженъ согласиться, что, если праздновать субботу *по буквѣ* 4-й заповѣди, то нужно тогда исполнять и весь древній законъ, въ которомъ есть заповѣди и большія десятословія (Мѡ. 22, 37—50; Іоан. 7, 21—23), потому что согрѣшившій даже въ одномъ чемъ-нибудь изъ закона виновенъ противъ всего закона (Іак. 2, 10; Гал. 3, 10). Слѣдовательно, или соблюдай по буквѣ весь древній законъ, или согласись, что соблюденіе одной только субботы съ твоей стороны есть также беззаконіе, потому что подвергаетъ тебя клятвѣ закона (Гал. 3 гл.), который ты соблюденіемъ субботы признаешь для себя обязательнымъ.

Петръ задумался. Наконецъ, онъ вспомнилъ новый выходъ изъ затруднительнаго положенія, подсказанный ему „Библейскими чтеніями о настоящей истинѣ“ (№ 20).

— Пусть будетъ по-вашему,—утирая съ лица потъ и подтягиваясь, снова заговорилъ Петръ.—Пусть Писаніе не отличаетъ десяти заповѣдей отъ закона и называетъ также и

¹⁾ См. еще Римл. 7 гл.

десятословіе закономъ. Словомъ, — пусть я буду неправъ, строя защиту субботы на различіи словъ: „заповѣдь“ и „законъ“... Но вотъ въ слѣдующемъ я обязательно буду правъ. Писаніе намъ ясно говоритъ о *двухъ законахъ*. Одинъ—это законъ Божій, а другой—Моисеевъ: „и не дамъ впредь выступить ногъ Израильтянина изъ земли, которую Я далъ отцамъ ихъ, чинаемъ въ 4-ой книгѣ Царствъ, если только они будутъ стараться согласно со всѣмъ тѣмъ, что Я повелѣлъ имъ, и со всѣмъ закономъ, который заповѣдалъ имъ рабъ Мой, Моисей (21, 8). Закономъ Божиимъ называется тотъ законъ, который данъ Самимъ Господомъ сынамъ израилевымъ, когда Богъ говорилъ имъ собственно Своимъ голосомъ. Затѣмъ, Господь написалъ этотъ законъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ Своимъ перстомъ и назвалъ ихъ десятословіемъ. Больше десяти словъ, или заповѣдей. Господь не говорилъ. Эти заповѣди, или двѣ скрижали каменные, по повелѣнію Господа, были положены на храненіе въ ковчегъ (см. Исх. 20. 1, 18—21; 24. 12; 31. 18; 32. 16; 34. 1, 28; Второз. 4. 11—13; 5. 4, 22; 9. 9, 10; 10. 1—4). Когда же израильтяне стали нарушать законъ Божій, то Моисей *отъ себя* далъ имъ законы, въ которыхъ указывалъ, какая казнь полагается за нарушеніе заповѣдей Господнихъ и какъ имъ очиститъ себя отъ грѣха или преступленія противъ заповѣдей. Всѣ *свои* постановленія Моисей послѣ записалъ въ особую книгу, которую и назвалъ „Второзаконіемъ“, т. е. вторымъ закономъ. Эта книга, по повелѣнію Моисея, должна была лежать одесную ковчега завіта и свидѣтельствовать противъ Израильтянъ (Второз. 31. 24—26). Такъ что, когда израильтянинъ сдѣлаетъ преступленіе противъ какой-либо заповѣди, хранящейся въ ковчегѣ, то книга Второзаконія свидѣтельствуетъ всѣмъ объ его грѣхѣ и указываетъ, какъ долженъ быть смытъ грѣхъ противъ заповѣди. Намъ теперь законъ Моисея не нуженъ: во-первыхъ, потому что имъ никто не оправдался предъ заповѣдями Божиими и никто при его помощи не достигъ совершенства; напротивъ, израильтяне, не будучи въ силахъ исполнить постановленія Моисеева закона, навлекли еще на себя проклятіе этого закона (Галат, 3 гл.); во-вторыхъ, потому что мы, христіане, уже не подъ закономъ, а подъ благодатью Христовой (Римл. 6. 14), и Христосъ не только искупилъ насъ отъ клятвы Моисеева закона (Гал. 3. 13), но и освободилъ насъ Своею смертію

отъ самаго закона (Римл. 7. 6). Если мы теперь согрѣшимъ противъ закона Божьяго, т. - е. десятословія, то уже будемъ оправдываться предъ нимъ не закономъ Моисея, а ходатайствомъ за насъ Христа. Вотъ почему мы не принимаемъ изъ Ветхаго Завѣта другого закона, или закона Моисеева, въ составъ котораго входятъ всѣ заповѣди, всѣ постановленія и всѣ завѣты, кромѣ десятословія. Десятословіе же, какъ законъ Господа, мы приедемъ и исполняемъ *съ буквальной точностью*: во - первыхъ, потому что Богъ повелѣлъ еще израильтянамъ исполнять Его десять словъ, или заповѣдей безъ прибавленія и убавленія и притомъ во всѣ дни жизни ихъ на землѣ (Второз. 4. 2, 10, 13); во-вторыхъ, потому что Христосъ Самъ исполнялъ законъ Бога и училъ, что ни одна іота или ни одна черта не пройдетъ изъ этого закона, такъ что хотяшій войти въ жизнь вѣчную прежде долженъ соблюсти десять заповѣдей“ (Мѣ. 5. 17—18; 19. 17). Также и ап. Іоаннъ пишетъ: „ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки“. (1 Іоан. 5. 3) Къ тому же исполненію закона Божьяго зоветъ насъ и ап. Іаковъ (2. 8—12)*).—На этомъ Петръ прервалъ свою рѣчь и вызывающе посмотрѣлъ на меня,

— Такимъ образомъ, ты, Петръ, теперь построилъ защиту субботы на *различіи уже двухъ законовъ*: Божьяго и Моисеева,—отвѣчалъ я.—Подъ Божіимъ закономъ ты разумѣешь только десятословіе и утверждаешь, что, кромѣ десяти словъ, Богъ ничего не говорилъ и не давалъ. Все остальное, что мы находимъ въ Ветхомъ Писаніи, далъ якобы Моисей отъ себя и притомъ тогда, когда израильтяне начали грѣшить противъ десятословія. И вотъ Божій законъ ты принялъ, потому что такъ повелѣваетъ - де Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, а Моисеевъ отринулъ, опять-таки на основаніи того же Писанія. Разберемъ же сказанное тобою.

Прежде всего нигдѣ въ Писаніи мы не находимъ, чтобы Моисей давалъ израильтянамъ какой-либо законъ *отъ себя, какъ свой*. Если гдѣ и говорится: „законъ Моисеевъ“, или „законъ, который заповѣдалъ Моисей“, то это не значить, что самъ Моисей сочинилъ его, а—что этотъ законъ данъ

*) См. всѣ эти доводы и въ „Библейскихъ чтеніяхъ о настоящей истинѣ“ № 20: „Два Закона“ и № 19: „Законъ Божій“.

Богомъ чрезъ Моисея. Въ доказательство того, что есть у Моисея свой законъ, ты приводишь слова Христа: „если въ субботу принимаетъ человѣкъ обрѣзаніе, чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ“... (Іоан. 7, 23). Но здѣсь за буквой Писанія ты проглядѣлъ смыслъ его. Выше однимъ стихомъ Христосъ говоритъ: „Моисей далъ вамъ обрѣзаніе“... Значить ли это, что Моисей отъ себя установилъ обрѣзаніе? Нѣтъ, ибо обрѣзаніе было дано задолго до Моисея, и Самъ Христосъ сейчасъ же добавляетъ: „хотя оно не отъ Моисея, но отъ отцовъ“... Слѣдовательно, законъ объ обрѣзаніи отнюдь не сочиненъ Моисеемъ. Но почему же онъ названъ „Моисеевымъ“? Да потому, почему названъ законъ „отцовъ“. Известно, что обрѣзаніе впервые введено отцомъ Авраамомъ (Быт. 17 гл.). Но Авраамъ не самъ сочинилъ законъ объ обрѣзаніи, а чрезъ него Богъ передалъ людямъ этотъ Свой законъ, или завѣтъ (Быт. 17, 10—13). Посему, когда Спаситель говоритъ, что законъ объ обрѣзаніи „отъ отцовъ“, то это значитъ, что онъ данъ Богомъ чрезъ отцовъ. Точно такъ же, когда Христосъ назвалъ тотъ же законъ „Моисеевымъ“, то это значитъ, что законъ объ обрѣзаніи повторенъ Богомъ чрезъ Моисея, какъ и читаемъ объ этомъ въ книгѣ Левитъ; „и сказалъ Господь Моисею“ (12, 1—3)... Нѣтъ также основанийъ для отличія закона Божьяго отъ Моисеева и въ приведенной тобою выдержкѣ изъ 4 Цар. 21, 8. Вѣдь здѣсь не сказано, что Моисей заповѣдалъ израильтянамъ законъ отъ себя, какъ свой. Наоборотъ, Моисей названъ рабомъ Божиимъ, а рабъ творить волю не свою, а господина своего. Такъ что Моисей, если давалъ законъ, то не свой, а Божій. Посему въ книгѣ Паралипоменонъ, гдѣ приводится то же самое мѣсто, и сказано: „что Я заповѣдалъ имъ, по всему закону и уставамъ и повелѣніямъ, даннымъ рукою Моисея“ (2 кн. 33 гл. 8 ст.). Моисей былъ лишь посредникомъ въ дѣлѣ передачи словъ Божіихъ народу, а не законодателемъ, какъ о томъ говоритъ Самъ Богъ (Второзак. 18, 15—18). Вотъ почему и вся книга „Второзаконія“ называется Моисеемъ „заповѣдями, законами, законами и постановленіями“, которые *Самъ Богъ* далъ израильтянамъ во время завѣта съ ними на горѣ Хоривѣ, и въ землѣ Моавитской, и во время клятвеннаго договора съ ними (Второз. 28, 1. 58; 29, 1. 12; 31, 9. 19. 24—26). Вотъ почему въ этой „книгѣ закона“ (Второз. 31, 24—26) мы находимъ

и „книгу завѣта“, написанную Моисеемъ раньше, въ которую онъ занесъ слова завѣта на горѣ Хоривѣ и все то, что Богъ далъ чрезъ него израильтянамъ къ исполненію послѣ Хоривскаго завѣта до самой смерти Моисея (Исх. 24 гл. Второзак. 18, 15—18; 29, 1. 9. 12). Посему-то на „книгу закону“, написанную Моисеемъ, всегда смотрѣли, какъ на собраніе того, что Богъ заповѣдалъ Израилю (Неем. 8, 1) чрезъ Моисея и называли же не только „*книгою закона Моисеева*“, но еще иначе „*книгою закона Божія*“ (Неем. 8, 1. 8. 14. 18). Отсюда ясно, что нѣтъ никакихъ основаній къ отличенію закона Божьяго отъ закона Моисеева. У израильтянъ былъ одинъ законъ — это „*законъ Божій*“ (Неем. 8, 18), и въ составъ его входили и десять заповѣдей и все, что „далъ Господь чрезъ Моисея“ (Неем. 8, 14) и что Моисей записалъ въ своихъ книгахъ. Отъ себя Моисей, какъ пророкъ Божій, ничего не говорилъ, да и права такого не получалъ, ибо истинный пророкъ не долженъ говорить, отъ своего вымысла, а долженъ передавать „слова Божіи“ (Второз. 18. 18).

Теперь скажу въ частности. По твоимъ, Петръ, словамъ: Богъ, кромѣ десятословія, ничего не говорилъ и ничего не давалъ. Ты ссылаешься на книгу Второзаконія, гдѣ читаемъ: „слова сін (т.-е. десятословіе) изрекъ Господь ко всему собранію вашему (т.-е. собранію израильтянъ) на горѣ изъ среды огня, облика и мрака (и бури) громогласно и болѣе не говорилъ, и написалъ ихъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ и далъ ихъ мнѣ (т.-е. Моисею. См. Второзак. 5, 22)“. Но развѣ здѣсь сказано, что Богъ вовсе ничего и никому кромѣ десяти словъ не говорилъ? Нѣтъ, здѣсь только сказано, что Богъ *громогласно и ко всему собранію израильтянъ* болѣе десяти словъ не говорилъ. Весь остальное Свой законъ Богъ далъ уже чрезъ Моисея и такъ, что все собраніе израильтянъ не говорило съ Богомъ и не слышало Его голоса. Объ этомъ ясно говорилъ намъ то же Писаніе. Въ книгахъ: Исходъ и Второзаконіе читаемъ, что Господь началъ давать Свой Хоривскій завѣтъ народу израильскому громогласно, т.-е. громко, говоря лицомъ къ лицу со всѣмъ собраніемъ израильтянъ, такъ что израильтяне слышали голосъ Божій, хотя и стояли у горы. Въ то же время и Моисей, какъ посредникъ между израильтянами и Богомъ, пересказывалъ имъ слова Господни (Исх. 20, 1. 18. 19. Второз. 5, 4. 5. 22). Но израильтяне скоро

пришли въ ужасъ отъ видѣннаго и слышаннаго и настолько прониклись страхомъ предъ славою и величіемъ Бога, что сперва отступили и встали вдали, а затѣмъ обратились къ Моисею съ просьбой, говоря: „говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть... и что скажетъ тебѣ Господь, Богъ нашъ, пересказывай намъ, и мы будемъ слушать и исполнять“ (Исх. 20, 18. 19; Второз. 5, 27). Господь похвалилъ желаніе народа, такъ какъ увидѣлъ, что народъ убоялся Его, а это ручательствомъ за то, что израильтяне будутъ исполнять Его заповѣди (Исх. 29, 20; Второз. 5, 28, 29). Посему Онъ и повелѣваетъ Моисею: „скажи имъ (т.-е. народу): „возвратитесь въ шатры свои“, а ты здѣсь останься со Мною, и Я изреку тебѣ всѣ заповѣди и постановленія и законы, которымъ ты долженъ научить ихъ, чтобы они такъ поступали“... Это было послѣ того, какъ Господь изрекъ десятословіе (Второз. 5, 30. 31). Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣйствительно Господь громогласно и ко всему Израилю сказалъ только десять словъ, а затѣмъ, по просьбѣ самого Израиля, сталъ давать имъ всѣ остальные заповѣди, постановленія и законы уже въ бесѣдѣ съ однимъ Моисеемъ. Слѣдовательно, неправъ ты, Петръ, когда утверждаешь, что Богъ вообще ничего не говорилъ и не давалъ, кромѣ 10 заповѣдей. Самъ Богъ, давъ 10 заповѣдей, опять говоритъ Моисею: „и Я изреку тебѣ всѣ заповѣди, и постановленія, и законы“... Значить, десять заповѣдей составляютъ лишь частицу Божьяго закона. Важно еще и то, что Самъ Богъ не отдавалъ предпочтенія десяти заповѣдямъ предъ остальнымъ закономъ, даннымъ чрезъ Моисея, и говорилъ: „о, если бы сердце израильтянъ было таково, чтобы бояться Меня и соблюдать всѣ заповѣди Мои“ (Втор. 5, 29). Посему Моисей повелѣлъ народу не уклоняться отъ всего закона Божьяго, а не отъ однѣхъ только десяти заповѣдей. „ни направо, ни налѣво“ (Втор. 5, 32).

Ты, Петръ, еще сказалъ, что остальной законъ, кромѣ десятословія, появился тогда, когда израильтяне начали грѣшить противъ десяти заповѣдей, и что онъ представляетъ Собою лишь указаніе казней за преступленіе противъ десятословія и средствъ къ очищенію отъ этихъ преступленій. Но такъ ли? Израильтяне впервые у горы Синаи согрѣшили тѣмъ, что сдѣлали себѣ „литого тельца“ (Исх. 32). Однако, до этого

Моисей уже получилъ отъ Бога не только 10 заповѣдей, но и множество другихъ, записанныхъ имъ съ 20—31 главу кн. Исходъ. И если бы народъ не сдѣлалъ себѣ „тельца“, то Моисей и еще оставался бы на горѣ для полученія множества другихъ постановленій. Преступленіе израильтянъ лишь прервало бесѣду Моисея съ Богомъ, и Моисей, по повелѣнію Господа, наказавъ смертью многихъ израильтянъ за содѣянный ими грѣхъ, снова возвратился на гору, чтобы получить отъ Бога и остальные заповѣди и постановленія, отнюдь не вызванныя грѣхомъ израильтянъ, такъ какъ они и безъ этого грѣха были бы даны Моисею (Исх. 32—35 главы). И по содержанію своему всѣ законы, данные Богомъ чрезъ Моисея, отнюдь не представляютъ собою перечня казней за грѣхи противъ десяти заповѣдей и средствъ къ очищенію отъ этихъ грѣховъ. Достаточно вспомнить, что, напримѣръ, кровавыя жертвы имѣли значеніе самостоятельное, независимое отъ 10 заповѣдей, и преобразовательное, такъ какъ преобразовали Христа. Еврейская скинія также имѣла свое самостоятельное и преобразовательное значеніе! Да и множество другихъ законовъ, заповѣдей и постановленій „закона Божьяго“ отнюдь не находились въ зависимости отъ десягословія, такъ какъ и по содержанію своему и по формѣ представляли собою новыя, самостоятельныя, а не придаточныя или зависящія отъ существованія десяти заповѣдей предписанія. И Самъ Христосъ на вопросъ: „какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?“—указалъ не на десять заповѣдей, а на другія, на которыхъ утверждается весь законъ, слѣдовательно, и десягословіе (Мѣ. 22. 36—40; ср. Второз. 6, 5; Лев. 19, 18).

Тебя, Петръ, смущаетъ то обстоятельство, что Богъ Своимъ перстомъ написалъ на каменныхъ скрижаляхъ только десять заповѣдей, и отсюда ты выводимъ заключеніе, что, значить, только десять заповѣдей, какъ наибольшія, и нужны. Но я уже показалъ тебѣ, какія заповѣди наибольшія въ законѣ. Теперь добавлю, что Богъ записалъ Своимъ перстомъ на скрижаляхъ только десять заповѣдей не съ цѣлью показать, что эти заповѣди наибольшія и что онѣ только и нужны израильтянамъ, а съ цѣлью засвидѣтельствовать и всегда напоминать израильтянамъ, что на горѣ Хоривѣ они вступили чрезъ Моисея въ завѣтъ съ Самимъ Богомъ, такъ какъ первая десять словъ этого завѣта сами они лично слышали

отъ Бога. Посему евреи, смотря на скрижали, вспоминали, что весь законъ, данный имъ Моисеемъ, есть *законъ Божій*, такъ какъ нѣкогда они сами, боясь смерти, могли выслушать только десять словъ Божіихъ, а все остальное упросили Моисея выслушать отъ Бога и передать имъ для исполненія. И вотъ тотъ *великій страхъ предъ Богомъ*, который испытали израильтяне у горы Синай, постоянно напоминался имъ скрижалями, и это побуждало ихъ къ исполненію всего закона Моисеева, какъ даннаго Самимъ Богомъ. Вотъ для чего Богъ и далъ Моисею скрижали съ десятью словами, слышанными отъ Него лично всѣмъ собраніемъ израильтянъ: „*чтобы страхъ Его былъ предъ лицомъ вашимъ (израильтянъ), дабы вы не грѣшили... но чтобы боялись Его и соблюдали все заповѣди Его во все дни*“ (Исх. 20, 20; Второзак. 5, 29).

Если же у израильтянъ не было собственно Моисеева закона, а былъ только одинъ законъ — это „законъ Божій“, данный имъ Богомъ чрезъ Моисея, то и рѣчи не можетъ быть о томъ, что, молъ, изъ Ветхаго Завѣта нуженъ только „законъ Божій“, а Моисеевъ не нуженъ. Можно говорить только объ одномъ Ветхозавѣтномъ законѣ — это о „законѣ Божіемъ“. Но при этомъ необходимо помнить, что подъ „закономъ Божіимъ“ Ветхозавѣтное Писаніе разумѣетъ не одно только десятословіе, а, какъ я уже говорилъ, всѣ заповѣди, всѣ законы и всѣ постановленія, принятыя Моисеемъ отъ Бога. Посему ты, Петръ, глубоко неправъ, когда говоришь, что Моисеевъ законъ тебѣ не нуженъ, а Божій нуженъ. Въдъ Моисеева закона и нѣтъ, и то, что ты приписалъ Моисею,—принадлежитъ Богу. Такъ что выходитъ, что изъ Божьяго Ветхаго Закона или Завѣта ты произвольно множество заповѣдей и постановленій выбросилъ, а малую часть—десятословіе, принялъ. Ты вотъ сослался на кн. Второзаконія 4 гл. 2. 10. 13 ст., но развѣ тамъ рѣчь о строгомъ исполненіи только десяти заповѣдей? Нѣтъ! Самъ Моисей говоритъ, что онъ здѣсь разумѣетъ всѣ заповѣди, законы и постановленія, которыя передаетъ израильтянамъ, какъ Божіи (Второз. 4, 1. 2. 5. 13. 14. 5, 1. 31. 6. 1 и др.). Далѣе, ты сослался на слова Христа (Мѣ. 5, 17, 18; 19, 17). Но въ 5 главѣ ев. Матѣея Христосъ говоритъ опять-таки о всемъ законѣ, а не только о десяти заповѣдяхъ, и притомъ не только о законѣ, но и о пророкахъ... И въ 19 гл. Мѣ. Хри-

стось въ числѣ заповѣдей, необходимыхъ для соблюденія, указаль богатому юношѣ-еврею и такую, какой нѣтъ въ числѣ десяти („люби ближняго твоего, какъ самого себя“ — ст. 19, ср. Лев. 19, 18. Эту заповѣдь нельзя отождествлять съ десятою заповѣдью), и еще совѣтъ новыя для израильтянъ, но необходимыя для того, чтобы быть „совершеннымъ“ (Мѣ. 19, 21). Вообще же на это мѣсто нельзя ссылаться, какъ на такое, въ которомъ Христось перечислилъ якобы *всѣ заповѣди*, необходимыя для спасенія, потому что здѣсь Христось не привелъ даже всѣхъ заповѣдей десятословія. Но изъ этого странно было бы заключить, что для богатаго юноши и вообще для израильтянина неупомянутыя въ данномъ мѣстѣ заповѣди десятословія не были нужны. Также странно было бы думать, что и „первая и наибольшая заповѣдь въ законѣ“ (Мѣ. 22, 38), о которой Христось въ томъ же мѣстѣ (Мѣ. 19, 17—19) умолчалъ, тоже для богатаго юноши не была нужна. Необходимо судить объ отношеніи Христа къ древнему закону не по отрывкамъ изъ Св. Писанія, а полностью, т.-е. на основаніи всего Писанія, и тогда мы увидимъ, что во время Своей земной жизни Христось соблюдалъ весь законъ и пророковъ (Мѣ. 5, 17—18). Что же касается приведенныхъ тобою, Петръ, мѣстъ изъ посланій апостоловъ Іоанна (1 п. 5, 3) и Іакова (1, 8—12), то Ап. Іоаннъ въ данномъ мѣстѣ подъ „заповѣдями Бога“ разумѣеть не десятословіе, а, какъ онъ самъ говоритъ: „заповѣди Его (т.-е. Бога Отца), чтобы мы вѣровали во имя Сына его Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ“... (1 Іоан. 5. 3 ср. 3, 22—24; ср. Ев. Іоан. 15, 10—14). Апостоль же Іаковъ въ приведенномъ тобою мѣстѣ говоритъ о всемъ древнемъ Законѣ Божьемъ, а не объ одномъ десятословіи (см. Іак. 2, 10; 9 ст. сравн. Лев. 19, 15).

Изъ сказаннаго мною ясно, что если ты, Петръ, принимаешь *букву* десятословія на томъ основаніи, что десятословіе „Законъ Божій“, то принимай и весь ветхій Законъ или Завѣтъ со всѣми его „заповѣдями, постановленіями и словами“, такъ какъ все это также „Законъ Божій“. Но если ты говоришь, что не подъ Закономъ живешь, а подъ благодатью Христовой, и что ты умеръ для Закона Тѣломъ Христовымъ и освобожденъ отъ клятвы Закона, то тогда сбрось съ себя иго Ветхаго Закона до послѣдней его буквы, потому, что, на-

рушая даже одно слово этого закона, ты несешь отвѣтственность уже противъ всего закона и, какъ неисполняющій всѣхъ его предписаній, подлежишь клятвѣ закона (Іак. 2, 8—12; Галат. 3, 10). Вспомни, какъ самъ великій апостолъ Павелъ, говоря о свободѣ христіанъ отъ всего Вѣтнаго Закона, въ то же время въ частности о десятословіи писалъ, что скрижали каменные намъ теперь не нужны, такъ какъ на нихъ были написаны смертныя буквы, доставившія израильтянамъ лишь осужденіе. Если это „служеніе осужденія“, или „служеніе смертоноснымъ буквамъ“ и было славно, то лишь въ свое время, пока не пришло „служеніе оправданія“, т. е. служеніе „письму Христову, написанному не чернилами, а Духомъ Бога Живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ, скрижаляхъ сердца“. Предъ этимъ новымъ служеніемъ прежнее даже не оказывается славнымъ. Мы—христіане, и потому должны полностью отбросить „преходящее“ и принять „пребывающее“, т. е. Христово служеніе (2 Коринѳ. 3, 1—11). Христосъ же далъ намъ служеніе „не буквы“ древняго закона Божьяго, но духа, какъ о томъ и было предсказано въ Вѣтхѣмъ Завѣтѣ Богомъ и Его пророками. (Второзак. 18, 15—18; Іерем. 31, 31—33). Посему-то мы и считаемся состоящими въ Новомъ Завѣтѣ съ Богомъ.

— Все это хорошо, — отвѣчалъ подавленнымъ голосомъ Петръ, — да только мнѣ кажется, что *Самъ Христосъ строго исполнялъ букву десятословія* и намъ то же повелѣлъ. Объ этомъ говорится у Ев. Матѳея, — вотъ прочтите-ка главу 5-ю, со стиха 21-го...

Я прочелъ и затѣмъ спросилъ: — ну, такъ какъ же, Петръ, — Христосъ здѣсь отмѣняетъ букву десяти заповѣдей, или сохраняетъ ее въ точности?

— Да, правду сказать, онъ какъ-будто отмѣняетъ — съ изумленіемъ отвѣчалъ Петръ.

— Вотъ видишь, — продолжалъ я, — Самъ Христосъ говорить: — древнимъ сказано одно, а Я говорю вамъ другое, и это не только по отношенію къ десятословію, но и ко многимъ другимъ заповѣдямъ древняго закона. И тотъ законъ или тѣ заповѣди, которыя Богъ далъ намъ чрезъ Христа (Второзак. 18, 18, Іоан. 3, 34—35; 12, 49; 14, 24; 17, 8). настолько выше заповѣдей, данныхъ чрезъ Моисея, насколько Христосъ больше Моисея. Посему Ап. Павелъ и говоритъ,

что данныя чрезъ Моисея скрижали, съ написанными на нихъ смертными буквами, теперь, когда мы имѣемъ письмо Христово, даже не оказываются славными и какъ временныя („преходящее“) должны уступить мѣсто новымъ и вѣчнымъ заповѣдямъ Христа (2 Коринѳ. 3, 1—11). Какъ же ты, Петръ, рѣшаешься, вопреки Писанію, вливать новое или „молодое вино“ (ученіе Христа) въ „мѣхи ветхіе“ (въ букву каменныхъ скрижалей), или для тебя эти мѣхи дороже Христовыхъ, или ты забылъ, что молодого вина не сбережешь въ ветхихъ мѣхахъ?!

Петръ, понурия голову, молчалъ. Видно было, что какая-то темная сила толкнула его и закабалила въ сектъ...

— А знаешь ли, Петръ, что и *самъ ты не исполняешь буквы десяти заповѣдей*?—снова я спросилъ его.

Петръ встрепенулся и какъ-то нехотя сказалъ: „какъ такъ“?!

— Да очень просто: вѣдь вы думаете, что ваши дѣти рождаются святыми и не отвѣчаютъ за вину отцовъ, а во второй заповѣди читаемъ: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода“ (Исх. 20, 5, сравн. 34, 7)!... Далѣе, вы отрицаете всякую клятву именемъ Божиимъ, а третья заповѣдь запрещаетъ лишь напрасную клятву, когда клянутся именемъ Бога во лжи (Исх. 20, 7. сравн. Лев. 19, 12)... Такимъ образомъ, не только Св. Писаніе свидѣтельствуетъ противъ тебя и твоихъ единомышленниковъ, но и сами вы ясно обличаете себя во лжи.

— Итакъ, Петръ, ты уже долженъ былъ признать, что всѣ приведенныя тобою доселѣ основанія въ защиту празенованія субботы весьма ошибочны: во-первыхъ, потому что Самъ Богъ не давалъ людямъ *въ раю* заповѣди праздновать седьмой, или субботній день; во-2-хъ, потому что Св. Писаніе рѣшительно отвергаетъ сдѣланное тобою различіе между „заповѣдями и закономъ“, или между „двумя законами“, на каковомъ различіи ты пытался построить свою защиту соблюденія буквы десятословія и собственно заповѣди о субботѣ; наконецъ, потому что Самъ Христосъ и апостолы, вопреки твоему заявленію, не только не исполняли буквы десятословія, но прямо отвергали ее, какъ смертоносную. И самъ ты своимъ ученіемъ по другимъ вопросамъ, о чемъ я уже

говорилъ, отмѣняешь букву каменныхъ скрижалей и тѣмъ обличаешь самого себя. Посему я опять спрошу тебя: *на какомъ же основаніи ты все-таки упорно стоишь за субботу?*

— *б) Петръ* встрепнулся и, видимо, удрученный, отвѣчалъ:—пусть я не правъ въ томъ, что говорилъ доселѣ. Но все же я буду праздновать субботу, потому что желаю соблюсти **прямое повелѣніе 4-ой заповѣди**: „помни день субботній, чтобы святить его“ (Исх. 20. 8). Я теперь привожу въ защиту субботы только эту заповѣдь и посему прошу васъ вести рѣчь только объ этой же заповѣди...

— Похвально, Петръ, что ты призналъ свои прежнія доказательства непригодными. Я охотно исполню и новое твое желаніе и остановлюсь на разборѣ только 4-ой заповѣди.

Скажи, Петръ: не давалъ ли Богъ Моисею повелѣнія праздновать субботу *раньше* 4-ой заповѣди десятословія?

Петръ. Давалъ; вы и сами объ этомъ намекнули, и я не спорю теперь...

— Да и трудно спорить, такъ какъ въ книгѣ Исходъ ясно сказано, что сказалъ впервые Моисей именно въ пустынѣ Синъ еврейскому народу: „вотъ что сказалъ Господь: „завтра покой, святая суббота Господня... смотрите, Господь далъ вамъ субботу... Оставайтесь каждый у себя въ домъ своемъ, никто не выходи отъ мѣста своего въ седьмый день. И *покоился* народъ въ седьмый день“... (Исх. 16, 4. 5. 22—30. ср. Неем. 9, 14). Послѣ эта заповѣдь вскорѣ была повторена въ десятословіи. Съ этого времени „суббота Господня“, т.-е. суббота, освящаемая только Господомъ, получаетъ новое названіе: „суббота *Господу Богу твоему*“, т.-е. суббота посвящаемая и народомъ еврейскимъ Господу Богу (ср. Исх. 16, 23. 29. 20, 10). Въ *память* же чего Богъ повелѣлъ еврейскому народу святить день субботній?

— Да ужъ вы говорите сами, а я послушаю, — отвѣчалъ Пестряковъ.

— Мы знаемъ, Петръ, что когда *Самъ Богъ* почилъ въ день седьмый, то для *Него* седьмый день былъ днемъ покоя отъ дѣлъ творенія міра (Быт. 2, 2. 3). Но отъ чего почилъ *еврейскій народъ* и какой покой *ему* напоминала суббота? „А день седьмый суббота Господу Богу твоему, говорилъ Моисей народу... *помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетъ*...

ской, но Господь Богъ твой вывелъ тебя оттуда рукою крѣпкою и мышцею высокою, потому и повелѣлъ тебѣ Господь, Богъ твой, соблюдать день субботный“ (Второзак. 5, 12—15)... Итакъ, Богъ повелѣлъ еврейскому народу праздновать субботу, въ память избавленія египетскаго рабства, и суббота означала для евреевъ собственно покой отъ этого рабства (ср. Іезек. 20 гл.). Вотъ почему еврейскій народъ впервые „покоился въ седьмой день“ (Исх. 16, 30), лишь по выходѣ изъ Египта. Въ то же время, по словамъ Господа къ Моисею, суббота была *видимымъ знаменіемъ завѣта*, заключеннаго между Богомъ и народомъ еврейскимъ: „и пусть хранятъ сыны Израилевы субботу, празднуя субботу въ роды свои, какъ завѣтъ вѣчный; это знаменіе между Мною и сынами Израилевыми навѣки... Я далъ имъ субботы, чтобъ онѣ были *знаменіемъ* между Мною и ими (Исх. 31, 16 — 17; Іезек. 20, 12 — 13)... Такъ, „радуга въ облакахъ“ явилась при Ноѣ „знаменіемъ завѣта“, что уже не будетъ потопа въ опустошеніе земли. Такъ „обрѣзаніе“ было „знаменіемъ завѣта“ между Богомъ и Авраамомъ.

Но если суббота была дана только еврейскому народу („въ роды свои“... между Мною и сынами Израилевыми“)...., если она означала для этого народа только покой отъ египетскаго рабства и служила знаменіемъ завѣта между Богомъ и избавленнымъ народомъ, то является вопросъ: для чего же намъ праздновать субботу, когда мы, чуждые плотскаго родства съ выведеннымъ изъ египетскаго рабства еврейскимъ народомъ, ни въ рабствѣ у египтянъ не были и посему въ покоѣ (т.-е. субботахъ) отъ этого рабства не нуждаемся; ни въ завѣтѣ, заключенномъ между Богомъ и освобожденнымъ отъ рабства израильскимъ народомъ, не состоимъ, такъ какъ вступили въ „Новый Завѣтъ“ съ Богомъ, утвержденный на лучшихъ обѣтованіяхъ и имѣющій Ходатаемъ Христа (Евр. 8, 6—13)?!. На этомъ-то послѣднемъ основаніи мы особенно должны отвергнуть печать или знаменіе „перваго“ или стараго завѣта—суббота. А если кто пожелаетъ хранить это знаменіе, тотъ долженъ принять и весь Ветхій Завѣтъ и тѣмъ отречься отъ Ходатая Новаго Завѣта—Христа (Евр. 3, 3—6; 8, 6; 9, 15). Вѣдь нужно же, Петръ, признать одно изъ двухъ: или ты состоишь въ *старомъ* завѣтѣ съ Богомъ и посему хранишь и печать этого завѣта—субботу, или же, если считаешь себя служителемъ „новаго завѣта“,—долженъ

открыто и рѣшительно отвергнуть знаменіе ветхаго завѣта. Иначе всѣ твои увѣренія въ вѣрности „новому завѣту“ будутъ только пустыми, ничего незначащими словами, или даже маскою, скрываясь подъ которою, ты стараешься удобнѣе перевести въ ветхій завѣтъ и другихъ, слабыхъ въ своемъ упованіи. Согласись еще и съ тѣмъ, что *одна* печать или знаменіе безъ того, что оно знаменуетъ, не имѣетъ никакого смысла; напримѣръ: какой смыслъ имѣетъ обрѣзаніе безъ завѣта Бога съ Авраамомъ, который оно знаменуетъ? какой смыслъ имѣетъ и суббота безъ завѣта Бога съ выведеннымъ изъ Египта еврейскимъ народомъ, когда именно въ знаменіе этого завѣта она и установлена?

Петръ изумленно посмотрѣлъ на меня и нерѣшительно проговорилъ: — да вѣдь я не отрицаю, „новаго завѣта“, а если и храню субботу, *то по заповѣди*...

— Но вѣдь я уже ясно раскрылъ тебѣ, Петръ, что въ 4-ю заповѣдь занесена та суббота, которая была знаменіемъ *старо*го завѣта и означала лишь покой евреевъ отъ рабства. Съ этимъ ты и согласился, а по сему пора тебѣ бросить упорство и прямо заявить, что для христіанъ, вступившихъ въ „новый завѣтъ“ съ Богомъ, суббота не нужна. Иначе выходитъ, что на словахъ ты стоишь за „новый завѣтъ“, а на дѣлѣ держишься „ветхаго“ и Моисея предпочитаешь Христу, вопреки ученію ап. Павла (Евр. 8, 6—13).

— Субботы я не брошу и, какъ сказано въ 4-ой заповѣди, такъ и буду праздновать ее *по заповѣди*, — съ отчаяніемъ проговорилъ Петръ.

— Вотъ ты, Петръ, все время твердишь одно, но отъ Писанія въ свою пользу ничего не приводишь. Теперь намъ ясно, что ты празднуешь субботу, потому что ветхій завѣтъ предпочитаешь новому. Но мы, какъ истинные христіане, должны ставить Христа выше Моисея и посему, принявъ „новый завѣтъ“, должны отложить ветхій съ его печатью—субботой. И Писаніе намъ ясно говорить, что обѣтованіе о спасеніи принадлежитъ лишь служителямъ „новаго завѣта“, а не служителямъ смертоносныхъ буквъ, начертанныхъ на каменныхъ скрижаляхъ (Евр. 9, 15; 2 Коринт. 3, 2—11).

— в) — Да и откуда ты, Петрѣ, взялъ, что **празднуешь субботу по заповѣди?!.** Неужели ты убѣжденъ, что *празднуешь ту субботу, которую далъ Богъ сынамъ израилевымъ* и которую израильтяне должны были помнить, согласно повелѣнію 4-ой заповѣди десятословія?!

— А то какъ же?!. Конечно, я праздную субботу, данную *Богомъ* израильтянамъ,—и праздную ее **по заповѣди**, также данной *Богомъ* чрезъ Моисея,—убѣжденно и съ удивленіемъ отвѣчалъ Петрѣ.

— А я, Петрѣ, думаю, что *ты сочинилъ себѣ свою субботу и ложно прикрываешься именемъ Бога и опираешься на Моисея*; такъ что ты являешься преступникомъ уже не только „новаго завѣта“, но и „ветхаго“!..

— Да откуда же это видно?! — изумленно спросилъ Петрѣ.

— Видно это изъ того, что ты *не такъ празднуешь субботу, какъ повелѣли праздновать ее Моисей и пророки*,—отвѣчалъ я.

— А я думаю, что такъ, и ни въ чемъ не погрѣшаю противъ Писанія.—настаивалъ Петрѣ.

— Сейчасъ посмотримъ, Петрѣ. „Помни день субботній, говоритъ Писаніе евреямъ, чтобы святить его; шесть дней работай и дѣлай въ нихъ всякія дѣла твои, а день седьмой—суббота Господу-Богу твоему: *не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни (волъ твой, ни оселъ твой, ни всякій) скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ*“ (Исх. 20, 8—10, Іезек. 17—24). Завтра покой, святая суббота Господня: *что надобно печь, пекуте, и что надобно варить, варите сегодня* (Исх. 16, 23)... *Не зажигайте огня во всѣхъ жилищахъ вашихъ въ день субботы* (Исх. 35, 3)... *Не собирайте дровъ* (Числ. 15, 32—33)... *Не продавайте и не покупайте* (Неем. 10, 31; 13, 15—22); *не носите ношъ въ день субботній* (Іерем. 17, 21—27)*).

*) Иногда сектанты стараются все мѣста о субботѣ, обличающія ихъ лжеученіе, примѣнить не къ „субботѣ Господней“, т.-е. не къ седьмому дню въ каждой недѣлѣ, а къ субботѣ, какъ вообще къ *празднику* (Лев. 23; 24—32). Но во всѣхъ такихъ случаяхъ необходимо разобрать каждое мѣсто въ контекстѣ рѣчи и снести его съ другими, такими же мѣстами, и тогда ложь сектантовъ ясно обнаружится.

Вотъ какъ проводили субботу евреи по закону Моисея и пророковъ. Въ субботу отдыхалъ не только еврей, но и всѣ иноплеменники, которые жили въ его домѣ, и весь скотъ его... А у васъ, Петръ, и сами вы житейскія дѣла дѣлаете въ субботу, и работники ваши, а скотъ вашъ лишены покоя. И варите, и печете вы въ субботу, и огни зажигаете, и дрова собираете, и продаете, и покупаете, и всякія ноши носите... Какъ же теперь ты хвалишься, что празднуешь субботу по Писанію?!

Петръ возразилъ, было, что ничего такого у нихъ не дѣлается въ субботу, но тотчасъ умолкъ, подавленный массою примѣровъ, обличившихъ ложь его возраженія.

— Гдѣ же у васъ исполняется заповѣдь о субботѣ?— снова спросилъ я Петра.—Вѣдь, кромѣ указаннаго мною, евреи въ каждую субботу и притомъ въ храмы (Второз. 12 гл. 13—14 ст.) должны были приносить особыя, сверхъ постоянныхъ, жертвы: всесоженія, хлѣбныя приношенія и возліянія (Числ. 28 гл. 9—10 ст.), а также и устраивать въ каждую субботу особыя священныя собранія (Лев. 23, 2—3)!.. Гдѣ же у васъ эти жертвы? Да и какъ вы можете приносить ихъ, когда и самое мѣсто ихъ приношенія—храмъ вы отвергли? Вотъ и выходить, что отъ „новаго завѣта“ вы отстали и къ „ветхому“ не пристали, а остановились на полдорогѣ, на распуты... Жаль только, что, будучи сами упорно слѣпыми, вы и другихъ тащите на то же распутье...

Теперь намъ ясно, что наши субботники *сочинили себѣ свою субботу* и тѣмъ самымъ осквернили субботу законную, о которой говорится въ 4-й заповѣди десятословія. А всякій, кто осквернитъ субботу, по повелѣнію Бога Моисею, долженъ быть преданъ смерти (Исх. 31, 14—15). Намъ, христіанамъ, суббота вовсе не нужна, поэтому мы и кары за ея нарушеніе или отмѣну не боимся, а вотъ Петръ и другіе субботники приняли субботу и во всемъ ее оскверняютъ, а посему они и должны всѣ другъ друга предать смерти. Вотъ до чего довели себя сами субботники!..

3) — Пусть у насъ *своя* суббота,—снова оживленно заговорилъ Пестряковъ,—пусть мы нарушали субботу законную, пусть за это нарушеніе мы подлежимъ тяжелому наказанію: Но вы-то зачѣмъ не празднуете субботы законной, когда она

дана Богомъ на вѣчныя времена? Вѣдь въ Писаніи ясно сказано: пусть хранятъ сыны Израилевы субботу, праздную субботу въ роды свои, какъ *завѣтъ вѣчный*; это—знаменіе между Мною и сынами Израилевыми *на вѣки*... (Исх. 31, 16—17).

— Вотъ прекрасно, Петръ, что ты призналъ свою субботу не законной, а самочинной, и согласился съ тѣмъ, что всякій, кто будетъ праздновать выдуманную вами субботу, подлежитъ по заповѣди Господней смерти. Слѣдовательно, какъ ты, такъ и твои единомышленники обязательно должны бросить празднованіе субботы, а иначе вы явитесь сознательными противниками Господа Бога, коварно ведущими и другихъ къ гибели.

Ты спрашиваешь, почему мы не празднуемъ законной субботы, когда она установлена на вѣчныя времена? На это я тебѣ отвѣчу: не разумѣешь, что читаешь. Вѣдь въ приведенномъ тобою мѣстѣ изъ книги Исходъ ясно говорится, что суббота являлась знаменіемъ *завѣта вѣчнаго* или *на вѣки* только между Богомъ и *сынами Израилевыми*, которые и должны были праздновать субботу *въ роды свои*. И мы видимъ, что Господь *съ своей стороны* не нарушалъ завѣта, заключеннаго съ освобожденнымъ изъ египетскаго рабства домою Израилевымъ, и всегда готовъ былъ хранить его и знаменіе этого завѣта—субботу *вѣчно* (Іерем. 31, 32). Но израильтяне сами нарушили этотъ завѣтъ (Іерем. 31, 32), и посему Господь чрезъ пророка Іеремию возвѣстилъ непокорному народу: „вотъ наступаютъ дни, когда Я заключу съ домою Израиля и съ домою Іуды *новый завѣтъ*;—не такой *завѣтъ*, какой Я заключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской; тотъ завѣтъ Мой они нарушили, хотя Я оставался въ союзѣ съ ними. Но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домою Израилевымъ *послѣ тѣхъ дней*: вложу законъ Мой во внутренность ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу его, и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ“ (Іерем. 31—33)*).

*) „Новый“ *духовный* завѣтъ и заключенъ былъ съ *духовнымъ* Израилемъ, съ *духовными* дѣтьми Авраама, подъ которыми разумѣются всѣ увѣровавшіе во Христа (Римл. 2, 28—29; 4, 11—17; Галат. 3, 7, 14—29; 4, 22—31).

Теперь я спрашиваю тебя, Петръ наступили ли уже обѣщанные Богомъ дни „новаго завѣта“, или еще царить „ветхій завѣтъ?“

Видимо, наступили,—боязливо отвѣчалъ Петръ, чуя, куда ведетъ его отвѣтъ...

— Да, наступили со временъ Христа, какъ свидѣтельствуемъ намъ ап. Павелъ (Евр. 8, 7—13),—рѣшительно подчеркнул я.—Слѣдовательно, *нужна ли намъ суббота*, какъ „завѣтъ вѣчный“, нарушенный плотскимъ израилемъ и Богомъ отмѣненный? *Нужно ли намъ знаменіе ветхаго завѣта, знаменіе плотское—суббота*, когда Самъ Богъ уничтожилъ его вмѣстѣ съ старымъ завѣтомъ и „новый завѣтъ“ начерталъ на новомъ знаменіи—на внутренностяхъ и сердцѣ чловѣка? Обрѣзаніе больше субботы, но и оно отмѣнено, хотя также давалось въ „завѣтъ вѣчный“.

4) Петръ замылся и что-то тихо бормоталъ. Наконецъ, послѣ настойчиваго предложенія отвѣчать на поставленный вопросъ, заговорилъ:

— Да оно, какъ вы поясняете, суббота въ новомъ завѣтѣ не нужна; **а какъ прочитаешь пророковъ, то выходитъ, что и въ новомъ завѣтѣ должно праздновать субботу.**

Я попросилъ Петра привести мнѣ изъ Писанія смутившія его пророчества ¹⁾.

Петръ съ усердіемъ прочелъ изъ кн. прор. Исаіи 56, 1—8, 58, 13—14 и 66, 22—23...—Вотъ видите,—заключилъ онъ,—не только евреи, но и иноплеменники и евнухи, присоединившіеся къ Господу, должны праздновать субботу и называть ее „святымъ днемъ Господнимъ“, и всегда, каждую субботу, должны поклоняться Господу. Мы, — продолжалъ Петръ,—не евреи, но потомки иноплеменниковъ и присоединились ко Христу, а посему и должны, по заповѣди пр. Исаіи, каждую субботу устраивать молитвенныя собранія Господу. Такъ у насъ и дѣлается.

— Но позволь, Петръ,—возразилъ я. Развѣ пр. Исаія говоритъ о *новозавѣтныхъ* иноплеменникахъ и евнухахъ, что ты примѣнилъ его слова къ себѣ?!

¹⁾ Нижеприведенныя пророчества цитируются въ защиту субботы и въ „Библейск. чтеніяхъ“ №№ 22 и 24, а равно и въ другихъ адвентистскихъ изданіяхъ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ Петръ.

— Прочти внимательнѣй и ты увидишь, что пр. Исаія говорить о *ветхозавѣтныхъ* временахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это по ветхому завѣту евнухъ и иноплеменникъ, но не каждый, не могли войти въ общество Господне или въ среду народа израильскаго (сравн. Исаіи 56, 3, Второз. 23, 1—8), хотя бы и увѣровали въ Бога и соблюдали заповѣди Его. Что здѣсь рѣчь идетъ о *ветхозавѣтныхъ* временахъ,— видно изъ того, что евнухи и иноплеменники молятся въ еврейскомъ храмѣ и приносятъ еврейскія жертвы и всесоженія, которыя по закону должны были приноситься постоянно и еще въ особомъ видѣ каждую субботу (ср. Исаія 56, 6—7; Числ. 28, 9—10). Да, наконецъ, вѣдь это еврейская суббота состояла въ полномъ покоѣ отъ обычныхъ дѣлъ (ср. Исаія 58, 13. Исх. 20, 10); это въ ветхомъ завѣтѣ каждую субботу устраивали особыя священныя собранія и каждую субботу съ особыми жертвами ходили въ храмъ на поклоненіе Богу Саваоу (сравн. Исаія 66, 23. Числ. 28, 10. Лев. 23, 3. Второз. 12, 5, 11, 14, 26—27). Значить, если пр. Исаія говорить объ иноплеменникахъ и евнухахъ, твердо державшихся завѣта Господня (56, 6), то это завѣта *ветхаго*, конецъ которому еще не наступилъ въ то время. Но теперь, когда давно уже наступили дни „новаго завѣта“, въ который Христосъ призвалъ всѣхъ людей, а не только по плоти евреевъ, когда для самихъ евреевъ уничтоженъ Богомъ ветхій завѣтъ съ его знаменіемъ—субботою, *какъ можешь ты, Петръ, возлагать на иноплеменниковъ иго ветхаго завѣта?!*

Петръ молчалъ, и потъ обильными каплями струился по его лицу.

— Вѣдь ты вотъ сослался на пр. Исаію, а тамъ и оказалось то же, о чемъ я тебѣ говорилъ, т.-е.: если хочешь поступать по примѣру названныхъ тобою иноплеменниковъ, то брось свою самочинную субботу и исполняй законъ Моисея. А то ты свою волю поставилъ выше и заповѣдей ветхаго завѣта, и повелѣній Ходатая Новаго Завѣта—Христа. Но при этомъ помни, что теперь въ Моисеѣ нѣтъ спасенія, такъ какъ уже наступили дни „новаго завѣта“, и что только Кровью этого завѣта или Кровью Христа мы спасаемся (Евр. 9 и 10 гл.)...

— 5) — Да и мы желаемъ спастись только Кровью Христа, — снова заговорилъ Петръ. — По этой причинѣ мы и слѣдуемъ за Христомъ. **Самъ же Христосъ не только не отмѣнялъ и не нарушалъ субботы, но постоянно соблюдалъ, праздновалъ и чтилъ ее.** Такъ, Онъ по обыкновенію Своему ходилъ въ день субботній въ синагогу и тамъ читалъ Св. Писаніе и поучалъ народъ (Марк. 6, 2; Лук. 4, 16): училъ, что въ субботы можно дѣлать добро (Мѡ. 12, 12), и заботился о сохраненіи субботняго покоя, когда говорилъ ученикамъ: „молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою, или въ субботу“ (Матѡ. 24, 20). Такъ и мы, по примѣру Христа, хранимъ субботній покой и проводимъ его въ чтеніи Слова Божія и наставленіи другъ друга.

— Но зачѣмъ ты, Петръ, ссылаешься на примѣръ Христа, — возразилъ я, — когда въ приведенныхъ тобою мѣстахъ Евангелисты говорятъ о субботѣ еврейской, законной, а не о твоей, самочинной?! Значитъ, твоя-то суббота тутъ опять не при чемъ... Сверхъ того, ты неправильно и понялъ Евангелистовъ. Изъ того, что Христосъ ходилъ въ субботы въ синагогу и тамъ читалъ Писаніе и поучалъ народъ, также нельзя сдѣлать заключенія, что и христіане должны праздновать субботу, какъ нельзя вмѣнить въ обязанность и христіанамъ ходить въ еврейскую синагогу. Если Христосъ и праздновалъ субботу вмѣстѣ съ іудеями и притомъ по закону Моисея, то не для того, чтобы и христіанамъ дать для освященія ту же субботу, а только для того, чтобы подчиниться закону и тѣмъ искупить отъ клятвы закона подзаконныхъ (Гал. 4, 4—5). По этой-то причинѣ Христосъ соблюдалъ не только субботу, но и весь ветхозавѣтный законъ, которому и положилъ конецъ Своею смертію (Гал. 3, 10, 13, 22; Римл. 7, 4—6). Съ этого времени христіане находятся уже не подъ закономъ, а подъ благодатію Христовою. Отсюда видно, что сдѣланная тобою, Петръ, ссылка на примѣръ Христа не только ошибочна, но и гибельна, такъ какъ необходимо ведетъ къ принятію и обрѣзанія, и вообще всего Моисеева закона.

Ты говоришь: Христосъ училъ дѣлать въ субботы добро и отсюда заключаешь, что нужно праздновать субботу. Но я спрошу: а развѣ Христосъ училъ въ остальные дни недѣли дѣлать зло? Конечно, и ты отвѣтишь; нѣтъ!.. А тогда-то, по твоему размышлеңію, и выйдетъ, что нужно праздновать не

только субботу, но и всю недѣлю. Очевидно, приведенное тобою изъ Ев. Матѳея (12, 12) мѣсто имѣетъ цѣлью не узаконить празднованія субботы для христіанъ, а только обличить пониманіе субботняго покоя, какъ полной бездѣятельности.

То же должно сказать и о твоей, Петрѣ, ссылкѣ на Ев. Матѳ. 24, 20. И здѣсь нѣтъ никакого намека на необходимость празднованія субботы для христіанъ. Вѣдь тогда пришлось бы чествовать и „зиму“!.. Христосъ же данными словами выразилъ только ту мысль, чтобы бѣгство не случилось въ тяжелую зимнюю пору, или въ скоромъ времени, когда еще не насталъ конецъ субботы, какъ и всего еврейскаго закона. Такъ оно и случилось, ибо Іерусалимъ былъ разоренъ послѣ смерти Христа, т.-е. когда произошла уже кончина закона, а съ нимъ и субботы (Римл. 7, 4—6; 10, 4).

Но если Христосъ, какъ „подзаконный“, соблюдалъ субботу, то Онъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ показать наступающій уже конецъ субботы, рѣзко *нарушалъ ее и совершенно отмѣнялъ законную субботу*. Въ самомъ дѣлѣ, хотя суббота и была дана *для евреевъ* (Исх. 16, 29), но такъ, что не еврей господствовалъ надъ субботою, а суббота была господиномъ еврея и давила его непосильнымъ бременемъ. Всякій, кто сталъ бы дѣлать въ субботу *какое-нибудь дѣло*, подлежалъ смерти (Исх. 20, 10, 31, 14—15; Іерем. 17, 21—27). И выходило, что человѣкъ для субботы, а не суббота для человѣка. Когда Христосъ сказалъ: „можно въ субботу дѣлать добро“ (Мѳ. 12, 12), то это было уже нарушеніемъ законнаго обычая чествовать субботу полной безработицей. И если можно было въ субботу Христу исцѣлить сухорукаго, слѣпорожденнаго, разслабленнаго ¹⁾ и др., то еврею, на основаніи требованій закона, ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было сдѣлать какого-либо дѣла, хотя бы и добраго, на пользу себѣ или ближнему (сравн. Исх. 20, 10, 31, 14—15; Іерем. 17, 21—27; Числ. 15, 32—33; Неем. 10, 31; 13, 15—22). Но еще сильнѣе сказалось отверженіе Христомъ законной субботы, когда Онъ оправдалъ нарушеніе ея Своими учениками (Мѳ. 12, 1—7)

¹⁾ Замѣчательно, что, исцѣляя разслабленнаго, Христосъ сказалъ ему: „встань, возьми постель твою и ходи“ (Іоан. 5, 8). Между тѣмъ такое повелѣніе явно противорѣчило прямому предписанію закона „не носить ношъ“... (Іерем. 17. 21—22).

и затѣмъ прямо заявилъ: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы; посему Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы“ (Марк. 2, 27—28). Здѣсь уже ясно указана Христомъ власть Его надъ субботою, какъ Господина надъ работою, и въ этой власти кроется разъясненіе безнаказанности для учениковъ Христовыхъ нарушенія субботы. Да и какъ было наказывать за нарушеніе субботы по закону, когда приближалась полная кончина и самаго закона! И только слѣпые враги Христа, іудеи, искали убить Его за то, что Онъ „нарушалъ субботу“ (Іоан. 5, 16—18 ст.)!

— — —

— 6) — Хорошо,—нервно заговорилъ Петръ.—Но вѣдь и *послѣ смерти Христа его преемники праздновали субботу*. Въ Евангеліи отъ Луки читаемъ, что женщины, пришедшія съ Иисусомъ изъ Галилеи, возвратившись отъ гроба Господня, приготовили въ пятницу благовонія и масти, а „въ субботу остались въ покоѣ по заповѣди“ (23, 54—56). Особенно же ясно говоритъ Писаніе о томъ, что самъ великій Апостолъ Павелъ, будучи уже христіаниномъ, попрежнему освящалъ субботу. Такъ, работая въ теченіе шести дней недѣли, онъ „во всякую субботу говорилъ въ синагогѣ и убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ“ (Дѣян. 18, 3—4). Даже христіанъ изъ язычниковъ, а не изъ однихъ только іудеевъ, онъ примѣромъ своимъ побуждалъ чтить субботній покой, когда и имъ проповѣдывалъ Слово Божіе въ субботы. Видя это, язычники и сами просили Ап. Павла говорить имъ по субботамъ (Дѣян. 13, 42—46; 18, 4). Вотъ почему Ап. Павелъ ясно пишетъ, что „для народа Божія еще остается субботаство“ (Евр. 4, 9). Мы считаемъ себя христіанами или „народомъ Божіимъ“ и посему, по повелѣнію Ап. Павла, и хранимъ субботу, а вы нарушили завѣтъ Апостола и отвергли субботу.

Разберемъ сказанное собою, Петръ. Правда, что женщины, пришедшія съ Иисусомъ изъ Галилеи, въ субботу остались въ покоѣ *по заповѣди* (Лк. 23, 56). Но затѣмъ ты опять примѣромъ, говорящимъ о еврейской законной субботѣ, оправдываешь свою субботу, когда твоя суббота самочинная, а не „по заповѣди“ соблюдается? Ужъ если желаешь пользоваться примѣромъ „женщинъ“, то соблюдай ту субботу, которую святѣли онѣ. А то получается у тебя одна только пустая подтасовка однозвучныхъ словъ. У „женщинъ“ была своя суб-

бота, а у тебя своя, и между вашими субботаами такое же сходство, какъ между закономъ и беззаконіемъ. Теперь скажу, почему евангельскія „женщины“ хранили субботній покой *по заповѣди*. Эти „женщины“ были изъ іудеянокъ и, какъ и Іосифъ изъ Аримаѳеи, были строгими хранительницами всего еврейскаго закона. Ожидая Царствія Божія (Лк. 23, 51), онѣ слѣдовали за Іисусомъ, слушали Его ученіе, любили Его, но постигнуть все ученіе Христа онѣ еще не могли, такъ какъ и слишкомъ были привязаны къ закону Моисея и, что главное, не получили еще Духа Святаго (Іоан. 14, 26; 16, 13). Да и Самъ Христосъ при Своей жизни многого не сказалъ Своимъ ученикамъ (Іоан. 16, 12), потому что они еще не могли всего вмѣстить. Вотъ почему мы видимъ, что не только „женщины“, но даже Апостолы до сошествія на нихъ Св. Духа многого въ ученіи Христа не понимали. По этой же причинѣ „женщины“ и „недоумѣвали“, гдѣ бы дѣлось Тѣло Христа. А между тѣмъ Христосъ училъ и ихъ и всѣхъ учениковъ о Своемъ воскресеніи (Лк. 24, 4—6), но и онѣ и ученики не поняли сказаннаго Христомъ (Лк. 24, 45). И послѣ сошествія Св. Духа многіе изъ увѣровавшихъ во Христа еще никакъ не могли порвать свою вѣковую связь съ Моисеевымъ закономъ и изъ-за соблюденія этого закона поднимали въ церкви Христовой распри. А если такъ обстояло дѣло съ „женщинами“, то ясно, что соблюденіе ими субботы по заповѣди закона Моисеева было плодомъ ихъ непониманія ученія Христова (Лк. 24, 45), тѣмъ болѣе, что *новый покой еще не былъ имъ возвѣщенъ Христомъ, такъ какъ Христосъ еще въ тотъ день не воскресалъ* и Своимъ явленіемъ по воскресеніи еще не отверзалъ ученикамъ ума къ уразумѣнію писаній. Слѣдовательно, если бы христіане стали праздновать субботу на томъ основаніи, что евангельскія „женщины“ ее праздновали, то они подчинили бы себя игу закону Моисеева и тѣмъ извратили бы благовѣстіе Христово.

Ты ссылаешься *на примѣръ и ученіе Ап. Павла*. Но, къ сожалѣнію, и тотъ и другое ты извратилъ собственнымъ вымысломъ. То правда, что Ап. Павелъ „всякую субботу говорилъ въ синагогѣ и убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ“ (Дѣян. 18, 4). Но заключать отсюда, что слѣдовательно Ап. Павелъ святилъ еврейскую субботу, такъ же нельзя, какъ нельзя учить на основаніи этого примѣра, что Ап. Павелъ призна-

валъ необходимо для христіанъ и еврейскую синагогу. Если Ап. Павелъ и ходилъ въ синагогу и притомъ только по субботамъ, то не для отправленія христіанскаго моленія съ Іудеями и Еллинами, тѣмъ болѣе, что ни тѣ ни другіе еще не вѣровали во Христа, а только для проповѣди имъ о Христѣ. Проповѣдь же свою о Христѣ Ап. Павелъ приурочивалъ къ субботѣ и притомъ велъ ее въ синагогѣ, потому что по еврейскому обычаю каждую субботу евреи собирались въ синагогу и тамъ читали законъ Моисеевъ и пророковъ, а послѣ чтенія слушали отъ своихъ наставниковъ слово наставленія. При этомъ начальники синагоги предоставляли и Апостоламъ право обращаться къ народу съ словомъ наставленія (Дѣян. 13, 14—15; 15, 21). Такимъ образомъ, Ап. Павелъ пользовался субботою и синагогою, лишь какъ самымъ удобнымъ временемъ и мѣстомъ для проповѣди Христа большому собранію Іудеевъ и Еллиновъ. Другимъ же, которые не чтли Бога по-іудейски и потому не ходили въ синагогу по субботамъ, тотъ же Ап. Павелъ проповѣдывалъ „*ежедневно*“, и „*на площади*“, и „*въ ареопагѣ*“ (Дѣян. 17, 17—22; 20, 31), и „*по домамъ*“ (Дѣян. 20, 20). Но вѣдь никто же не станетъ на этомъ основаніи праздновать *каждый* день и чтить: площади, ареопагъ и пр... Сверхъ того, Ап. Павелъ старался приурочить свою проповѣдь для Іудеевъ и къ другимъ изъ наиболѣе чтимыхъ у нихъ праздниковъ, когда они собирались въ опредѣленное мѣсто въ наибольшемъ количествѣ и изъ разныхъ мѣстъ (Дѣян. 18, 19—21; 20, 16). Но вѣдь вы и сами не чтите другихъ еврейскихъ праздниковъ. Все это ясно обличаетъ ваше заблужденіе.

Да и откуда ты, Петръ, взялъ, что Ап. Павелъ даже *христіанъ изъ язычниковъ побуждалъ чтить субботу*? Ты ссылаешься на то, что Ап. Павелъ проповѣдывалъ и язычникамъ по субботамъ, и что сами язычники просили Апостола говорить имъ по субботамъ (Дѣян. 13, 42—46; 18, 3—4). Но развѣ здѣсь идетъ рѣчь о язычникахъ, принявшихъ христіанство, или о тѣхъ язычникахъ, которые прямо изъ язычества призывались Ап. Павломъ ко Христу? Нѣтъ. Здѣсь идетъ рѣчь только о тѣхъ язычникахъ, которые уже чтли Бога *по-іудейски* и потому ходили на еврейскія собранія въ синагоги и праздновали субботу. Писаніе прямо говоритъ: „многіе Іудеи и чтители Бога, обращенные изъ язычниковъ“

(Дѣян. 13, 43). Съ такими-то язычниками, чтущими Бога по закону Моисея, Ап. Павелъ и бесѣдовалъ въ синагогахъ по субботамъ и притомъ сперва съ настоящими іудеями, а потомъ уже съ іудеиствующими язычниками (Дѣян. 17, 17; 18, 4; 13, 46). И вотъ только такіе язычники просили Ап. Павла говорить о Христѣ „въ слѣдующую субботу“, такъ какъ для такихъ язычниковъ, какъ и для іудеевъ, не только суббота, но и весь законъ Моисеевъ былъ обязателенъ къ исполненію. Значить, и въ данномъ случаѣ Ап. Павелъ просто воспользовался субботою и синагогою, какъ временемъ и мѣстомъ наиболѣе удобными для бесѣды съ массою не только Іудеевъ, но и Еллиновъ, чтущихъ Бога по-іудейски (Дѣян. 17, 17). Съ остальными же язычниками, которые призывались ко Христу прямо изъ язычества, а не чрезъ іудейство, Ап. Павелъ бесѣдовалъ всегда и на всякомъ мѣстѣ (Дѣян. 17, 17—22; 20, 31). Значить, глубоко неправъ ты, когда примѣромъ Ап. Павла хотѣлъ оправдать празднованіе и въ Новомъ завѣтѣ еврейской субботы. Что же касается твоей, Петръ, субботы, то она не имѣетъ для себя оправданія даже и въ еврейскомъ законѣ и является беззаконной, самочинной.

Въ защиту субботы ты привелъ и слова Ап. Павла: „*для народа Божія еще остается субботство*“ (Евр. 4, 9). Но развѣ здѣсь рѣчь о субботахъ, какъ седьмомъ днѣ, чтимомъ іудеями по 4-ой заповѣди десятословія? Когда Ап. Павелъ говоритъ объ этомъ днѣ, то называетъ его: „субботою“. Такъ же называютъ этотъ день и другіе Апостолы. А въ приведенномъ тобою мѣстѣ рѣчь не о „субботахъ“, а о „субботствѣхъ“. И подъ „субботствомъ“ Ап. Павелъ разумѣетъ такой „покой“, *обѣтованіе*, о которомъ исполнилось только въ дни пришествія Христа и притомъ только надъ увѣровавшими во Христа. До Христа этого „покоя“ или „субботства“ не было. И потому проповѣдь о необходимости „войти въ покой *оный*“ раздавалась только послѣ воскресенія Христа (Евр. 4, 1—11). Суббота же дана еще при Моисеѣ, и въ субботній покой народъ Божій вошелъ еще со временъ Моисея (Исх. 16, 23—30). Ясно, что опять ты, Петръ, извратилъ Слово Божіе.

— 7) — Но пойдѣмъ далѣе. Св. Писаніе ясно свидѣтельствуетъ, что Апостолы не только не праздновали еврейской субботы, а прямо отмѣнили ее, какъ лишнюю для христіанъ. Извѣстно, что

въ число христіанъ, при Апостолахъ поступили массы іудеевъ и Еллиновъ, прежде принявшихъ законъ іудейскій. Эти іудеи и Еллины настолько свыкались съ закономъ Моисея, что и въ христіанствѣ признавали необходимымъ соблюдать законъ Моисеевъ. Когда же они увидѣли, что Апостолы въ Антіохіи принимали въ церковь язычниковъ безъ обрѣзанія, то и сами соблазнились и другихъ смутили своею проповѣдью о невозможности спастись безъ обрѣзанія по обряду Моисееву. Вслѣдствіе поднятыхъ ими въ церкви Антіохійской смуть, Павелъ и Варнава и еще нѣсколько чловѣкъ изъ членовъ мѣстной церкви отправились къ Апостоламъ въ Іерусалимъ по сему дѣлу. И въ Іерусалимѣ нѣкоторые изъ фарисейской ереси, но принявшіе христіанство, также горячо утверждали, что „должно обрѣзывать язычниковъ и заповѣдывать соблюдать законъ Моисеевъ“, т.-е. и субботу и весь вообще законъ. И что же? Апостолы и пресвитеры Іерусалимской церкви на соборѣ постановили сообщить Антіохійскимъ братьямъ слѣдующее: „поелику и мы услышали, что нѣкоторые, вышедшіе отъ насъ, смутили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали, то мы, собравшись единодушно, разсудили... угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ сего необходимаго; воздерживаться отъ идолжертвеннаго и крови, и удавленныя и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете“ (Дѣян. 15 гл.). Вотъ все, что отъ закона Моисеева, читаемаго каждую субботу въ еврейскихъ синагогахъ по всѣмъ городамъ (Дѣян. 15, 21) Апостолы сочли нужнымъ возложить на выи христіанъ изъ язычниковъ. Такимъ образомъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы мы самочинно, вопреки Апостольскому опредѣленію (Дѣян. 16, 4), возложили на выи „вѣрныхъ изъ язычниковъ“ соблюденіе еще субботы законной, или другихъ какихъ еврейскихъ праздниковъ или постановленій. А между тѣмъ, ты, Петръ, стараешься возложить на вѣрующихъ изъ язычниковъ иго, котораго и самъ не можешь понести, такъ какъ и самъ законной субботы не празднуешь! И выходить, что ты желаешь другимъ того, чего себѣ не хочешь. Если Апостолы и допускали иногда соблюденіе предписаній Моисеева закона: обрѣзанія, субботы и др., то это только „ради

іудеевъ“ (Дѣян. 16, 3; Галат. 2, 11—16), которые еще не могли освоиться съ мыслью объ излишнствѣ для христіанъ Моисеева закона и, если бы Апостолы не снизошли къ немощи іудеевъ, то навсегда потеряли бы ихъ для Христа (1 Коринѳ. 9, 19—23). Мы же и не немощные, а „вѣрные“ (Дѣян. 16, 4); и не іудеи, а христіане изъ язычниковъ. Посему намъ и нечего подражать „немощнымъ іудеямъ“, особенно когда Апостолы ясно указали, что вѣрнымъ изъ язычниковъ нужно хранить отъ Моисеева закона (см. и Галат. 2, 11—16). Ужъ если праздновать субботу, то нужно и обрѣзываться, ибо обрѣзаніе выше субботы (Іоан. 7, 22—23). Но какъ отъ обрѣзанія Ап. Павелъ грозно предостерегалъ христіанъ, говоря: берегитесь обрѣзанія“ (Филип. 3, 2; Галат. 5, 2), такъ точно онъ же обличалъ христіанъ за наблюденіе іудейскихъ „дней (т.-е. день субботній, или седьмой, и шесть дней рабочихъ—Исх. 20, 8—9), мѣсяцевъ (т.-е. новомѣсячій), временъ (т.-е. временъ Пасхи, Пятидесятницы, Кушцы и пр...) и годовъ“ (т.-е. новолѣтій), выражая даже опасеніе: не напрасно ли трудился у нихъ (Галат. 4, 10—11). Съ особенною же силою Ап. Павелъ отвергаетъ субботу въ посланіи къ Колоссянамъ: „никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или за какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу: это есть тѣнь будущаго, а тѣло—во Христѣ“ (2, 16—17). Очевидно, что среди Колосскихъ христіанъ, какъ раньше среди Антиохійскихъ (Дѣян. 15 гл.) и Галатскихъ (Галат. 2 гл. и 4 гл.), нашлись строгіе ревнители Моисеева закона, которые осуждали христіанъ, не соблюдавшихъ постановленій этого закона о пищѣ (чистой и нечистой—Лев. 11 гл.), праздниковъ (Лев. 23 гл.), новомѣсячіяхъ (Числ. 28 гл.) и *субботѣ* (Лев. 23 гл. Числ. 28 гл.). Ап. Павелъ, проповѣдуя по городамъ вѣрнымъ и соблюдать опредѣленія Апостольскаго собора въ Іерусалимѣ по вопросу объ обязательности для христіанъ Моисеева закона (Дѣян. 15 гл.; 16 гл. 4 ст.), со всею строгостью возсталъ противъ нарушителей даннаго апостольскаго опредѣленія и снова ясно высказалъ, что всѣ вышеупомянутыя постановленія Моисеева закона были лишь „тѣнью“. т.-е. имѣли лишь преобразовательное значеніе и должны быть отвергнуты теперь, когда мы пребываемъ уже со Христомъ (Колос. 2, 17, 20—21). Отсюда ясно, что ни еврейское раздѣленіе пищи, ни еврейскія новомѣсячія, ни

еврейскіе праздники вообще и, въ частности, суббота намъ, христіанамъ, не нужны. А кто принимаетъ хотя бы и одну только субботу, тотъ противникъ Ап. Павла.

— Я не вижу,— возразилъ Петръ,—чтобы Ап. Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ отвергалъ субботу Господню, т.е. субботу, какъ седьмой день недѣли, о которомъ говоритъ 4-я заповѣдь. По-моему, здѣсь Апостоль разумѣетъ субботу *іудейскую*, или іудейскіе праздники, установленные ими въ годичномъ кругу, къ числу такихъ праздниковъ или *іудейскихъ* субботъ принадлежатъ, напримѣръ: суббота покоя земли (Лев. 25, 4), суббота покоя или день очищенія въ десятый день седьмого мѣсяца (Лев. 23, 27—32) и въ десятый день того же мѣсяца (Лев. 16, 29—31)... Эти *іудейскія* субботы намъ не нужны.

— Глубоко неправъ ты, Петръ, въ своемъ мудрованіи,— отвѣчалъ я.—Во-первыхъ, въ Св. Писаніи нѣтъ раздѣленія субботъ на Господню и іудейскія. Всѣ субботы, въ томъ числѣ и указанная тобою, называются Господними, какъ данныя Господомъ, а не самовольно выдуманная евреями (Исх. 31, 13—15; Лев. 16, 31, 44; 19, 3, 30; 23, 32, 38; 25, 4 — „суббота покоя земли, суббота Господня“)... Во-вторыхъ, Ап. Павелъ говоритъ не о *субботахъ*, а объ одной опредѣленной *субботѣ*. А въ такихъ случаяхъ подъ *субботою* всегда въ Св. Писаніи Апостолы разумѣютъ седьмой день недѣли. И ты самъ также утверждалъ, когда ссылаясь на Ев. Луки 23, 56; на Дѣян. Апост. 13, 14, 42, 18, 4, что подъ „субботою“ здѣсь нельзя разумѣть годовыхъ праздниковъ у іудеевъ, такъ это видно и изъ того, что вообще о праздникахъ Ап. Павелъ уже сказалъ: „за какой-нибудь праздникъ“ и посему повтореніе одного и того же было бы страннымъ. Другое дѣло, когда Апостоль изъ общаго понятія: „за какой-нибудь праздникъ“, выдѣлилъ затѣмъ для усиленія „субботу“, какъ особо чтимую іудеями. Посему, если бы Апостоль и не сказалъ въ частности за „субботу“, то и тогда она имѣлась бы имъ въ виду въ словахъ: „за какой-нибудь праздникъ“, такъ какъ къ числу іудейскихъ праздниковъ принадлежала по закону и суббота, означенная въ 4-ой заповѣди (Лев. 23, 1—1). Но если Апостоль съ особенною ясностью отдѣльно упомянулъ о „субботѣ“, такъ это для насъ же лучше, чтобы мы не смущались отверженіемъ субботы. Еще болѣе мы убѣдимся въ

томъ, что Павелъ здѣсь имѣлъ въ виду субботу, заповѣданную въ 4-ой заповѣди, когда обратимъ вниманіе на то, откуда Апостоль взялъ такое подраздѣленіе: „за какой-нибудь *праздникъ*, или *новомісячье*, или *субботу*“. Все это взято изъ Ветхозавѣтнаго Писанія, именно: изъ кн. Левить 23 гл., Числ., 28 гл., Нееміи 9, 14, 10, 31, 33, 13, 15—22; Іезек. 46, 1—6, гдѣ подъ „субботою“ ясно разумѣется седьмой день недѣли. Итакъ, по ясной заповѣди Апостола суббота или седьмой день недѣли, данный евреямъ для освященія 4-ой заповѣдью каменныхъ скрижалей, намъ, христіанамъ, получившимъ отъ Христа новыя, духовныя скрижалы, *не нуженъ*, и кто празднуетъ субботу, тотъ находится во власти „смертоносныхъ буквъ“ и противится Христу и Св. Апостоламъ. Но еще горшее зло творить тотъ, кто подъ видомъ законной субботы, нынѣ отмѣненной, пускаетъ въ обращеніе среди народа свою, самочинную субботу, и такимъ образомъ обольщаетъ своею философіею темный и слабовѣрный народъ и дѣлаетъ его служителемъ уже не еврейскаго, все же Богомъ даннаго до времени закона, а служителемъ злой и гордой человѣческой воли и тѣмъ насаждаетъ на землю самое коварное идолопоклонство, когда вмѣсто Бога человѣкъ чтитъ подобнаго себѣ. Такъ поступаешь ты, Петръ, потому что *не только отвергъ волю Христа и Апостоловъ, запретившихъ праздновать субботный день, но еще свою самочинную субботу выдаешь за Господню* и стараешься оправдать ее 4-ой заповѣдью въ цѣляхъ удобнѣе совращать малосвѣдущихъ и слабовѣрныхъ людей.

Безотвѣтный Петръ стоялъ, уныло понурия голову. Православные ликовали и съ радостнымъ, духовнымъ подъемомъ расходились по домамъ.

Православный миссіонеръ.

Ересь (αἵρεσις).

Историко-филологическая справка.

Какъ большинство древне-церковныхъ терминовъ, терминъ „ересь“ классическаго происхожденія. Онъ происходитъ отъ греческаго глагола αἱρέω—беру, захватываю, избираю, и въ началѣ употреблялся обычно въ смыслѣ взятія, захвата, избранія или выбора чего-нибудь. Въ этомъ смыслѣ, встрѣчается этотъ терминъ въ классической литературѣ, напр. у Фукидида „взятіе города“ обозначается αἵρεσις πόλεως, у Платона нерѣдко встрѣчаемъ такіа выраженія αἵρεσίν τινι διδόναι—предоставить кому-нибудь выборъ, αἵρεσιν στρατηγοῦ ποιεῖσθαι—избрать вождя и т. д.¹⁾. Даже ветхозавѣтная письменность, а затѣмъ и святоотеческая письменность употребляютъ нерѣдко αἵρεσις въ указанномъ классическомъ смыслѣ. Такъ, напр. Быт. 49, 5: „Симеонъ и Левій братія совершиша обиду отъ воли своя“—у LXX послѣднія слова выражены ἐξ αἱρέσεως αὐτῶν; Лев. 22, 18: „ниже аще принесетъ дары своя... по изволенію своему“—у LXX читаемъ κατὰ αἵρεσιν. Изъ святоотеческой письменности укажемъ на св. Іоанна Златоуста, который въ своемъ произведеніи „о дѣвственности“ (41 гл.) говоритъ: „τὸν ἀχροατὴν τῆς αἱρέσεως ποιῶντος ἔστιν“, т. е. слушающему

При написаніи этого очерка пособіями и рукодствами служили: Dictionnaire de Theologie par l'abbé Bergier, Toulouse, 1823; Biblisch-Theologisches Wörterbuch v. H. Cremer, Gotha, 1887; Nouveau dictionnaire grec-français par A. Chassang, Paris 1879; Glossarium mediae et infimae latinitatis Du Cange Niort. 1885; Правосл.-богословская энциклопедія А. П. Лопухина Спб. 1904; Ереси и раскоды первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, прот. А. Иванцова-Платонова, Москва 1877; Thesaurus ecclesiasticus—J. C. Suicerus, Amsterdami. 1682; Dictionnaire de la bible F. Vigouroux, Paris, 1903.

¹⁾ См. cit. op. A. Chassang αἵρεσις.

своѣственно дѣлать выборъ¹⁾. Въ правилахъ одного изъ Карфагенскихъ соборовъ *αἵρετικοὶ ἐπίσκοποι*, по толкованію Вальсамона, суть „избранные епископы“²⁾.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, слово *αἵρεσις* стало обозначать избраніе или принятіе извѣстнаго мнѣнія или доктрины, какъ хорошей, такъ и дурной³⁾. Имъ стали называть опредѣленное философское направленіе или философскую школу⁴⁾, хотя послѣдній смыслъ укрѣпился за нимъ только въ позднѣйшій періодъ развитія греческаго языка — времена Платона и Аристотеля, основателей двухъ величайшихъ философскихъ направленій, еще не знающихъ этого значенія. Отсюда уже, повидимому, былъ недалекъ переходъ къ тому, чтобы сообщить понятію „ереси“ (*αἵρεσις*) религіозный характеръ. Однако впервые „*αἵρεσις*“ съ религіознымъ значеніемъ мы встрѣчаемъ на почвѣ христіанской. Первой новозавѣтной книгой, гдѣ мы находимъ названіе ереси является книга Дѣяній Апостольскихъ. Въ ней заключается до шести мѣстъ, содержащихъ терминъ *αἵρεσις*: 5, 17—*ἡ οὖσα αἵρεσις τῶν Σαδδουχαίων*, 15, 5—*ἀπὸ τῆς αἰρέσεως τῶν Φαρισαίων*, 24, 5—*τῆς τῶν Ναζωραίων αἰρέσεως* 24, 14—*κατὰ τὴν ὁδόν, ἣν λέγουσιν αἱρεῖσιν*, 26, 5—*ὅτι κατὰ τὴν ἀκριβεστάτην αἱρεῖσιν*, 28, 22—*περὶ μὲν γὰρ τῆς αἰρέσεως*. Но нельзя сказать, чтобы во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ *αἵρεσις* было употреблено въ современномъ значеніи этого слова. По справедливому замѣчанію одного изъ выдающихся изслѣдователей исторіи ересей и расколовъ въ первые 3 вѣка христіанской Церкви, упоминаемыхъ здѣсь фарисеевъ и саддукеевъ (Дѣян. 15, 5; 26, 5; 5, 17) нельзя назвать ни еретиками, ни сектантами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это скорѣе направленія въ іудейскомъ обществѣ извѣстнаго времени⁵⁾. Что же касается христіанства, названнаго здѣсь „ересью назорейскою“ (Дѣян. 24, 5, 14; 28, 22), то на первыхъ порахъ своего существованія оно еще не имѣло въ себѣ всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя впослѣдствіи такъ рѣзко отличали его отъ іудейства (Дѣян. 3, 1 и др.).

¹⁾ J. C. Suicerus—*αἵρεσις*.

²⁾ Ibid.

³⁾ Vigouroux.

⁴⁾ Bergier, t. IV.

⁵⁾ Ивановъ-Платоновъ стр. 299, прим. 160.

и сами іудеи первоначально смотрѣли на него не болѣе, какъ на одно изъ тѣхъ религіозныхъ направленій, которыя существовали тогда въ іудейскомъ народѣ. На этихъ основаніяхъ нужно сказать, что терминъ *αἵρεσις* употребленъ здѣсь въ довольно общемъ смыслѣ—въ смыслѣ извѣстнаго религіознаго направленія или религіозной партіи. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстъ (24, 5, 14: 28, 22) данное понятіе получаетъ въ извѣстной степени новый, довольно опредѣленный отбѣнокъ, который затѣмъ легъ въ основу дальнѣйшаго развитія этого слова: изъ того непріязненнаго чувства, которое іудеи съ извѣстнаго времени испытывали по отношенію къ христіанамъ, а также изъ враждебнаго тона тѣхъ рѣчей, въ которыхъ они упоминали объ ереси назореевъ, можно заключить, что въ первыя времена существованія христіанской Церкви ересью стали называть не только извѣстное положительное религіозное направленіе, но иногда и направленіе съ отрицательнымъ характеромъ.

Послѣ книги Дѣяній апостоловъ слово *αἵρεσις* встрѣчается трижды въ посланіяхъ ап. Павла и одинъ разъ—въ посл. ап. Петра.

Первое изъ такихъ мѣстъ мы находимъ въ 1 Кор. 11, 19. Упомянувъ о томъ, что между членами церкви Коринфской происходятъ междуусобные раздоры, апостоль прибавляетъ, что для блага самой же Церкви необходимо, чтобы въ ней были ереси: *δεῖ γάρ καὶ αἵρεσεις ἐν ὑμῖν εἶναι*. Подобно тому, какъ и въ кн. Дѣяній ап. терминъ *αἵρεσις* употребленъ здѣсь въ *несобственномъ* смыслѣ. Церковный языкъ не достигъ еще той ступени своего развитія, на которую онъ сталъ позднѣе, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, ап. Павелъ называетъ здѣсь ересью то же самое явленіе, какое въ другомъ мѣстѣ обозначается имъ совершенно другимъ словомъ ¹⁾. Въ частности, обращая вниманіе на данное мѣсто, мы не можемъ не видѣть, что подъ „ересью“ ап. Павелъ разумѣетъ не ересь въ нашемъ смыслѣ этого слова, но скорѣе раздѣленіе или раздоръ, происшедшіе на почвѣ церковно-дисциплинарной. За это говоритъ прежде всего кон-

¹⁾ Срв., напр. 1 Кор. 1, 10; 11, 18 и 12, 25, гдѣ для обозначенія явленія, аналогичнаго разсматриваемому, апостоль пользуется терминомъ, *σχίσμα*.

текстъ рѣчи: мы видѣли, что упоминаніе о ересьяхъ находится въ неразрывной связи съ укореніемъ церковно-дисциплинарныхъ раздѣленій среди коринфянъ. Наконецъ въ пользу этого мнѣнія говорятъ и ясныя свидѣтельства церковныхъ писателей, напр. св. І. Златоустъ въ толкованіи на это мѣсто говоритъ прямо, что „ересями здѣсь апостолъ называетъ не то, что имѣетъ связь съ догматами, на что относятся къ раздорамъ“, блаж. Теодоритъ толкуя тотъ же 19 ст. 11 гл. 1 Кор. говоритъ „ересями называетъ апостолъ споры, а не догматическія разности“¹⁾.

Второй разъ ап. Павелъ упоминаетъ о ереси въ 20 ст. 5 гл. посланія своего къ Галатамъ. Здѣсь, послѣ краткой характеристики плоти и духа вообще, онъ говоритъ о плодахъ того и другого рода дѣятельности. Между прочимъ, къ числу дѣлъ плоти (*τὰ ἔργα τῆς σαρκὸς*) онъ относитъ разногласія и ереси — *διχοστασίαι καὶ αἵρεσις*. Противопоставленіе указанныхъ двухъ терминовъ показываетъ, что послѣдній — *αἵρεσις* предполагаетъ особое, серьезное разномысліе. Отсюда и смыслъ, въ которомъ *αἵρεσις* употреблено въ Гал. 5, 20 уже нѣсколько отличается отъ того значенія, въ какомъ мы видѣли его въ 1 Кор. 11, 9.

Наконецъ довольно ясное опредѣленіе сущности того, что должно разумѣть подъ ересью, мы находимъ въ 10 ст. 3 гл. посланія ап. Павла и Титу. Онъ увѣщеваетъ своего ученика удаляться отъ „еретика чловѣка“ (*αἵρετικὸν ἄνθρωπον*) послѣ перваго и втораго вразумленія, зная что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ. И если мы обратимъ вниманіе на тотъ тонъ и тѣ черты, въ которыхъ апостолъ изображаетъ поведеніе и конечную судьбу еретика, то намъ ясно станеть, что ересь, о которой говоритъ здѣсь апостолъ, приближается къ значенію ереси въ современномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ очевидно, что вмѣстѣ съ опредѣленіемъ сущности ереси въ смыслѣ разногласія, возникшаго на почвѣ церк.-бытовой, ап. Павелъ предлагаетъ намъ и другое пониманіе, по которому здѣсь есть уже сознательное заблужденіе въ истинахъ вѣры.

Въ послѣднемъ смыслѣ, понимаетъ ересь и св. ап. Петръ (1 Петр. 2, 1). Сущность еретическаго ученія, характеристику

¹⁾ Также понимаютъ это мѣсто блаж. Теофилактъ, и др. — см. *Suiceri Thesaurus*.

еретиковъ и дальнѣйшую ихъ судьбу—все это онъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ и безотраднѣхъ краскахъ. Онъ называетъ еретиковъ лжеучителями, которые отвергаются искупившаго ихъ Господа—ереси, вводимыя ими, суть ереси пагубныя (*αἵρεσις ἀπωλείας*), а потому и для виновниковъ ихъ не можетъ быть никакого другого исхода, кромѣ скорой гибели. Но если это такъ, то едва ли есть основаніе думать, что ап. Петръ подъ ересью разумѣлъ простое уклоненіе отъ церковнаго ученія на почвѣ церковно-обрядовой, дисциплинарной или административной. Тотъ мрачный колоритъ, которымъ окрашено это разсужденіе о ересьхъ и ихъ послѣдствіяхъ заставляетъ скорѣе предполагать, что этотъ апостольскій разумѣлъ подъ ересью нѣчто серьезное. Несомнѣнно, что онъ разумѣлъ подъ ересью *отступленіе отъ самой вѣры* или отъ нѣкоторыхъ ея истинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, звучатъ его слова о томъ, что лжеучители, вводя пагубныя ереси, отвергаются искупившаго ихъ Господа.

Мы прослѣдили употребленіе термина *αἵρεσις* въ новозавѣтно-библейскихъ писаніяхъ — видѣли, что неодинаковый смыслъ и значеніе усваивается здѣсь ему. Въ періодъ святоотеческой письменности, наступившій сразу послѣ временъ апостольскихъ, въ эпоху далѣе, вселенскихъ соборовъ понятіе ереси пріобрѣтаетъ новые болѣе опредѣленные признаки. Первымъ писателемъ, у котораго мы встрѣчаемъ слово *αἵρεσις* въ періодъ послѣ апостольской, является мужъ апостольскій Папіій Іерапольскій. По мнѣнію этого писателя, ересью называется такое ученіе, которое не только извращаетъ понятіе о Богѣ или мірѣ, Христѣ или Церкви, но и *упорно защищаетъ свое лжеученіе* ¹⁾. Какъ таковая, ересь является, конечно, очень опасной, и вотъ почему другой мужъ апостольскій Игнатій Богоносецъ такъ убѣдительно увѣщаетъ христіанъ воздерживаться отъ „ереси“, этого „чужого растенія“ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ произвольнаго отступленія отъ Богопреданныхъ основъ христіанства понимаютъ ересь и другіе учителя церковные—Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій и Оригенъ. А знаменитый борецъ противъ ересей, Иринеи Ліонскій, отмѣчаетъ и характерную особенность, при-

¹⁾ См. cit. op. *Du Cange*.

²⁾ *Vigouroux*.

сущую защитникамъ еретическаго ученія: это—чувство горделиваго самопревозношенія еретиковъ и вытекающая отсюда ихъ страсть къ раздѣленіемъ и обособленіямъ ¹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ тому значенію, въ какомъ понималось слово *αἵρεσις*... въ вѣкъ апостольскій, въ періодъ святоотеческій присоединился еще одинъ признакъ характерный—это *упорство* со стороны тѣхъ, кто держится еретическаго образа мыслей.

Съ наступленія IV вѣка понятіе ереси получаетъ свою полную опредѣленность и, можно сказать, окончательную формулировку. Начиная съ этого вѣка, на поприщѣ церковно-богословскомъ появляются такіе величайшіе христіанскіе богословы, какъ, напр., Василій Великій, Аѳанасій Александр., Іоаннъ Златоустъ и др., съ IV вѣка въ нѣдрахъ христіанской церкви возникаютъ наиболѣе серьезныя и опасныя для нея ереси; съ этого же момента начинается и великая по своимъ послѣдствіямъ эпоха вселенскихъ соборовъ, созывавшихся для опроверженія той или другой ереси. Все это вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, не отозваться и на самомъ опредѣленіи ереси. Отъ IV вѣка мы имѣемъ одинъ замѣчательный для насъ памятникъ, принадлежащій перу величайшаго христіанскаго богослова — именно, 1-е правило св. Василія Великаго. Здѣсь въ ряду прочихъ разсужденій, не только дается попытка опредѣлить сущность ереси, но и указывается отличіе ея отъ схизмы и отъ самочинныхъ сборищъ. „Древніе, говорится здѣсь, называли еретиками совершенно отторгшихся, и о самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками, раздѣлившихся во мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ, и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе; а самочинными сборищами—собранія, составляемыя непокорными пресвитерами или епископами и ненаученнымъ народомъ“. Такова формулировка понятія ереси, какъ она представлена у Василія Великаго. Въ исторіи этого понятія приведенное правило св. Василія имѣло громадное значеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что та формулировка, какую мы находимъ въ упомянутомъ правилѣ, лежитъ и въ основѣ современнаго намъ опредѣленія ереси. Правда, и послѣ появленія этого правила было отличныя отъ него, чисто

¹⁾ Прав.-богосл. Энциклопедія Лопухина.

субъективные, пониманія ереси; правда и то, что и во времена, близкія къ Вас. Великому терминъ „ересь“ употребляли иногда для обозначенія явленія положительно или свѣтлаго¹⁾ однако формулировка св. Василия, въ общемъ, доминировала надъ всѣми остальными и, пройдя черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, достигла и настоящаго времени.

Не меньшее значеніе въ дѣлѣ развитія смысла термина *αἵρεσις*... имѣли и опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Въ данномъ случаѣ можно сослаться, напр., на 6-е правило 2 вселенскаго собора. Здѣсь, говоря о лицахъ, непимѣющихъ права приносить жалобу на епископа, правило упоминаетъ, между прочимъ, и о еретикахъ, какъ такихъ людяхъ, которымъ „непозволительно приносить обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ“. Еретиками же, продолжаетъ оно, именуемъ тѣхъ, которые издавна чуждыми церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анаѳемѣ преданы: кромѣ же сего и тѣхъ, которые, хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдуютъ здраво, но которые отдѣлились и собираютъ собранія противъ на-

¹⁾ Къ числу такихъ субъективныхъ пониманій ереси можно отнести прежде всего опредѣленіе блж. Августина, по мнѣнію котораго ересь есть не что иное, кикъ застарѣлая схизма (*haeresis autem schisma inveteratum*). Далѣе, оригинальное представленіе ереси мы видимъ у Епифанія Кипрскаго. Смотри на христ. вѣру, какъ на существующую въ человечествѣ изначала и находя посему множество ересей и въ дохристіанскомъ мірѣ, св. Епифаній чрезвычайно расширяетъ область христіанской ереселогіи. По мнѣнію его, все, что противно истинной вѣрѣ—не только въ отношеніи теоретическомъ (разность въ религ. мнѣніяхъ), но и практическомъ (нечестивый образъ жизни грубость нравовъ) есть ересь. Еще болѣе странный взглядъ на сущность ереси мы находимъ у Филастрія (IV в.). Самыя незначительныя разномыслія въ к.-н. частномъ богословскомъ мнѣніи, сколько-ниб. своеобразныя, несогласныя съ общепринятыми, объясненія к.-н. одного текста свящ. Писанія тракуются имъ, какъ ереси. Не мало у него занесено въ число ересей и такихъ мнѣній, которыя къ религіи и богословію никакого прямого отношенія не имѣютъ, а касаются наукъ общихъ—астрономіи, физики и филологіи. Есть, по его мнѣнію, и такія ереси, которыя отличаются не к.-л. особенными мнѣніями, а лишь своеобразными обычаями въ жизни церковной или даже въ частномъ, домашнемъ быту.

Что касается до употребленія въ IV в. слова „ереси“ для обозначенія имъ к.-н. явленія свѣтлаго, положительнаго, то примѣромъ этого можетъ служить имп. Константинъ Вел., который по свидѣтельству Евсевія называлъ христіанскую религію *αἵρεσις ἡ καθολικὴ, ἡ ἀγιοτάτη*.

шихъ правильно поставленныхъ епископовъ“. По толкованію Зонары, данное правило „еретиками называетъ всѣхъ мыслящихъ несогласно съ православною вѣрою, хотя бы давно, хотя бы недавно они были отлучены отъ церкви, хотя бы древнихъ, хотя бы новыхъ ересей они держались“. Такимъ образомъ отсюда видно, что и соборныя опредѣленія способствовали также укрѣпленію за понятіемъ ереси или значенія, съ которымъ оно мыслится и теперь.

Въ общемъ циклѣ тѣхъ видоизмѣненій, которыя претерпѣло слово *αἵρεσις* въ послѣдующіе вѣка, небезынтересно еще отмѣтить то значеніе, въ какомъ оно мыслилось въ эпоху *средневѣковья*. Чрезвычайное развитіе духовной власти—съ одной стороны, а съ другой—полный упадокъ просвѣщенія и особый отпечатокъ церковности, лежавшій на всѣхъ сторонахъ средневѣковой жизни—все это чрезвычайно расширило область примѣненія термина „ересь“, и посему неудивительно, что въ эпоху средневѣковья ересью назывались такія явленія, какія въ сущности не имѣли прямого отношенія къ догматамъ вѣры. Сколько-ниб. новое, неизвѣстное доселѣ открытіе изъ міра астрономіи, физики трактовалось здѣсь, какъ ересь. Сколько-ниб. замѣтное уклоненіе отъ церковныхъ опредѣленій заслуживало здѣсь наименованія ереси и преслѣдовалось самыми жестокими мѣрами до инквизиціи включительно. Однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ какихъ находилось образованіе въ эпоху средневѣковья, опредѣленіе ереси, данное Василиемъ Вел. и соборною дѣятельностью, не исчезло въ это время совершенно. Оно господствовало и тогда.

Теперь именемъ *ереси* обозначается такое христіанско-религіозное ученіе, проповѣдникъ котораго вступаетъ въ сознательное и явное противорѣчіе съ ясно раскрытыми и строго сформулированными Церковію догматами христіанства¹⁾.

Такое опредѣленіе ереси даетъ намъ возможность отличать ее: 1) отъ раскола, который обозначаетъ также обособленіе отъ состава церковнаго союза или общества вѣрующихъ, но вслѣдствіе несогласія подчиняться данному іерархическому авторитету, по разногласію въ ученіи обрядовомъ и во 2) отъ непреднамѣренныхъ ошибокъ въ догматическомъ

¹⁾ Пр.-богосл. энциклопедія „Толукина“.

ученіи, происшедшихъ вслѣдствіе того, что тотъ или иной вопросъ самою Церковію не былъ въ данное время предусмотрѣнъ и предрученъ. Очевидно, что истинная ересь отличается отъ упомянутыхъ явленій двумя чертами—это непосредственнымъ отношеніемъ къ догматамъ вѣры и сознательно-преднамѣренной дѣятельности сторонниковъ еретическаго ученія.

Этимъ мы и можемъ закончить свой бѣглый обзоръ тѣхъ видоизмѣненій, которыя испытало понятіе ереси на многовѣковомъ пути своего развитія. Если мы теперь бросимъ общій взглядъ на этотъ путь и спросимъ себя—соотвѣтствуетъ ли слово ересь или *αἵρεσις*... тому явленію, какое имъ теперь обозначается, то отвѣтъ нужно будетъ расчленивъ. Если мы будемъ имѣть въ виду чисто-филологическое значеніе, то ясно, что понятіе *αἵρεσις*... можетъ быть приложимо къ современнымъ еретическимъ ученіямъ только въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова. „Выборъ“, „избраніе“, „захватъ“ или „взятіе“—эти непосредственныя значенія термина *αἵρεσις*... въ извѣстномъ смыслѣ, соотвѣтствуютъ ереси, какъ такому явленію, въ которомъ необходимо предполагается избраніе или захватъ к.-н. ученія или мнѣнія. Но этимъ въ данномъ случаѣ все и ограничивается. Въ понятіи *αἵρεσις*, разсматриваемомъ филологически, совершенно не мыслится ни догматовъ вѣры, ни отрицательнаго характера того или др. ученія, ни упорства со стороны защитниковъ этой ложной доктрины. Но другое дѣло, если мы будемъ говорить объ этомъ, имѣя въ виду историческую точку зрѣнія. Тогда намъ станетъ яснымъ, что то значеніе, въ какомъ мы употребляемъ терминъ „ересь“, возникло на извѣстной исторической почвѣ, было утверждено многовѣковой практикой древнѣйшей христіанской Церкви.

А. С.

Теософія и христіанство^{*)}.

VII. О пути жизни человека.

Путь жизни человека—это цѣлая, довольно-таки сложная, система всевозможныхъ упражненій, — указаніе, даже перечисленіе разнообразнѣйшихъ методовъ и способовъ, осуществленіе которыхъ въ жизни безусловно необходимо для того, чтобы человеку преодолѣть четыре низшихъ части своей природы и достигнуть состоянія Буддхи-Атми. Теософы о немъ говорятъ съ особенною сердечностію и душевной горячію, пишутъ цѣлыя книги и длинныя статьи. Но сами же теософы сознаются, что новаго, своего, они въ разработку этого пути ничего не вкладываютъ: они всецѣло взяли его у Индіи съ ея буддизмомъ, а сами только лишь комментируютъ и приспособляютъ его къ условіямъ жизни европейца.

На правой ступени этой лѣстницы упражненій человека надъ самимъ собой стоитъ работа его надъ своимъ тѣломъ. Этой работѣ у теософовъ придается громадное значеніе. По Анни Безантъ, не подготовившій свое тѣло, хотя и можетъ достигнуть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ результатовъ, но вскорѣ онъ утратитъ свое здоровіе и дойдетъ до сумасшествія¹⁾. Наставленія относительно тѣла сводятся къ указанію, когда, сколько, какъ и что ѣсть и пить, сколько продолжительное время нужно отдавать духовной работѣ и сколько отдыху на свѣжемъ воздухѣ, какъ и когда и какія совершать омовенія и физическія очищенія и т. под.

Одновременно съ этими первичными занятіями рекомендуется учиться управлять своими лёгкими и своимъ дыханіемъ и какъ при этомъ держать свой корпусъ.

^{*)} Окончаніе—См. „Г. Ц.“ м. Сент.

¹⁾ Теософія и Новая психологія, стр. 74—75.

Послѣ этого нужно приучать умъ свой отвлекать отъ впечатлѣній внѣшняго міра и сосредоточивать его внутри себя на какой-либо опредѣленной мысли или идеѣ. Отвлечение это должно быть полнымъ и всецѣлымъ; внѣшній міръ для такого человѣка долженъ перестать существовать; мысль его должна быть поглощена созерцаніемъ и работою въ области идей. Образцомъ для такого упражненія выставляется Е. П. Блаватская. Она въ этомъ отношеніи, по словамъ знавшихъ ее, обладала чрезвычайными качествами. Она умѣла собирать все свое вниманіе на одной вещи съ такой энергіей, что все остальное для нея переставало существовать. Этого же достигать она указывала и своимъ послѣдователямъ. Нужно добиться, говорила она своимъ ученикамъ, чтобы, когда вы думаете о коробкѣ спичекъ, для васъ не было бы въ мірѣ ничего, кромѣ этой коробки и вашего „я“²⁾. По словамъ Анни Безантъ, кто можетъ сосредоточивать свои мысли и всю свою внутреннюю жизнь на одной точкѣ, тотъ подобенъ острію. Тупой предметъ нельзя протолкнуть черезъ препятствіе; его надо заострить и тогда онъ легко проникнетъ чрезъ все³⁾.

Конечно, достигать этого сосредоточенія мысли весьма и весьма тяжело. И у теософовъ приводятся, заимствованныя у буддизма, совѣты и постановленія, какъ это нужно дѣлать съ большимъ успѣхомъ.

Но всѣ теософы, опять-таки вслѣдъ за Индіей, самымъ категоричнымъ образомъ утверждаютъ, что достигнуть этого высшаго сосредоточенія мысли до состоянія жизни Тріады: Манасъ—Буддхи—Атми въ періодъ одной жизни не возможно: для этого необходимо нѣсколько жизней, цѣлый рядъ жизней. Человѣку необходимо побѣдить животное въ физическомъ, грубое въ астральномъ, чувственное въ ментальномъ планахъ бытія; человѣку нужно пройти предлинный процессъ всякихъ упражненій—физическихъ, и умственныхъ... Все это требуетъ громаднаго періода времени и длинной—длинной жизни. Какъ же быть? Какъ же выдти изъ этого, повидимому, безысходнаго положенія? Эти вопросы у теософовъ разрѣшаются взятою у Востока *теорією о перевоплощеніяхъ*.

²⁾ Вопросы теософіи, в. II, стр. 30.

³⁾ Вѣст. теос. 1909 г., кн. 2, стр. 24.

Сущность ученія о перевоплощеніяхъ сводится къ тому, что каждый человѣкъ живетъ на землѣ въ продолженіи не одной, а нѣсколькихъ жизней. Съ его смертію умираютъ лишь четыре низшихъ начала его человѣческой природы—физическое, эфирное, астральное и ментальное,—умираетъ то, что называется у насъ *личностію* человѣка. Высшая же Тріада, то, что составляетъ, по ученію теософовъ, *индивидуальность* человѣка, никогда не умираетъ, а всегда живетъ; оно-то и воплощается въ новыя тѣла. Происходитъ это такъ.

Умирая человѣкъ сбрасываетъ ненужныя ему оболочки; но всѣ чувства, стремленія и мысли, очищенные отъ эгоистическихъ и дурныхъ примѣсей, весь опытъ жизни, пріобрѣтенный имъ во время его пребыванія въ этихъ оболочкахъ, онъ какъ бы *вбираетъ* въ себя. Умираетъ все личное, грѣховное; сохраняется *сверхличное*, которое пріобрѣтено человекомъ на землѣ. Это сверхличное бессмертно. „Сюда относятся всѣ виды безкорыстной любви, стремленіе къ Богу или къ вѣчному, чувство красоты, влеченіе къ добру, всѣ виды сочувствія и состраданія, все углубленіе отъ перенесенныхъ страданій и весь подъемъ отъ пережитыхъ радостей. Всѣ эти активныя проявленія души претворяются въ теченіе посмертнаго періода (небеснаго) въ свойства и качества бессмертной души или индивидуальности, и этими свойствами будетъ окрашенъ характеръ той личности, которую „Индивидуальность“ какъ бы выброситъ изъ себя, чтобы въ слѣдующемъ воплощеніи собрать новый опытъ и вызвать къ сознательной жизни новыя силы... Изъ этого слѣдуетъ, что небесная стадія посмертнаго состоянія стоитъ въ прямой зависимости отъ той ступени интеллектуальнаго и духовнаго развитія, которой онъ достигъ во время жизни на землѣ“... Когда этотъ процессъ „вбирания“ душой всего въ себя добраго завершится, „въ нѣдрахъ души возникаетъ слабый трепетъ пробуждающагося сознанія“, который потомъ переходитъ въ волю жизни, въ стремленіе найти отраженіе своего. Я въ объективномъ мірѣ. И душа снова воплощается въ тѣло для новой жизни на землѣ¹⁾).

Процессъ перевоплощеній продолжается до тѣхъ поръ, пока Бессмертная Душа,—эта Тріада—не вырастетъ въ человѣкъ

¹⁾ Е. П. перевоплощеніе, стр. 38 и далѣе.

окончательно, пока она не волеется въ Божество, не станетъ числомъ извѣстнаго теперь намъ ядра Братства, т. е. Божествомъ.

Останавливаясь мыслію на вышеизложенномъ усиліи теософовъ о пути жизни человѣка, невольно задаешь себѣ вопросъ: а гдѣ же здѣсь самъ человѣкъ? Все время рѣчь идетъ о немъ, а его что-то не замѣтно. На самомъ дѣлѣ, съ одной стороны личность съ ея весьма разнообразной, дѣятельной, кипучей земной жизнію, съ ея обычными радостями и несчастіями, паденіями и возстаніями, съ ея чувствами, желаніями и думами, а съ другой—какая-то Индивидуальность, въ которой нѣтъ жизни, въ которой происходитъ только „вбѣраніе“ ей нужнаго отвлеченнаго, отжившаго, недѣйствующаго. Но первая умираетъ, исчезаетъ; а вторая остается въ вѣчность. Гдѣ же самъ человѣкъ? Повидимому, личность-то и должна быть названа человѣкомъ; но тогда цѣлый рядъ человѣковъ творять работу на одну индивидуальность; цѣлый рядъ ихъ есть не больше какъ только прахъ и земля, служащіе какому-то принципу индивидуальности. Значить, человѣкъ, какъ таковой, обычно на землѣ живущій, смертенъ. Безсмертна только собранная изъ множества живыхъ жизней отвлеченная, только лишь мыслимая, ихъ сущность, какой-то Атми-Духъ.

Но что это за Атми? Даже г. Ладыженскій въ своей книгѣ „Сверхсознаніе“⁵⁾, написанной съ большимъ сочувствіемъ къ теософамъ, долженъ былъ сказать, что у теософовъ путь жизни человѣка сводится „къ глубокой сосредоточенности мысли“, къ высшему развитію „мысленной силы“, при которой у него исчезаетъ и пламенная любовь и сильная ненависть; у него является вѣра въ могущество своихъ *мысленныхъ силъ*, своей *мысленной воли* (курсивъ нашъ) и за ней слѣдующее чувство гордости⁵⁾. Атми-Духъ и есть эта до высшаго предѣла своего дошедшая, сама въ себѣ замкнувшаяся и отъ всего внѣ ея лежащаго отрѣшившаяся Мысль, Логось. Эта отвлеченность, а не живой человѣкъ, безсмертна. Можетъ-ли идти въ какое-бы то нибыло сопоставленіе это безсмертіе Атми съ христіанскимъ личнымъ безсмертіемъ человѣка, дѣйствительно жившаго всѣми силами своего личнаго

⁵⁾ Ладыженскій М. В. изд. 2, стр. 345, 250, 186.

существа? „Начала подвижничества у теософовъ и христіанскаго, заключаетъ Ладыженскій, совершенно противоположны“⁶⁾. Такъ же противоположно и ученіе теософовъ о безсмертіи ученію христіанскому о томъ же; слова тамъ и здѣсь одни, а мысли, содержаніе, въ этихъ словахъ заключающіяся, противоположны до взаимнаго исключенія.

Что касается ученія теософовъ о перевоплощеніяхъ, то здѣсь теософы совершенно не оригинальны. Они повторяютъ ученіе о томъ же древняго Востока. Сравнительно новы у теософовъ обоснованія этого ученія и отвѣты на возраженія противъ него. Человѣческая мысль не только отъ плени христіанскаго вѣроученія, но и отъ законовъ здравой человѣческой логики давно разобрала ученіе о перевоплощеніяхъ, по всей справедливости отнеся его къ творчеству восточной несдержанной фантазіи. Но и эти попытки теософовъ обосновать ученіе о перевоплощеніяхъ въ общемъ сводятся къ одному лишь ихъ утвержденію, что по данному пункту люди должны почему-то довѣряться болѣе восточнымъ религіямъ и философій, чѣмъ христіанству и западной философій. Иногда, впрочемъ, утверждаютъ, что ученіе о перевоплощеніяхъ будто-бы разрѣшаетъ всѣ т. наз. проклятые вопросы жизни—о счастіи однихъ и бѣдахъ другихъ, о несправедливостяхъ жизни и т. под. Но здѣсь только слышится нежеланіе руководиться ученіемъ о семъ Евангелія, т. е. опять-таки безосновательное довѣріе къ Востоку, а не къ христіанскому западу.

VIII. Куда ведетъ и чѣмъ прельщаетъ теософія.

Мы указали всѣ важнѣйшіе пункты ученія теософовъ—о Богѣ, о лицѣ Иисуса - Христа, о человѣкѣ и безсмертіи,—и ни одного не увидали изъ нихъ такого, который не только бы исполнѣнъ, но хотя сколько-нибудь, хотя бы отчасти былъ согласенъ съ христіанствомъ. Прослѣдили мы и отношеніе теософовъ къ религіямъ вообще и въ особенности къ христіанству и увидали, что, считая только себя за истину и за религію, теософія, въ лицѣ ея главныхъ руководителей и учителей, намѣревается стать сама надъ религіями, какъ высшая

⁶⁾ Тамъ же стр. 128.

Божественная Мудрость и, въ частности, на христіанство старається утвердить взглядъ, какъ только на мость къ теософіи.

Существенно расходясь съ христіанствомъ, теософія весьма близко подходитъ къ религіямъ Индіи и въ частности къ буддизму. Она беретъ отъ него не только термины, но и сущность свою; базируется на немъ не только основами своими, но и выводами съ ихъ подробнымъ разъясненіемъ: для нея Индія не только колыбель зарожденія, но и центръ современнаго теософическаго движенія (въ Адъяръ, предмѣстїи Мадраса, купленъ домъ, который служить съ 1876 г. мѣсто-пребываніемъ Президента Всемирнаго Теософическаго Общества и въ которомъ хранится богатѣйшая библіотека теософовъ).

Теперь ясно, что на поставленный заглавный вопросъ: куда ведетъ теософія? двухъ разныхъ отвѣтовъ не можетъ быть. Теософія и сущностію своего ученія, и цѣлями своего Общества, и подробностями своего быта ведетъ своихъ членовъ вдаль, прочь отъ христіанства,—въ нѣдра древней Индіи, къ буддизму. Мало-по-малу, совершенно незамѣтно, подъ покровомъ раскрытія какой-то эзотерической стороны христіанства, теософія увлекаетъ своихъ членовъ въ тенета буддизма, поселяя вражду и во всякомъ случаѣ уже—непріязнь съ нерасположенностію къ христіанству. Достаточно только прочитатъ рѣчи теософовъ въ С.-Петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ при обсужденіи доклада А. А. Каменской о теософіи и богостроительствѣ¹⁾, чтобы понять истинную сущность теософіи. Недаромъ болѣе проникновенные въ сущность теософіи мыслители не иначе хотятъ именовать теософію, какъ *необуддизмомъ*. Это, дѣйствительно, буддизмъ, да и не новый: если же новый, то только тѣмъ, что проявился въ новой для него части свѣта и при новыхъ европейскихъ условіяхъ жизни и культуры, а поэтому и принявшій нѣсколько новый видъ и новую окраску.

Близость къ религіямъ Индіи, родство съ буддизмомъ главные представители теософіи оправдали самымъ фактомъ. Е. П. Блаватская и д-ръ Генри Олькоттъ перешли въ буддизмъ и умерли буддистами, а здравствующій теперь президентъ Всемирнаго Теософическаго Общества Анни Безантъ

¹⁾ Вѣст. Теософ 1910 г. кн. 2, стр. 62 и слѣд.

вступила въ браманизмъ. И какъ бы наши русскіе теософы, сильно смущаемые этими фактами измѣны вѣры съ предпочтеніемъ христіанству буддизма, не пытались ихъ объяснить и оправдать, факты остаются фактами, а всѣ объясненія ихъ шиты бѣлыми нитками по черному...

Измѣнивъ вѣрѣ христіанской, эти столпы теософій зовутъ и другихъ своихъ послѣдователей прочь отъ Христа Распятаго. Вотъ изъ многихъ два ихъ отзыва о христіанствѣ. По словамъ Блаватской *христіанство—это матеріализмъ*, потому что въ немъ содержится вѣра въ церковные догматы и ученія. По мнѣнію Безантъ—*„быть обращеннымъ въ христіанство—лучше, чѣмъ быть скептикомъ или матеріалистомъ“*.²⁾ Вполнѣ естественно поэтому признаніе Блаватской о самой подлинной, неприкрашенной цѣли теософическаго общества: *„наша цѣль..., чтобы смести христіанство съ лица земли“*²⁾... Вотъ самая настоящая правда и о Теософическомъ Обществѣ и достовѣрнѣйшая характеристика его настоящей фізіономіи. Объяснить эти слова Блаватской какъ-нибудь въ пользу христіанства не дерзнетъ самая смѣлая фантазія и самая благожелательная къ теософамъ логика.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какъ же многіе христіане пребываютъ въ теософическомъ обществѣ и убѣжденно вѣрують въ полную возможность объединенія христіанства съ теософіей?

Дѣйствительно, среди теософовъ есть искренніе христіане. Но это какое-то и, конечно, только временное недоразумѣніе. Эти христіане остаются въ теософическомъ обществѣ потому, что они не продумали еще до конца ни началъ теософій, ни ученія христіанскаго. Они живутъ, увлекаясь новизной своего положенія, захватившими ихъ интересными перспективами и гаданіями теософій и поэтому еще мало критически относясь къ теософическимъ положеніямъ и слѣдуемымъ изъ нихъ выводамъ. Да и христіанство-то для такихъ христіанъ мало вѣдомо.

Вѣдь не для кого не секретъ, что свѣтскіе круги нашего интеллигентнаго общества очень плохо и совсѣмъ неправильно понимаютъ вѣру свою христіанскую. Христіанство для нихъ—это скучный, мертвый школьный Законъ Божій,

²⁾ Кудрявцевъ К. Д. Что такое Теософія. 2 изд. стр. 25.

малопонятные обряды и церемоніи, разныя мудренныя толкованія и строгія предписанія. Церковь—это попы да панихиды, хожденіе въ храмъ да кресты съ поклонами. Неудивительно, что въ такой церкви имъ тяжело и скучно, а съ такимъ христіанствомъ имъ кажется вполне совмѣстнымъ пребываніе въ теософическомъ обществѣ. Но вотъ начнеть у нихъ работать мысль; станутъ они внимательнѣе относиться къ теософіи съ ея тайнами и симпатіями, обратятся къ усвоенію истинной сущности христіанства,—совмѣстимость теософіи съ христіанствомъ для нихъ становится невозможной: или обращеніе къ религіямъ Индіи, или возвращеніе къ подлинной Церкви Христа, или Блаватская, Олькоттъ, Безантъ съ ихъ устремленіемъ на Востокъ или длинный рядъ лицъ, пришедшихъ чрезъ теософію къ Церкви Христовой. (Автору этихъ строкъ немало изъ послѣднихъ лицъ, извѣстно, но по понятнымъ побужденіямъ онъ ихъ указывать здѣсь считаетъ себя не въ правѣ). Теософія можетъ быть самодовлѣющей инстанціей, мѣстомъ долгаго духовно-моральнаго успокоенія и удовлетворенія только для лицъ, мало знающихъ христіанство, нежелающихъ разбираться въ немъ; для остальныхъ она, какъ справедливо выразилась г-жа Писарева въ рел.-философскомъ собраніи Петрограда, *молетъ*, ведущій или къ христіанству, или, что чаще, къ буддизму. Въ этомъ ея подлинное назначеніе и самая прямая цѣль.

Теософы очень часто говорятъ о томъ, что теософія привлекаетъ къ себѣ многихъ безбожниковъ и дѣлаетъ ихъ людьми религіозными. Въ этомъ, дѣйствительно, заслуга ея и отрицать ее было бы большимъ грѣхомъ. Но только потому-то куда этихъ бывшихъ безбожниковъ направляетъ теософія? Хорошо, если они устремляются ко Христу, а если къ Буддѣ? А данныя, которыми теософія можетъ привлекать даже людей невѣрующихъ, у нея есть.

Теперь вся литература—и серьезно-научная, и философски-публицистическая и беллетристика—самымъ категоричнымъ образомъ удостовѣряетъ ³⁾, что безъ Бога человѣкъ жить не можетъ, искра влеченія къ Богу и исканія Его присуща всѣмъ именующимъ себя атеистами. Наука же въ лицѣ луч-

³⁾ Свящ. Чельцовъ М. О вѣрѣ и невѣріи, гл. 2, 3 и дальше.

шихъ своихъ представителей также не менѣ категорично свидѣтельствуеть, что, имѣя своимъ предметомъ только явленія міра опытнаго, она не можетъ браться за разрѣшеніе вопросовъ такъ называемыхъ проклятыхъ, такъ сильно и неотвязно мучающихъ людей, особенно безрелигіозныхъ. Теософія тутъ и является со своими услугами. Она и всѣ вопросы ума человѣческаго обѣщаетъ разрѣшить, и Бога предлагаетъ и при томъ такого, котораго невѣрующему очень не трудно принять.

Богъ теософовъ—это безличная или, какъ любятъ выражаться теософы и что въ общемъ одно и тоже есть, сверхличная Сущность, Принципъ, Міровая Душа. Онъ и Богъ, и въ тоже время Его и нѣтъ: онъ не нѣчто непознаваемое, Онъ не-Бытіе. Онъ распыленъ, проявленъ въ людяхъ, Онъ—братство Атми—Духовъ, т. е. сумма человѣковъ же. Такого Бога и безбожнику легко принять, ибо, принимая Его, онъ въ сущности себя же самого боготворить, что пріятно гордому человѣку и отвѣчаетъ его духовному настроенію.

Да принятіе такого Бога не требуетъ измѣнить, — измѣнить обязательно, безусловно—и жизнь человѣческую. Ученіе о перевоплощеніи позволяетъ надѣяться, что неисправленное, неспасенное теперь доброе, можно совершить въ слѣдующемъ воплощеніи. Эта льгота очень для насъ пріятна; она дѣлаетъ легкою жизнь и легкимъ само наше спасеніе. На этой легкости жизни и спасенія построены, какъ извѣстно, въ значительной степени успѣхъ нашего сектантства; ей же безусловно обязана своимъ распространеніемъ и теософія. Правда, теософія за эту дурную жизнь стращаетъ трудной расплатой въ слѣдующихъ воплощеніяхъ. Но люди больше расположены руководствоваться желаніемъ теперь пожить, какъ имъ хочется, о будущемъ мало беспокоятся.

Облегчая такъ спасеніе, теософія увѣряетъ къ тому же, что какъ бы кто ни жилъ, но въ концѣ концовъ всѣ спасутся. Никакихъ мученій, а тѣмъ болѣе вѣчныхъ и никогда не будетъ. Вотъ это-то и есть для насъ самое пріятное. Какъ ни живи, а ты непременно спасешься: Какъ этимъ не прельститься?

Наконецъ, теософія предлагаетъ разрѣшить, въ самой для человѣка пріемлемой формѣ, всѣ его вѣковѣчные вопросы. Она, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ (гл. III), христіанству

вмѣняетъ въ вину и въ большой недостатокъ, что оно эти вопросы скучно и туманно разрѣшаетъ; сама теперь теософія и старается ихъ разрѣшить съ пріятностію для человѣка, безъ особаго отягощенія его нравственнаго сознанія, и съ видимою, даже научною, обоснованностію. Правда, всѣ построенія и разъясненія теософіи строятся на пескѣ фантазіи ея учителей и „посланницъ“; но видимо они имѣютъ полную стройность и гармоничность... Люди, особенно ищущіе и положительнаго въ душѣ мало имѣющіе, склонны бываютъ увлекаться не столько дѣйствительно обоснованнымъ, сколько гармонично и мило созданнымъ и въ красивыхъ формахъ преподаннымъ.

Если къ этому прибавить проповѣдь нравственной чистоты, самоотверженно-любовой работы на пользу ближнихъ, горячую и видимо искреннюю убѣжденность многихъ видныхъ теософовъ въ истинѣ теософіи, ревностную пропаганду ими теософіи съ очень частыми разъѣздами по заграничнымъ конференціямъ и съ многочисленными докладами и рефератами не только въ нашихъ столицахъ, но и въ провинціи, то мы вполне поймемъ тотъ интересъ, который къ теософіи въ настоящее время наблюдается какъ у насъ на Руси, такъ и за границей, и тотъ сравнительно быстрый ростъ, какой теософія проявляетъ.

Но сами же теософы не могутъ замѣчать и того для нихъ непріятнаго обстоятельства, что золотая пора для теософіи, повидимому, миновала, что брезжитъ заря новыхъ движеній, исканій, а за ними раздѣленій, въ самой теософіи; неудовлетворенныхъ среди теософовъ началами теософіи становится все болѣе и болѣе; критика появилась внутри самаго ядра теософическаго и критика рѣзкая...

Въ теософіи много еще тайнаго и не открытаго даже простымъ членамъ-теософамъ. Свѣтъ критики и самокритики начинаетъ попадать и въ эту область, и въ теософическомъ обществѣ начинаютъ намѣчаться разныя направленія и проявляется расколъ. Чѣмъ болѣе будутъ изучать теософію и писать о ней, тѣмъ яснѣе будетъ ея подлинная сущность и скорѣе откроется ея истинная личность, и тогда тѣмъ скорѣе закончится интересъ къ теософіи.

Священникъ **Михаилъ Чельцовъ.**

Попытки привлеченія астрономіи къ дѣлу борьбы съ Библіей.

По поводу книгъ Н. Морозова: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ (3-е изданіе, Москва 1910 г.) и „Пророки“ (Москва 1914 г.).

Библія, какъ откровенное слово Божіе, имѣетъ весьма многочисленныхъ враговъ не только въ видѣ отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ школъ, направленій, прочно обосновавшихся въ западно-европейской наукѣ. Борцы съ Библіей стараются придать своимъ сочиненіямъ солидную научную видимость, свои отрицательныя сужденія скрѣпить и подкрѣпить цѣлымъ рядомъ тщательныхъ изслѣдованій, которыя, естественно, должны вращаться, главнымъ образомъ, въ области историко-филологической. Нынѣ мы видимъ на русской почвѣ выступленіе противъ Библіи не съ исторіей и филологіей, а съ астрономіей въ рукахъ: это фантастическія произведенія Н. Морозова, направленные противъ Апокалипсиса и ветхозавѣтныхъ пророческихъ книгъ. Ни къ какой отрицательной противо-библейской школѣ Морозовъ не принадлежитъ, съ относящейся къ Апокалипсису и пророческимъ книгамъ многовѣковой литературой не знакомъ, исторію и филологію онъ игнорируетъ. Выступая противъ Библіи съ астрономическимъ методомъ, онъ прецедноситъ читателю свои работы, такъ сказать, кустарнаго производства, съ удивительною смѣлостію, при этомъ выдавая свои выводы за научныя открытія, до которыхъ онъ, подобно гоголевскому Амосу Ѳедоровичу, „самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ“. Первое произведеніе Морозова—„Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, появившееся въ 1907 году, одинъ изъ критиковъ называлъ *недоразумѣніемъ* въ научномъ отношеніи¹⁾; другой критикъ

¹⁾ Эрнъ В. Ф. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. „Богосл. Вѣстн.“ 1907, стр. 289.

по поводу появившихся въ этомъ году „Пророковъ“ Морозова говорить, что это „профанація науки вредная въ самомъ полномъ смыслѣ слова“¹⁾; прибавимъ отъ себя, что если первая книга Морозова была въ научномъ отношеніи *недо-разуми́емъ*, допускающимъ для автора нѣкоторое извиненіе, то появленіе чрезъ семь лѣтъ другой подобной же книги нельзя иначе назвать, какъ *нахальствомъ* въ научномъ отношеніи, или же *психопатическимъ* явленіемъ.

Если автора опыянилъ успѣхъ распространенія его „Откровенія“, для котораго въ первое же полугодіе послѣ его напечатанія потребовалось второе изданіе, а въ 1910 г.—третье; то не могъ же онъ закрывать глаза на сразу же указанное критикою не только ничтожное, но прямо отрицательное въ научномъ отношеніи значеніе его книги, а также и на указанную истинную причину ея быстрого распространенія:—это состраданіе и интересъ къ лицу, проводшему *двадцать лѣтъ въ заключеніи*. „Общество чтить въ немъ страдальца, борца за идею (писалъ тогда одинъ критикъ). Отсюда понятенъ необыкновенный интересъ къ его книгѣ. Но отъ сочувствія къ человѣку, которому выпалъ исключительный жребій оставшагося въ живыхъ мученика, до научнаго признанія высказанныхъ имъ мыслей цѣлая пропасть... И горе тому обществу, которое можетъ серьезно признавать такіе незрѣлые плоды мысли, какъ „Откровеніе въ грѣзѣ и бурѣ“. Этимъ признаніемъ оно выноситъ себѣ приговоръ въ умственномъ несовершеннѣйшій“²⁾. Но никакая критика Морозова не остановила и не образумила. Самъ изумленный своимъ открытіемъ относительно Апокалипсиса и недоумѣвающимъ, какъ до него никто изъ многочисленныхъ изслѣдователей этой книги не могъ ее понять („Откровеніе“ стр. 131), Морозовъ идетъ далѣе и примѣняетъ свой астрономическій методъ къ книгамъ пророческимъ, развязно называя свои бредни „научно-критическимъ разборомъ“. Таковъ апломбъ невѣжества.

„Научныя“ работы Морозова шли такимъ путемъ. Онъ сдѣлалъ извѣстнаго рода вычисленія относительно положенія планетъ, или картины неба, за 30 сент. 395 г.; его вычисле-

1) Львовъ С. „Пророки“, въ „Голосѣ Москвы“ 1914 г. за 4 мая.

2) Эрнъ. Цит. ст., стр. 310—311.

нія провѣренны астрономами-спеціалистами и найдены правильными. Какое это имѣетъ отношеніе къ Апокалипсису, это мы скажемъ потомъ. Одобреніе вычисленій, сдѣланныхъ Морозовымъ, вскружило ему голову и онъ вообразилъ себя не только, допустимъ, и порядочнымъ математикомъ-астрономомъ, но и геніальнымъ экзегетомъ, критикомъ-филологомъ, которому суждено приходить къ „совершенно неожиданнымъ результатамъ“ въ дѣлѣ изслѣдованія библейскихъ книгъ. И вотъ, съ полнымъ игнорированіемъ научныхъ методовъ, требованій логики, относящейся къ вопросу литературы, и съ болѣе чѣмъ сомнительными филологическими познаніями, Морозовъ, вѣдѣ за выпускомъ „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, выпускаетъ своихъ „Пророковъ“, готовя, вѣроятно, и еще что-либо къ выпуску въ томъ же родѣ; такъ какъ „научный“ талантъ Морозова растетъ и развивается съ завидной быстротой.

Въ 1907 году Морозовъ сознается въ своемъ почти полномъ незнаніи древне-еврейскаго языка („Откровеніе“, 2-е изд., стр. X); въ 1914 году онъ уже мнитъ себя такимъ знаткомъ этого языка, что предъ нимъ меркнутъ труды цѣлыхъ сотенъ ученыхъ, посвятившихъ тщательному и детальному изученію этого языка десятилѣтія своей жизни. Объявляя „рабски-подстрочные“ переводы подлинниковъ „ни на что негодными“ („Откровеніе“ стр. 31—32), Морозовъ въ „Пророкахъ“ даетъ свой „популяризаціонный“ переводъ съ еврейскаго языка пророческихъ книгъ. Чтобы сдѣлать этотъ переводъ „годнымъ“ для его цѣлей, Морозовъ подвергаетъ библейскій текстъ самымъ безцеремоннымъ операціямъ. Онъ озабоченъ цѣлю дать читателю „толковое и литературно написанное изложеніе по еврейскому тексту, чтобы можно было прочесть его отъ начала до конца, не спотыкаясь на каждомъ шагѣ о многословіе, дурной слогъ и не относящіяся къ дѣлу вставочныя фразы“. („Пророки“, стр. 148). А для этого онъ переводитъ не всю книгу того или другого пророка, а „со значительными сокращеніями“, заявляя, что все выпущенное имъ въ его изложеніи есть лишь „средневѣковая діалектика, только заслоняющая реальный смыслъ основного ядра книги, нарочно очищеннаго здѣсь мною отъ налипшей на него сухой и безвкусной скорлупы временъ“ („Пророки“, стр. 166). Отсутствіе въ какихъ либо мѣстахъ

пророческихъ книгъ астрономическихъ аллегорій заставляеть Морозова видѣть въ такихъ мѣстахъ „явно вставочный, позднѣйшій характеръ“ и совѣмъ ихъ выпускать, какъ „очень позднюю средневѣковую вставку“ (тамъ же, стр. 200). Достается отъ Морозова и переписчикамъ-корректорамъ, которые „не понимая астрологическаго смысла мѣста“, ставили тамъ множественное число, гдѣ Морозову нужно единственное (тамъ же, стр. 244);—и переводчикамъ за то, что они, напр., относятъ слова пророка (Захар. гл. 9. ст. 3 и далѣе) къ городу Тиру, а не къ какому-то тирану, какъ хотѣлось бы Морозову; интересно при этомъ, что онъ, не понимая въ словахъ пророка столь часто употребляемаго въ рѣчи приема—олицетворенія, дѣлаетъ такое дѣтски-наивное проищеское замѣчаніе: „вѣдь, городъ не имѣетъ ногъ, чтобы ходить въ чужія жилища!“ (Тамъ же, стр. 159). Чтобы показать, какихъ успѣховъ самъ Морозовъ достигъ въ изученіи еврейскаго языка, достаточно отмѣтить, что онъ въ книгѣ пророка Іезекіиля (гл. 38, ст. 2—3) напелъ указаніе на Московскую Русь, несуществовавшую даже въ V вѣкѣ по Р. Х., къ каковому времени Морозовъ относитъ написаніе этой книги. Сдѣланный Морозовымъ переводъ: „вотъ, я иду на тебя, Гуннь, властелинъ Руси Московъ“—поразилъ и самого Морозова, и онъ находитъ, что „упоминаніе о Руси Московъ здѣсь всего загадочнѣе“ (тамъ же, стр. 102—103). Загадочность эта совершенно просто объясняется невѣжествомъ Морозова въ области древне-еврейскаго языка¹⁾. Критиками Морозовскаго „Откровенія“ были указаны столь же блестящія его познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Такъ, напр., дѣлая самый невѣжественный переводъ латинскаго слова „alumna“ въ фразѣ Тертуліана: *habemus et Ioannis alumnas ecclesias* (мы имѣемъ и церкви, питомицы Іоанна), онъ свое невѣжество приписываетъ безграмотству средневѣковыхъ переписчиковъ и на этомъ основаніи построяетъ свой выводъ о подложности этого мѣста изъ Тертуліана („Откровеніе“, стр. 315). Греческое слово *ἀρνίον*, означающее въ Апокалипсисѣ агнца, Морозовъ переводитъ—„бѣлое облачко—бара-

¹⁾ Самое слово „еврей“ Морозовъ переводитъ—испанецъ-ибериецъ („Пророки“, стр. 292); а 10 колѣнъ Израиля въ Палестинѣ—это лишь астрологическая аллегорія (стр. 275).

шекъ“ („Откровеніе, стр. 50), хотя все содержаніе Апокалипсиса подъ агнцемъ совершенно ясно изображаетъ Христа закланнаго (Апок. гл. 5, ст. 6, 12; гл. 6, ст. 16; гл. 7, ст. 9—10, 14, 17 и проч.), чѣмъ рѣшительно опровергается навязываемое Морозовымъ слову *ἀγρίον* метеорологическое и астрономическое значенія, какъ неумѣстныя въ данномъ текстѣ.

Съ текстомъ вообще Морозовъ не любитъ стѣсняться и въ другомъ мѣстѣ слова *Τὰ ἔθνη*—народы онъ [замѣняетъ словами *Τοὺς ὄφεις*—змѣй („Откровеніе“, стр. 79), благодаря чему въ Апокалипсисѣ появляется „Геркулесъ“ (созвѣздіе), который долженъ пасти всѣхъ змѣй желѣзной дубиной“.

Понятно, что съ такими приемами, съ какими Морозовъ оперируетъ надъ библейскимъ текстомъ, съ его филологической эрудиціей, въ любомъ сочиненіи можно найти, что угодно. И одинъ изъ критиковъ, пользуясь „научными“ методами Морозова, показалъ, что даже въ баснѣ Крылова—„Лебедь, Щука и Ракъ“ можно видѣть космическій смыслъ, такъ какъ есть созвѣздія лебедя, рыбы, рака и возникшаго; и на этомъ основаніи отрицать существованіе самого Крылова, а написаніе басни относить за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры¹⁾.

Было бы слишкомъ неблагодарной работой подвергать подробному научному разбору книги Морозова. Это значило бы стрѣлять по воробьямъ изъ пушки. И потому мы ограничимся по отношенію къ его произведеніямъ указаніемъ лишь самаго главнаго, обнаруживающаго ихъ ничтожное значеніе, сплошную ложь.

Морозовъ выступаетъ противъ Слова Божія съ острымъ и безпощаднымъ оружіемъ—астрономіей, математикой; но оружіе это оказывается безсильнымъ: оно не находитъ мѣста въ Словѣ Божіемъ для нанесенія удара. Выбранное для этого Морозовымъ мѣсто указано имъ совершенно неправильно, а отсюда цѣлый рядъ совершенно неправильныхъ выводовъ и въ заключеніе—зданіе не только построенное на пескѣ, но прямо висящее въ воздухѣ—блестящій, но обманчивый миражъ; что совершенно ясно подтверждается и богатой, относящейся къ вопросу, литературой. Вся слабость нападенія Морозова заключается въ томъ, что онъ неопро-

¹⁾ Львовъ С. Цит. ст.

вержимые выводы математики хотеть сдѣлать столь же неопровержимыми и для филологин; то, что имѣеть силу и значеніе въ одной области, онъ хотеть примѣнить съ такимъ же успѣхомъ въ другой. Сущность „научныхъ“ построеній Морозова заключается въ томъ, чтобы показать, что Апокалипсисъ написанъ не въ I вѣкѣ по Р. Х., а послѣ 395 г., а книги пророковъ—Исаи, Іереміи, Іезекіиля, Даниіла и Захаріи—не за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр., а послѣ Апокалипсиса—въ V вѣкѣ по Р. Хр. Понятно, что, коль скоро Морозову удалось бы это доказать, то вмѣстѣ съ тѣмъ отпалъ бы и всякій вопросъ о богодухновенности этихъ книгъ, что составляетъ одно изъ важнѣйшихъ ученій Церкви. Отсюда видно, какъ глубоко и далеко направлены преслѣдуемая Морозовымъ разрушительныя цѣли. Первая позиція, съ которой Морозовъ выступаетъ противъ ученія Церкви, позиція прочная; это—астрономическимъ путемъ установленное расположеніе планетъ, которое было видимо съ острова Патмоса 30 сентября 395 г. Противъ этой позиціи—математическо-астрономической—защитнику Апокалипсиса нѣтъ никакой надобности и выступать; и мы можемъ повѣрить Морозову на слово, безъ требованія отъ него такъ предупредительно предлагаемыхъ имъ удостовѣреній астрономовъ М. М. Каменскаго и Н. М. Ляпина („Откровеніе“, стр. 135), что, дѣйствительно, 30 сент. 395 года планета Юпитеръ находилась въ созвѣздіи Стрѣльца, а планета Сатурнъ въ созвѣздіи Скорпіона („Откровеніе“, стр. 145). Но на этомъ математика, со всею ея неумолимой неопровержимостью, и оканчивается. Чтобы связать ее съ Апокалипсисомъ, Морозову приходится строить уже мостъ филологическій, къ чему математическіе законы приложенія имѣть не могутъ. Образчики филологическихъ приемовъ и познаній Морозова мы уже указали. Съ такимъ научнымъ багажомъ Морозовъ и строить мостъ для перехода изъ области астрономіи въ область Апокалипсиса. Для этого онъ беретъ изъ 6-й главы Апокалипсиса 8 и 2 стихи и утверждаетъ, что въ этихъ стихахъ именно говорится о бывшемъ 30 сентября 395 года нахожденіи Юпитера въ Стрѣльцѣ, а Сатурна въ Скорпіонѣ, чѣмъ и опредѣляется время написанія Апокалипсиса. Вотъ эти стихи: „я взглянулъ, и вотъ конь бѣдный, и на немъ всадникъ, которому имя смерть“ (ст. 8); „я

взглянуть, и вотъ, *конь бѣлый, и на немъ всадникъ, имѣющій лукъ*“ (ст. 2). Никакой математикой нельзя доказать, что здѣсь идетъ рѣчь о Сатурнѣ, Юпитерѣ, Скорпионѣ и Стрѣльцѣ; а, слѣдовательно, отпадаетъ вся острота и неотразимость того оружія, съ какимъ Морозовъ нападаетъ на ученіе Церкви о времени написанія Апокалипсиса. Съ устанавливаемой Морозовымъ датой написанія Апокалипсиса—послѣ 30 сент. 395 г.—содержаніе Апокалипсиса можно связать лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что во 2 и 8 стихахъ 6-й главы Апокалипсиса подъ бѣлыми и бѣлыми конями и ихъ всадниками разумѣются планеты Юпитеръ и Сатурнъ и созвѣздія—Стрѣлецъ и Скорпионъ; единственный путь для такого доказательства—филологическій; это уже вопросъ экзегетики, а не астрономіи; и то, что астрономіей установлено, какъ безспорный фактъ, для острова Патмоса и положенія надъ нимъ планетъ 30 сентября 395 г., совершенно ничтожно по отношенію къ Апокалипсису, если онъ не является астрономической или астрологической книгой, какъ это хочется Морозову. А что это книга астрологическая, это Морозовъ доказываетъ однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся у него доказательствъ—верченіемъ въ закодированномъ кругу (*circulus vitiosus*): Апокалипсисъ книга астрологическая, потому что наполнена астрологическими названіями, образами и картинами явленій; встрѣчающіяся въ Апокалипсисѣ названія, образы, и картины явленій суть астрологическія, потому что Апокалипсисъ книга астрологическая. Примѣняя такой способъ доказательства къ самому Морозову, мы можемъ говорить: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“—вздорная книга, потому что написана Морозовымъ; а Морозовъ—авторъ вздорныхъ книгъ, потому что имъ написано „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Едва ли такая аргументація будетъ по-вкусу Морозову. Но повѣримъ на время Морозову, что Апокалипсисъ книга астрологическая. Предъ нами возникаетъ новый вопросъ: почему въ упомянутыхъ стихахъ Апокалипсиса (гл. VI, ст. 8 и 2) подъ конями и всадниками мы должны разумѣть планеты и созвѣздія, если въ астрологін такой символики не встрѣчается? ¹⁾). На этотъ

¹⁾ Н. Брюлова. Къ вопросу о датировкѣ Апокалипсиса. „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1907, стр. 417.

вопросъ Морозовъ также не даетъ и не можетъ дать отвѣта. Поидемъ далѣе на встрѣчу Морозову и обратимъ вниманіе уже не на коней и всадниковъ, а на ихъ цвѣта—бѣлый (*λευκός*) и блѣдный (*χλωρός*), такъ какъ въ астрологiи всякая планета имѣла свою окраску. Здѣсь мы опять наталкиваемся на вопросъ, совершенно оставляемый Морозовымъ безъ всякаго рѣшенія: почему изъ двухъ системъ астрологiи—халдейской и Птолемея—мы должны отдать предпочтеніе одной, а не другой? А между тѣмъ, это далеко не безразлично, такъ какъ каждой системѣ цвѣта для планетъ указываются неодинаковые: по системѣ Птолемея, цвѣтъ Юпитера бѣлый, а Сатурна—мертвенно-сѣрый (блѣдный); но по халдейской—Юпитеръ — свѣтло-красный, а Сатурнъ — черный ¹⁾. Вообще Морозовъ въ толкованіи астрологическихъ терминовъ руководствуется не какой-либо изъ существующихъ астрологическихъ системъ, а своей собственной; почему въ его толкованіяхъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются совершенно произвольныя отступленія отъ упомянутыхъ системъ: онъ приписываетъ имъ то, чего въ нихъ совершенно нѣтъ и о чемъ онъ не говорятъ ни слова: апокалипсическую жену онъ отождествляетъ съ „Дѣвой“, смерть со Скорпіономъ, адъ—съ Козерогомъ и Водолеемъ, Марса называетъ чернымъ и т. д. ²⁾.

Центръ тяжести Морозовской полемики противъ Апокалипсиса заключается въ томъ, что въ видѣніяхъ писателя Апокалипсиса блѣдный конь—планета Сатурнъ, а бѣлый—планета Юпитеръ. Что это такъ, Морозовъ доказать не можетъ; не можемъ же мы вѣрить ему на-слово только потому, что въ „его головѣ съ дѣтства накопился большой запасъ облаковъ“ („Откровеніе“, стр. 16) и что онъ „всегда чувствовалъ къ облакамъ какое-то родственное влеченіе“ (тамъ же, стр. 17). Ну, а если бѣлый и блѣдный кони не Юпитеръ и Сатурнъ; то какое основаніе имѣетъ Морозовъ приписывать Апокалипсису свои облачныя видѣнія трубныхъ вѣстниковъ, многоголовыхъ звѣрей, танцующихъ жабъ и т. под. („Откровеніе, стр. 23—25). Рѣшительно никакого.

Такимъ образомъ, рѣшительно ничѣмъ Морозовъ не можетъ увѣрить насъ, что во 2 и 8 стихахъ 6 главы Апока-

¹⁾ Тамъ же, стр. 417.

²⁾ Тамъ же, стр. 417—418.

лишенца говорится о бывшемъ 30 сент. 395 г. нахожденіи Юпитера въ Стрѣльцѣ, а Сатурна въ Скорпіонѣ, что яко-бы наблюдалъ авторъ Апокалипсиса, находясь на островѣ Патмосѣ. А если это такъ, то рѣшительно и нѣтъ никакихъ основаній связывать указанную дату съ временемъ написанія Апокалипсиса; и вся грозная математическо-астрономическая мина, подведенная Морозовымъ подъ Апокалипсисъ, не достигаетъ никакой цѣли, какъ совершенно не имѣющая никакой точки соприкосновенія съ дѣйствительнымъ Апокалипсисомъ, а не Морозовскимъ.

Съ паденіемъ Морозовской датировки времени написанія Апокалипсиса, сама собою падаетъ и его датировка для пророческихъ книгъ, указываемая въ его второй книгѣ — „Пророки“; такъ какъ книги пророковъ, по утверженію Морозова, являются лишь „расширеннымъ вольнымъ изложеніемъ Апокалипсиса“ (стр. 128), его „эхомъ“ (стр. 167), „крайнимъ захуданіемъ всѣхъ его талантливыхъ аллегорій“ (стр. 176), „простымъ подражаніемъ ученика его учителю“ и т. под. А коль скоро не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго и разумнаго значенія основной Морозовскій тезисъ, что Апокалипсисъ написанъ около 395 г., то этимъ самымъ устанавливается полное ничтожество его обѣихъ книгъ, могущихъ представлять интересъ лишь чисто отрицательный: до какихъ абсурдовъ могутъ доходить „замышляющіе тицетное и возстающіе на Господа и на Христа Его“ (Псал. II, 1—2). Въ произведеніяхъ Морозова апокалипсическія и ветхозавѣтныя пророческія видѣнія и рѣчи превращаются въ рядъ картинъ астрономическаго и метеорологическаго характера. Вдохновенное, возвышенное и полное таинственности слово пророковъ и апостола превращается въ бюллетень о погодѣ и положеніяхъ планетъ и созвѣздій.

Не лишены своеобразнаго интереса тѣ „научные“ приемы, которыми Морозовъ старается расположить читателя къ довѣрію ему и его книгамъ. Сдѣланное имъ относительно Апокалипсиса „поразительное открытіе“ („Откровеніе“ стр. 131; „Пророки“ стр. 252), ускользавшее отъ вниманія множества ученыхъ въ теченіе 15-ти столѣтій, онъ объясняетъ, отчасти, тѣмъ, что на долю его „выпало большое счастье“, давшее ему возможность хорошо понимать душу прошлыхъ поколѣній: его „голова съ дѣтства была переполнена раз-

сказами суевѣрныхъ, первобытныхъ нянекъ“! („Откровеніе“, стр. 5). Чтобы читатель „ни на минуту не забывалъ“ объ астрономическомъ фонѣ, на которомъ написаны пророческія книги, Морозовъ иллюстрировалъ своихъ „Пророковъ“ астрологическими картинами, фигурами созвѣздій и другими рисунками и „распредѣлилъ ихъ повсюду“, въ чемъ самъ и сознается („Пророки“, стр. 8). Жаль только, что онъ не добавляетъ, почему онъ, стремясь напустить въ голову читателя побольше астрологическаго тумана, помѣщаетъ въ своей книгѣ рисунки изъ 15, 16 и 17 столѣтій, а не изъ 5-го, къ которому онъ относитъ („Пророки“, стр. 7) написаніе пророческихъ книгъ на астрологическомъ фонѣ? Или разница въ тысячу съ лишнимъ лѣтъ ничего не значить?

Нерѣдко Морозовъ, за неимѣніемъ аргументовъ, просто ограничивается патетическими обращеніями къ здравому смыслу читателя („Пророки“, стр. 10, 175, 241, 248 и проч.). Этому же читателю онъ жалуется и на то, что ему, какъ „современному безпристрастному изслѣдователю“, для разбора пророковъ, пришлось „спеціально изучать древне-еврейскій языкъ, безъ котораго совершенно невозможно расшифровать ихъ содержаніе“ („Пророки“, стр. 166). И, вѣроятно, въ качествѣ результатовъ такого изученія, какъ нѣчто поразительное, сообщаетъ, что имена пророковъ Іезекіиля, Захаріи, Іереміи, Даніила и Исаи имѣютъ значенія: „осилить Богъ, помнитъ Грядущій“ и т. д. („Пророки“, стр. 50, 150, 180, 208 и 226); какъ будто кто-либо могъ думать, что имена суть бессмысленный наборъ буквъ. Изъ своего столь „поразительнаго“ открытія относительно именъ пророковъ Морозовъ выводитъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, что это не имена людей, а заглавія книгъ, авторы которыхъ не извѣстны. Изъ самыхъ произведеній этихъ авторовъ онъ беретъ лишь, то, чему такъ или иначе можно дать астрономическо-метеорологическое объясненіе. Все остальное, надъ чѣмъ нельзя произвести желательной Морозову метаморфозы, или что явно обнаруживаетъ нелѣпость Морозовскихъ толкованій, выбрасывается, какъ ненужный хламъ. Поэтому въ „Пророкахъ“ Морозова мы видимъ не писанія пророковъ (хотя-бы и ложно перетолковываемыя), но лишь отрывки изъ этихъ писаній, надерганные подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и насильственно подтасованные. Такъ, изъ 48 главъ пр. Іезе-

кінця у Морозова имѣется только 25, причемъ изъ нѣкоторыхъ главъ берется два-три стиха; изъ 14 главъ пр. Захаріи — 10, также съ выборомъ стиховъ; изъ 52 главъ Іереміи — берутся и своеобразно распредѣляются отрывки главъ 10 — 12; изъ 14 главъ пр. Даніила — 4 главы; изъ 66 главъ пр. Исаи — отрывки изъ 22—23. Съ этой книгой Морозову особенно не повезло: „не смотря на самыя тщательныя (орфографію его сохраняемъ) поиски“, говоритъ онъ, „ему не удалось пока обнаружить въ ней отчетливыхъ астрологическихъ указаній на годъ ея составленія“; но тѣмъ не менѣе, „десятки отдѣльныхъ фразъ, разсыпанныхъ по различнымъ ея главамъ, и самые сюжеты нѣкоторыхъ главъ“ приводятъ Морозова къ заключенію, что „въ ея послѣ-апокалиптическомъ происхожденіи сомнѣваться невозможно“ („Пророки“, стр. 227).

Такимъ образомъ, въ книгахъ Морозова мы имѣемъ дѣло не съ Апокалипсисомъ и пророческими ветхозавѣтными писаніями, а съ тенденціозно надерганными, безъ всякаго основанія, совершенно ложно, астрономическо-метеорологически истолкованными отрывками изъ этихъ книгъ. Устанавливаемая такимъ способомъ датировка времени написанія этихъ книгъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только самою невѣжественною, или умышленно-недобросовѣстною ложью, что подтверждается и литературою — множествомъ сочиненій древнихъ писателей, фізіологіей и исторіей.

Языкъ каждаго живого народа не есть нѣчто неподвижное, затвердѣвшее въ разъ навсегда отлившихся формахъ: онъ живетъ, претерпѣваетъ различныя перемѣны, усовершенствовывается, или подвергается порчѣ въ своихъ проявленіяхъ. Это даетъ возможность ученымъ лингвистамъ (разумеется, не такимъ скороспѣлымъ, какъ Морозовъ) по языку сочиненія опредѣлять время его написанія. Мы не станемъ много распространяться на эту тему относительно пророческихъ книгъ и Апокалипсиса. Укажемъ только, что книга пророка Исаи по своему языку является наиболѣе полнымъ и яснымъ образцомъ богатства, чистоты и выразительности еврейскаго языка и, слѣдовательно, никомъ образомъ не могла быть написана даже послѣ плѣна вавилонскаго, сильно повредившаго еврейскій языкъ¹⁾. Относительно языка Апо-

¹⁾ Троицкій П. Г. Библейская археологія. СПБ. 1913. Стр. 204.

каллиписса приведемъ мнѣніе Э. Ренана, котораго и самъ Морозовъ въ пристрастіи къ священнымъ книгамъ, вѣроятно, обвинять не рѣшится. „Нѣтъ никакого сомнѣнія“, говоритъ онъ (въ своемъ „Антихристѣ“, стр. 22), „что Апокалипсисъ написанъ по гречески; но этотъ слогъ какъ бы списанъ съ еврейскаго, продуманъ по-еврейски; можетъ быть понять и прочувствованъ только тѣмъ, кто знаетъ еврейскій языкъ. Авторъ знакомъ съ греческой версіей священныхъ книгъ; но отдѣльные отрывки изъ библейскихъ произведеній стоятъ предъ его глазами въ еврейскомъ текстѣ“²⁾. Столь сильное еврейское вліяніе на византійскаго писателя самаго конца 4-го вѣка (этимъ писателемъ Апокалипсиса Морозовъ считаетъ св. Іоанна Златоуста) является совершенно дѣломъ немыслимымъ, грубѣйшимъ анахронизмомъ.

Такъ какъ Морозовъ писателемъ Апокалипсиса считаетъ св. Іоанна Златоуста, то ему можно было бы посовѣтовать приложить свою „богатую“ лингвистическую эрудицію къ сравненію языка Апокалипсиса съ языкомъ твореній Златоуста; но съ этой стороны Морозовъ неуязвимъ: все, что говоритъ противъ него, онъ безапелляціонно объявляетъ подложнымъ. Въ его „Откровеніи“ глава, гдѣ онъ приводитъ свидѣтельства древнихъ писателей противъ его теоріи, такъ и озаглавлена: „Старинныя книги, подложность, или анахронизмъ, которыхъ обнаруживается астрономическимъ опредѣленіемъ появленія Апокалипсиса“ (стр. 313).

Но, разумѣется, голословное объявленіе подложнымъ всего того, что намъ не нравится, никого убѣдить не можетъ; и съ этимъ Морозовскимъ приѣмомъ можно зайти очень далеко и отрицать рѣшительно все, что намъ сохранила древность, и вращаться въ безвыходномъ кругу подлоговъ. Морозову, скажемъ, не нравятся два-три сочиненія; онъ объявляетъ ихъ подложными. Но на эти сочиненія встрѣчаются ссылки въ десяткѣ другихъ сочиненій, Морозовъ и эти объявляетъ подложными; на этотъ десятокъ имѣются указанія уже въ сотнѣ другихъ и эти подложныя. Въ концѣ концовъ могутъ оказаться дѣйствительно научными, а не подложными, только произведенія самого Морозова.

²⁾ Эрнъ В. Цит. ст., стр. 297.

Мы, конечно, не можемъ раздѣлять съ Морозовымъ его взглядъ на подложность древней литературы, потому прислушаемся къ ея голосу, особенно, относительно Апокалипсиса, такъ какъ пророческія книги, по Морозову, написаны уже послѣ Апокалипсиса и въ тѣсной зависимости отъ него.

Древняя литература даетъ намъ длинный рядъ свидѣтельствъ о существованіи Апокалипсиса уже изъ I и II вѣковъ. Такъ, изъ I вѣка цитаты изъ Апокалипсиса встрѣчаются въ посланіи Климента Римскаго къ Коринѳянамъ и въ „Пастырѣ“ Ерма; изъ II вѣка: у Поликарпа Смирнскаго, Папія Іерапольскаго, Игнатія Богоносца, Іустина Философа, Поликрата еп. Ефесскаго, Мелитона Сардійскаго, Теофила Антиохійскаго, Аполлонія Малоазійскаго, Иринея Ліонскаго и, наконецъ, въ такъ наз., Мураторіевомъ спискѣ каноническихъ книгъ¹⁾, Укажемъ еще изъ III вѣка Климента Александрійскаго, Тертулліана и Оригена, противъ которыхъ Морозовъ выступаетъ съ опроверженіями въ приложеніи къ своему „Откровенію“ (стр. 315—320).

Что касается дискредитируемыхъ Морозовымъ пророческихъ книгъ, то существованіе ихъ за цѣлые вѣка раньше назначаемого Морозовымъ времени написанія ихъ подтверждается безконечнымъ рядомъ свидѣтельствъ: священныхъ ново-завѣтныхъ книгъ, особенно — Евангелій, свѣтскихъ писателей — Филона и Іосифа Флавія, отцовъ Церкви и церковныхъ писателей первыхъ четырехъ вѣковъ и т. д.²⁾, а также — переводами — греческимъ LXX, сирскимъ, отчасти — Θεοδοτία, латинскимъ, таргумомъ Іоаннана³⁾ и проч.

Какъ же защищается Морозовъ противъ такого множества свидѣтелей, обличающихъ его ложь? Понятно, что о серьезной защитѣ не можетъ быть и рѣчи: она немыслима, И Морозову приходится такъ и сякъ изворачиваться въ на-

1) Гамолко Н. Каноническое достоинство Апокалипсиса. Св. Ап. Іоанна Богослова по свидѣтельству церковнаго преданія I—II вѣка. „Христ. Чт.“ 1913, февраль—мартъ.

2) Юнгеровъ П. Частное историко-критическое введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги. Казань. 1907. Вып. II, стр. 51, 69, 85, 106 и 113.

3) Вигуру Ф. Руководство къ чтенію и изученію Библии. Ветхій Завѣтъ, т. I. Переводъ В. В. Воронцова. Москва 1897. Стр. 44, 115, 123, 133, 139 и 148.

деждѣ, что найдутся такіе читатели (разумѣется, враги Слова Божія), которые *захотятъ повѣрить* его голословнымъ утвержденіямъ и его авторитету.

Прежде всего, сочиненія древнихъ писателей не заслуживаютъ довѣрія Морозова потому, что эти сочиненія онъ видѣлъ лишь въ изданіяхъ 16 — 17 вѣковъ, не древнѣе. Удивительная непослѣдовательность! А, вѣдь, самъ Морозовъ въ книгу своихъ „Пророковъ“, вмѣсто картинъ изъ V вѣка, вставляетъ картины изъ книгъ 15 — 16 вѣковъ и придастъ этимъ картинамъ огромную цѣнность.

Такъ называемый, Синайскій кодексъ священныхъ книгъ, относимый учеными къ IV вѣку по Р. Хр., вызываетъ недовѣріе Морозова удовлетворительнымъ состояніемъ своихъ внутреннихъ листовъ: вѣдь „монахи, которые имъ пользовались, считали за подвигъ благочестія никогда въ жизни не мыться, а книги часто роняли на полъ, хватая, какъ попало, и употребляя на покрывку сосудовъ“ („Пророки“, стр. 258—259). Откуда Морозову извѣстно, что таково именно было обращеніе съ Синайскимъ кодексомъ?

Относительно сочиненій св. Иринея Ліонскаго Морозовъ сознается, что въ нихъ „ссылки на нашъ библейскій Апокалипсисъ обильны и никакъ не могутъ быть объяснены вставками средневѣковыхъ корректоровъ и дополнителей“ („Откровеніе“, стр. 318). Это обстоятельство располагаетъ Морозова заняться „историко-лингвистическими соображеніями“; но тутъ на выручку является Гарнакъ, который яко-бы опередилъ Морозова и доказалъ, что книга Иринея подложна и написана не ранѣе начала V вѣка („Откровеніе“, стр. 318). Однако, цитатъ изъ сочиненій Гарнака Морозовъ предусмотрительно не приводитъ: авось, ему повѣрятъ и на слово. Тѣ же, которые захотятъ провѣрить ссылку Морозова, найдутъ, что Гарнакъ въ своей „Хронологіи древне-христіанской литературы“ (Die Chronologie d. altchristliche Literatur bis Eusebius) ни слова не говоритъ о томъ, что сочиненіе св. Иринея „Пять книгъ противъ ересей“ написано не во II, а въ V вѣкѣ; мало того, въ одной изъ лучшихъ исторій древне-христіанской литературы—Bardenhewer'a (Geschichte d. altkirchlichen Litteratur) изъ главы о сочиненіяхъ Иринея можно видѣть, что и вообще въ критической литературѣ

нѣтъ ничьихъ отдѣльныхъ, частныхъ мнѣній объ отнесеніи „Пяти книгъ“ Иринея къ V вѣку¹⁾.

Но шедевръ защиты Морозова противъ сочиненій, обличающихъ его датировку Апокалипсиса и Пророковъ, составляетъ объявленіе этихъ сочиненій подложными на основаніи той же Морозовской датировки, которую они опровергаютъ. Такъ про одно мѣсто изъ сочиненій Климента Александрійскаго Морозовъ говоритъ: „это мѣсто представляетъ несомнѣнно цитату изъ нашего библейскаго Апокалипсиса и потому не можетъ быть написано ранѣе, чѣмъ въ V вѣкѣ“ („Откровеніе“, стр. 316). Относительно древнихъ кодексовъ Священнаго Писанія Морозовъ говоритъ: „уже и безъ спеціальнаго ихъ осмотра, одно наше вышеприведенное астрономическое и литературное изслѣдованіе пророческихъ книгъ Библии достаточно показываетъ, что ни одинъ изъ такихъ кодексовъ не можетъ быть отнесенъ даже и къ VI вѣку“ („Пророки“, стр. 261).

Такой пріемъ аргументаціи позволяетъ намъ вполне согласиться съ однимъ изъ рецензентовъ Морозова, который, не смотря на всю свою симпатію къ послѣднему, находитъ у него „невинность въ отношеніи настоящей науки“ и „полное разстройство логическихъ механизмовъ“²⁾.

. При всемъ томъ, однако, мы видимъ, что на книги Морозова находятся читатели, книги эти расходятся тысячами, ими увлекаются, какъ модными, не смотря на все ихъ ничтожество. Всякій вѣрующій въ книги Св. Писанія, какъ слово Божіе, не долженъ смущаться этимъ моднымъ теченіемъ; а газетныя „танцующія жабы“ слишкомъ рано спѣшатъ выражать свой восторгъ, что „до сихъ поръ мы (?) считали Апокалипсисъ произведеніемъ I вѣка, а теперь *неопровержимо* доказано, что онъ написанъ въ концѣ четвертаго“³⁾. Не Морозовымъ, съ ихъ астрономическими методами, невѣжествомъ въ историко-филологическомъ отношеніи, игнорированіемъ законовъ логики, подлогами и т. под. „научными“ пріемами, поколебать то, во что вѣритъ Церковь,

¹⁾ Эрнъ В. Цит. ст., стр. 306.

²⁾ Львовъ С. Цит. ст.

³⁾ Эрнъ В. Цит. ст., стр. 234 (изъ газеты „Парусъ“).

что закрѣплено и многовѣковыми изслѣдованіями и выводами непристрастной науки.

И съ какими бы методами ни нападали на Слово Божіе его враги, какъ бы ни казались непреложными и неминуемо побивающими церковную традицію эти методы; позиція нападающихъ всегда останется неустойчивой, слабой и беззащитной иллюзіей, а ихъ нападеніе—покушеніемъ съ негодными средствами: „ибо у Бога не останется бессильнымъ никакое слово“ (Лук. I, 27).

И. д. доцента Петроградской Дух. Академіи

Свящ. **В. Зыковъ.**

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Великъ Богъ Земли Русской!*)

— **Великъ Богъ Земли Русской!**—Такъ трубнымъ гласомъ изстари возвѣщала Святая Русь въ години тяжкихъ военныхъ браней и, колѣнопреклонно плѣняя себя въ послушаніе Богу, Царю царей, силою Божьею побѣдно отражала и сама себѣ плѣняла тьмы-темѣ вражьихъ полчищъ.

Великъ Богъ Земли Русской!—И въ настоящій грозный часъ военной брани воскликнулъ **Державный Вождь** Святой Руси,—и силою Божьею вся Русь возстала нерушимою стѣною на дерзкаго и жестоковѣрнаго врага.

Возстала!...—и въ лицѣ насельниковъ своей столицы притекла къ этому тихому пристанищу отдать себя по стародавнему въ плѣнъ своей скорой Помощницѣ и Заступницѣ, дабы у Нея, какъ изъ неисчерпаемаго источника, почерпнуть себѣ духовной мощи для побѣдной брани съ ордами новыхъ вандаловъ.

И невольно, отъ сладостной сердечной истомы, уста восклицаютъ: „какъ хорошо намъ здѣсь быти!“ Здѣсь, въ этомъ свѣтозарномъ облакѣ дивнаго величія Божіей Матери, явленнаго Ею въ вѣкахъ Святой Руси! Вотъ Она двумя колоннадами Своей храмины точно руками обнимаетъ и благословляетъ двухъ витязей Русской Земли, стяжавшихъ славу Россіи на бранномъ полѣ начала прошлаго вѣка. Вотъ Она подъ колоннадами

*) Это слово было произнесено въ Петроградѣ, съ паперти Казанскаго собора, въ день народнаго моленія 17 августа о дарованіи русскому воинству побѣды).

Своей храмины собрала и насъ, какъ собираетъ птица своихъ птенцовъ подъ крылья свои въ непогоду..

Собрала!..—и воспарила нашъ духъ въ небесную высь,— къ Тому, въ Чьей мышцѣ судьбы царей и царствъ, къ Тому, Чья мышца сокрушила сердца надменныхъ, низложила сильныхъ съ престоловъ и вознесла смиренныхъ!..

Горе тому, кто скрылъ отъ себя мышцу Господню, слѣпивъ глаза свои и окаменивъ сердце свое!

Вотъ онъ *себя* вознесъ на высоту, и съ высокой горы *себя* возмнилъ владыкой и царемъ вселенной. Онъ обнажилъ тяжелый мечъ въ порабоженіе народовъ. Онъ заковалъ себя въ броню отъ ихъ ударовъ. Онъ загасилъ въ своемъ сердцѣ послѣднюю искру Божьей любви къ подобнымъ себѣ и зарычалъ: „жаль, что все человѣчество не имѣетъ одной головы, чтобы однимъ взмахомъ меча обезглавить весь міръ!“—Но въ этотъ моментъ высшаго сознанія своей мощи, точно пращекъ Давида, онъ былъ сраженъ мышцею Господнею и съ ужасомъ узрѣлъ, что онъ не человѣкъ, а звѣрь, что ѣстъ онъ губку, напитанную кровью сраженныхъ имъ людей, и пьетъ слезы тысячъ обездоленныхъ имъ семей. Узрѣлъ... и спалъ съ него покровъ, которымъ онъ такъ старательно даже отъ себя самого скрывалъ свой подлинный, звѣриный обликъ, и бѣжалъ онъ въ чашу дѣвственныхъ лѣсовъ...

Какъ ярко эта страшная драма человѣческой гордыни проходитъ предъ нами на сценѣ нѣмецкихъ странъ!

Потомки древнихъ вандаловъ, во главѣ съ новыми Гензерихами, нѣмецкіе народы возмнили владѣть вселенной. Закованные въ броню, съ багровымъ отъ прилива крови лицомъ, съ дикой угрозой оставить людямъ только глаза, чтобы они оплакивали свое горе,—нѣмецкія орды ринулись на міровую брань, на новое ван-

дальское сокрушеніе міровой, изъ христіанской колыбели расцвѣтшей, культуры. И спалъ съ нихъ, во мгновение ока, тысячелѣтній христіанскій покровъ, и міръ увидѣлъ предъ собою самыхъ страшныхъ *двуногихъ* звѣрей. Упоенные своею животною силою, они возмнили заковать въ цѣпи рабства всю вселенную!.. Но порвутся звенья этой цѣпи и ударить она однимъ концомъ по Австріи, другимъ-же по Германіи. Обнажить Господь на страны нѣмецкія мышцу свою высокую, и всѣ народы узрять праведный Судъ Божій. Въ преисподнюю будетъ низвержена гордыня нѣмецкая со всѣмъ ея шумомъ, — подъ нею уже подстиляется червь, и черви будутъ покровомъ ея.

Уже собралъ Господь изъ-подъ русскихъ стрѣхъ, подъ омофоромъ Царицы Небесной, птенцовъ Своихъ на брань противъ гордыни нѣмецкой. Собралъ и Самъ сталъ облакомъ защитнымъ впереди русскаго стана противъ новыхъ фараоновъ новыхъ египетскихъ полчищъ.

И по зову Державнаго Вождя Русской Земли потекла Святая Русь на бранное поле постоять за дѣло Божье, за торжество правды и права надъ силою, за благо слабыхъ и угнетенныхъ.

Богъ въ помощь тебѣ, русская христолубивая рать!
Богъ въ помощь и вамъ, соратники русскаго воинства!

А мы, оставшіеся здѣсь, приготовимъ цѣлебный елей, дабы уврачевать раны страждущихъ воиновъ Русской Земли,—сплотимся, чтобы благостынею утереть слезы бѣдствующихъ воинскихъ семей.

И будетъ надъ всѣми нами мышца Господня и дивный омофоръ Царицы Небесной отъ зари до зари. И со дерзновеніемъ всѣ мы воскликнемъ:

Великъ Богъ Земли Русской и силою Божьею прославится Святая Русь!

Ей, Господи, буди!.. Аминь.

И. Айвазовъ.

Война съ христiанской точки зрѣнiя.

Христiанскiй мiръ снова втянутъ силою вещей въ ожесточенную войну. Идетъ борьба на смерть между двумя противоположными началами жизни: между началомъ бронированнаго насилiя и началомъ культурнаго развитiя, путемъ мирной работы. Снова миллионы людей стали другъ противъ друга, съ ожесточеннымъ упорствомъ защищая свои идеалы, снова потоки крови заливаютъ землю, снова сотни тысячъ семействъ выбиваются изъ привычной для нихъ жизненной колени... Вѣрующiй, конечно, не смутится свыше мѣры этимъ печальнымъ зрѣлищемъ: „услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть—звучитъ въ его ушахъ пророчествующiй голосъ Господа-Спасителя. Сколько бы ни мечтали люди о золотыхъ временахъ всеобщаго мiра, сколько бы ни говорили о необходимости разоруженiя народовъ—войны не прекратятся, пока не „пройдетъ образъ мiра сего“. Всеобщiй миръ—это, дѣйствительно, тотъ свѣтящiй, манящiй къ себѣ идеалъ, во имя котораго можно и нужно работать, но этотъ идеалъ, какъ и вообще все святое, достигается не единичнымъ измѣненiемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ формъ жизни, а преобразованiемъ внутренняго существа бытiя, перерожденiемъ тѣхъ началъ, во имя которыхъ народы напрягаютъ свои силы. Поэтому, если война началась, ведется, это показатель, что „образъ мiра сего“, со всѣмъ богатствомъ его себялюбиваго содержанiя, раздѣляющаго людей другъ отъ друга, дѣлающаго ихъ изъ братьевъ-дѣтей Отца Небеснаго непримиримыми врагами, еще далеко не изгладился въ душѣ человѣчества... Что дѣлать тогда христiанину? Ратовать за прекращенiе войны?—но это равносильно стремленiю дощечкой удерж-

жать водный потокъ. Самому отказаться отъ какого бы то ни было участія въ войнѣ? Но едва-ли будетъ по-христіански отойти совершенно въ сторону тамъ, гдѣ на учетъ каждая единица, когда отказъ одной стороны отъ борьбы можетъ обозначать не только ея гибель, но и поруганіе высшихъ идей справедливости и состраданія. Оказывать лишь милосердіе гибнущимъ или страдающимъ отъ ужасовъ войны? Да, это, конечно, христіанское дѣло, имѣющее самодовлѣющую цѣнность, но, вѣдь, милосердіе въ силу своей внутренней красоты, высоко само по себѣ, и служеніе ему не есть еще разрѣшеніе вопроса объ отношеніи христіанина, собственно, къ войнѣ. Пройти же мимо такого мощнаго по своему захвату явленія, какъ война, христіанинъ не можетъ уже просто въ силу заповѣди Апостола! „все испытывайте, добраго держитесь“. Итакъ, идти на войну? Конечно, ставя такой вопросъ, разумѣемъ не только непосредственное участіе въ бояхъ, но и оказаніе поддержки воюющимъ въ сознаніи правоты самаго акта борьбы, потому что этическая цѣнность того и другого поступка можетъ быть совершенно равнозначуща. Однако и на этотъ вопросъ иной разъ не дается прямого, категорическаго отвѣта: „да“; не будемъ говорить объ уклончивыхъ отвѣтахъ, диктуемыхъ мелкимъ чувствомъ эгоизма, обратимъ вниманіе на то, что совѣсть нѣкоторыхъ искренне смущается участіемъ въ убіеніи людей, при чемъ война трактуется, именно, какъ простая бойня. „Помилуйте, быть христіаниномъ и однимъ выстрѣломъ отнимать жизнь у сотенъ людей, хотящихъ жить?..

Исповѣдывать „не убій“ и—вести на убійство сотни тысячъ наивныхъ простецовъ?.. Покланяться кресту, убившему вражду, и съ крестомъ въ рукахъ возбуждать всеокрушающую ярость на враговъ!.. „Это ли не противорѣчія?“—Такъ говорятъ, и людямъ, призывающимъ къ развитію государственной мощи въ минуты испытаній для родины, необходимо умѣть дать отвѣтъ на недоумѣнія подобнаго рода.

Въ чемъ существо войны?

Когда хотятъ показать несомѣстимость (принципіальность) христіанскаго званія съ военнымъ, слѣдовательно, невозможность для вѣрующаго христіанина участвовать въ войнѣ, строятъ такое умозаключеніе: Убіеніе запрещается

христіанствомъ; война—массовое убійство; слѣдовательно, война запрещается христіанствомъ. Повидимому разсужденіе до очевидности ясное и безусловно правильное; многимъ оно и кажется таковымъ. Но посмотримъ ближе.

Прежде всего нѣтъ никакихъ основаній признавать внутреннюю состоятельность сужденія первой посылки. Запрещеніе возможно лишь тамъ, гдѣ опредѣляется возмездіе за нарушение запрещенія; запрещеніе—это признакъ юридическихъ отношеній, оно и имѣло мѣсто и полную значимость въ укладѣ Ветхаго Заветѣ, гдѣ опредѣленно говорилось: „не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“ (Мѣ. V, 21, ср. Иск. XX, 13). Тамъ можно было сказать *не* убивай, потому что кое-что изъ внутренней сущности акта, классифицируемаго, какъ убійство, допускалось: допускалось—или вѣрнѣе, признавалось естественнымъ—раздраженіе, озлобленіе, даже ненависть, мстящая „око за око, зубъ за зубъ“... Ставилась лишь опредѣленная черта, дальше которой запрещалось развѣсываться враждебному чувству. Не то въ христіанствѣ. „Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду“ (ст. 22). Ужъ если говорить объ отвѣтственности, то ей въ равной степени подлежитъ и всякій, гнѣвающійся напрасно на брата своего; униженіе—то же убійство; гнѣвъ напрасный, раздраженіе, озлобленіе, ненависть убійство—все это ступени одного и того же строя жизни, совершенно противоположнаго благодарному устроенію царства Христова; въ послѣднемъ все—„правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“, а всякаго рода отступленія отъ этого настроенія свидѣлствуютъ объ отдаленіи человѣчества отъ лучезарныхъ идеаловъ благовѣстія Христова.

Ничто не запрещаетъ Евангеліе. Оно говоритъ не рабамъ, а свободнымъ, оно не угрожаетъ претыкающемуся, а любовно раскрываетъ передъ немощнымъ природу Божественной любвеобильной правды. Оно не оплетаетъ человѣка мелкой сѣтью житейскихъ предписаній, противъ которыхъ разумъ всегда могъ бы при желаніи возстать со своимъ надмѣвающимъ вопросомъ: „почему то-то и то-то нельзя?“ Христово благовѣстіе охватываетъ жизнь во всей ея цѣлостности съ горнихъ высотъ, вскрывая жизнь въ Богѣ и внѣ Бога. Тутъ нѣтъ какого-то зоркаго наблюдателя, слѣ-

дящаго за малѣйшимъ отступленіемъ раба отъ предписаннаго ему правила поведенія и учитывающаго каждый такой промахъ при окончательной расплатѣ; тутъ просто два пути жизни, приводящіе каждый къ естественному для себя завершенію: къ общенію со Спасителемъ міра или къ „смерти въ озерѣ жупельномъ“... Въ томъ и абсолютность христіанства, что оно имѣетъ задачей не ограничивать отдѣльные проявленія злой воли человѣка, а стремиться парализовать самую эту злую, грѣховную волю.

Все, что отъ грѣха, то внѣ божественной жизни; оно не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія со свѣтомъ жизни, а потому относительно его и не возникаетъ вопросъ: „можно или нельзя“?

„Все мнѣ позволительно—но не все полезно“.. Вотъ что является критеріемъ въ оцѣнкѣ дѣйствительности: одно полезно, т. к. ведетъ къ пріобрѣтенію Царствія, этой драгоценнѣйшей жемчужины, ради которой можно все рѣшительно оставить, другое вредно, потому что приготовляетъ безконечную горечь вѣчныхъ страданій.

Отсюда, по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу, выводъ будетъ тотъ, что нельзя говорить о *запрещеніи* убійства христіанствомъ, можно лишь признать, что убійство—актъ, противъ котораго слышится постоянный протестъ человѣческой совѣсти—стоитъ въ плоскости, совершенно противоположной христіанству, *исключается* христіанствомъ.

Какое же измѣненіе вносится въ разсматриваемое нами положеніе настоящей поправкой? Во-первыхъ: когда говорить о запрещеніи, то актъ запрещаемый признается имѣющимъ право на самостоятельное существованіе, признается самодовлѣющей цѣнностью; исключеніе же убійства изъ сферы примѣненія христіанскихъ началъ, въ которыхъ заключается истинная жизнь, означаетъ признаніе мертвящей по существу своему природы исключаемого.

Во-вторыхъ: при запрещеніи можетъ возникать вопросъ о правѣ человѣка на совершеніе запрещаемаго поступка, при исключеніи—такой вопросъ отпадаетъ, и для усвоившаго извѣстныя начала жизни является органически невозможнымъ компромиссъ съ началомъ противоположнымъ. Слѣдствіе для нашего предмета будетъ то, что христіанинъ (разумѣемъ—идеальный) не убьетъ: вкушившій отъ жизни не

уничтожить ростка жизни. Если же война есть „массовое убійство“ и только,—христіанинъ не станетъ воевать...

Все, что исключается христіанствомъ, есть грѣхъ, поэтому и война, трактуемая, какъ массовое убійство,—грѣхъ. Но справедливо ли самое опредѣленіе: война—убійство? На войнѣ убиваютъ—это правда; но носить ли на себѣ всякая война ту печать внутреннихъ настроеній, которыя обуславливаютъ собою грѣховность убійства? Вѣдь „грѣхъ“ не въ самомъ актѣ прекращенія тѣлесной жизни того или иного субъекта, прекращеніе земного бытія для каждаго—дѣло Промысла Божія; грѣховно внутреннее состояніе убивающаго, и если оно тождественно съ настроеніемъ всякаго воюющаго государства и каждаго воина въ отдѣльности, то война—безусловно грѣхъ, и молить, напримѣръ, Бога о помощи воюющимъ—преступно.

Что такое убійство, какъ грѣхъ, по своей этической сторонѣ?

Христіанство прежде всего религія личности. Оно имѣетъ цѣлью устроить внутреннюю жизнь отдѣльнаго человѣка, упорядочить этимъ путемъ его индивидуальныя отношенія и затѣмъ изъ такихъ освященныхъ особей уже создать коллективный организмъ—Царство Божіе. Поэтому и основанія для уясненія грѣховности убійства слѣдуетъ искать прежде всего въ психологій убивающаго.

Личная ненависть, жажда обогащенія или устроенія своей жизни на счетъ другого, приступъ горячности—вотъ стимулы, толкающіе на совершеніе убійства.

Ясно, что каждое изъ этихъ основаній есть тотъ или иной видъ грубаго эгоизма. Только безграничное самоутвержденіе своей личности, себялюбивое преклоненіе передъ своимъ „я“ можетъ заставить человѣка отважиться на уничтоженіе жизни другого, такъ или иначе оскорбившаго его; это же самоутвержденіе побуждаетъ человѣка не ставить никакихъ преградъ своимъ желаніямъ, какъ бы они ни были безразсудны; если осуществленіе ихъ тормозится той или другой личностью, себялюбивый человѣкъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы убрать такую личность съ дороги.

Аффектъ ярости, отнимающій жизнь отъ другого, это-же—въ сущности—ничто иное, какъ распущенный эгоизмъ, не умѣющій ставить себя въ границы смиренія. Такимъ обра-

зомъ, какъ высшее проявленіе эгоизма,—убійство, именно, въ силу преиматства *этого* мотива есть *грѣхъ*: „грѣхъ есть беззаконіе“—поставленіе закона своей воли на мѣсто Божо-учрежденныхъ законовъ человѣческой жизни—смиренія, любви и справедливости. Если же убійство не будетъ носить на себѣ этой эгоистической окраски, оно лишается и характера грѣховности по своей психологической сторонѣ. Правда, почти нѣтъ частнаго случая убійства, когда человѣкъ не чувствовалъ бы себя виновнымъ; даже, такъ называемыя невольныя убійства оставляютъ обычно въ чуткой совѣсти виновника ихъ чувство самоосужденія. Но тутъ причина лежитъ уже въ другомъ: именно, въ сознаніи недостаточно внимательнаго и бережнаго отношенія къ ближнему. Нѣтъ безгрѣшнаго убійства въ обыденной жизни, но есть такія убійства на войнѣ.—И вотъ почему.

Войну отнюдь не слѣдуетъ квалифицировать, какъ массовое убійство—и только. Вѣрно, что нѣтъ войны безъ жертвъ, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ число жертвъ все больше и больше увеличивается; но развѣ двигающая идея войны обязательно въ возможномъ истребленіи непріателя, ради самаго истребленія?

Нѣтъ никакихъ основаній такъ думать. Что ненависть (даже прямо личная), направляющая спеціально къ убійству врага, развивается на войнѣ, въ этомъ приходится—къ сожалѣнію—съ грустью сознаваться, но цѣлый народъ въ массѣ своей никогда не начинаетъ войну только для того, чтобы уничтожить возможно больше единицъ врага. Будь это такъ, ни одна война не оканчивалась бы миромъ, т.-какъ желаніе народа насытилось бы лишь при совершенномъ истребленіи ненавистныхъ сосѣдей. Еще менѣе можно думать, что правители государствъ, ведущіе тонкую и сложную дипломатическую игру, начинаютъ войну съ тѣмъ, чтобы только убивать и убивать людей. Бываютъ, впрочемъ, войны, продиктованныя исключительно ненавистью и сводящіяся къ возможно большому истребленію враговъ; таковы войны дикарей, когда племя можетъ остановиться въ своемъ набѣгѣ на сосѣдей, лишь совершенно уничтоживъ ихъ; таковыми могутъ быть и войны современныхъ варваровъ, если они ставятъ себѣ цѣлью безсмысленныя жестокости. Въ послѣднемъ случаѣ война становится, дѣйствительно, массо-

вымъ убійствомъ, и тѣмъ грѣховнѣе она, чѣмъ къ большимъ сокровищницамъ духовной культуры имѣеть доступъ воюющій народъ. Участіе въ такой войнѣ, веденіе ея съ такимъ настроеніемъ человѣконенавистничества, и ужь, конечно, организація правителями такой войны для христіанина преступна.

Если же такой братоубійственной ненависти по отношенію къ врагамъ нѣтъ, то перваго основанія дѣлающаго убійство грѣхомъ, по отношенію къ войнѣ не остается.

Точно также приходится разрѣшить вопросъ и относительно втораго побужденія къ убійству—относительно жажды обогащенія. Не каждая война ведется ради этой цѣли. Если врагъ нападаетъ на святыни народныя, стремится изгладить изъ жизни духовный обликъ извѣстной націи, если онъ подобно лавѣ смыкаетъ на своемъ пути всѣ рѣшительно преграды—возстать противъ такого натиска не есть стремленіе къ наживѣ. Если война начинается потому, что нѣтъ возможности спокойно смотрѣть на притѣсненія сильнымъ, слабаго, послѣ того, какъ употреблены всѣ средства воздѣйствія, то и здѣсь, очевидно, жажда наживы отсутствуетъ, и такая война можетъ быть негрѣховной.

О грѣховномъ упоеніи гнѣвомъ, не имѣющемъ никакого удержа, объ аффектѣ вообще, нѣтъ почти данныхъ говорить по отношенію къ правителямъ, объявляющимъ войну. Каждый, не потерявшій разума, отлично сознаетъ, съ какими тягостями для его народа связано веденіе всякой войны. Да и самая война, въ виду грандіозности своего размаха, конечно, не можетъ разсматриваться, какъ проявленіе аффекта.

Такимъ образомъ отпадаютъ побужденія разсматривать всякую войну обязательно, какъ массовое убійство. Люди убиваются, но ихъ можетъ убивать отнюдь не съ настроеніемъ убійцы.

Если же колеблется состоятельность втораго сужденія въ силлогизмѣ, направленномъ противъ войны, то измѣняется и окончательный выводъ: „война исключается христіанствомъ“, т. е. ближе къ конкретной дѣйствительности получается положеніе: „если христіанинъ (идеальный) *не убьетъ*, это еще не значитъ, что онъ *не станетъ воевать*“...

Не нужно смущаться кажущейся странностью подобного положенія. Самая странность его для насъ объясняется привычкой къ извѣстнымъ трафаретнымъ сужденіямъ. За него же говорятъ тѣ факты, что люди съ кристально-чистой душой, обвѣянные всецѣло благодатнымъ духомъ ученія Христава, впитавшіе въ себя этотъ духъ, благословляли на войну, сами на войнѣ убивали сотни враговъ. Достаточно вспомнить преп. Сергія Радонежскаго, или св. Александра Невскаго.

Все дѣло въ томъ, съ какимъ духовнымъ содержаніемъ идутъ въ бой сражающіеся. Глава государства можетъ объявить войну лишь потому, что, стоя на стражѣ охраненія народнаго бытія со всей полнотой его содержанія, онъ не можетъ допустить расхищенія этого неоцѣнимаго богатства; или онъ можетъ кликнуть военный кличъ, чтобы пресѣчь злодѣйства сосѣдей, вступить за поруганное ими право. Ему не важно убійство людей, ему важна идея, ради которой онъ ополчится... Въ этомъ случаѣ убійство совершается, но въ его возникновеніи виновата не война по природѣ своей—прекратись вопіющая несправедливость или насиліе врага, и война прекратится. Высокая идея можетъ заставить обнажить мечъ. Почему къ такой мѣрѣ приходится прибѣгать? потому что ни за что такъ не цѣпляется человѣкъ какъ за жизнь, и угроза послѣдней можетъ всего скорѣе заставить его образумиться.

И даже слѣдуетъ во имя высшей правды (но только во имя ея) прибѣгать къ такимъ ужасающимъ по своей природѣ мѣрамъ. Слѣдуетъ, потому что „нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою положить за други“...—и если человѣкъ—также и народъ въ цѣломъ—любитъ право и правду и эту основу жизни беретъ защищать оружіемъ, онъ не насильничаетъ во имя эгоизма, а приноситъ жертву за реализацію высокой идеи.

Вѣдь на войнѣ каждый въ отдѣльности и каждая изъ воюющихъ сторонъ—подвергаютъ себя такому же риску, какому подвергаютъ и врага. Здѣсь не отдѣльныя личности играютъ роль, а высота идеи, за которую сражаются. Александръ Невскій вовсе не желалъ отнимать жизнь у шведовъ и нѣмцевъ, но отстаивалъ самостоятельность славянскаго развитія и младенческій въ вѣрѣ народъ. А св. митропо-

лить Алексѣй—великій патріотъ—любившій всѣхъ настолько, что своими молитвами могъ исцѣлить жену хана, подготовилъ Дмитрія Донского не для того, чтобы только истребить татаръ, но чтобы путемъ борьбы съ ними привести Русь къ освобожденію отъ монгольскаго ига.

И люди, одушевленные вѣрой въ идеалы, идутъ въ бой, идутъ смѣло, не боясь лишеній, не страшась ужасовъ военной непогоды, забывая о себѣ, лишь бы спасти идеаль... Настроеніе такого войска совершенно не похоже на настроеніе убійць.

Слѣдовательно, о грѣхѣ—по его психологической сторонѣ—тутъ не приходится говорить. Если съ такимъ настроеніемъ идетъ христіанинъ въ бой, онъ не грѣшитъ. Гдѣ тутъ грѣхъ? Для него убійство даже не средство—оно стихійное слѣдствіе его горячаго пылкаго духа, одушевленнаго высокими идеями.

Тутъ только можно жалѣть, зачѣмъ возникаютъ такіа слѣдствія? Но этотъ вопросъ свое разрѣшеніе получаетъ уже въ общихъ созерцаніяхъ Божественнаго Промысла о мірѣ—съ одной стороны—и въ несовершенствѣ человѣка—съ другой.

Война—бичъ Божій. Господь громомъ войны пробуждаетъ сердца, призывая къ себѣ тѣхъ, кого нужно призвать; и несовершенство человѣка, попирающаго законы любви превращается силой Божіей въ орудіе. Его вразумляющей любви.

Когда возникаетъ война, страшно, что опять произошло ужасное потрясеніе духовнаго организма человѣчества, ужасно, что законы жизни вновь нарушены гдѣ-то злой волей человѣка... Въ этомъ смыслѣ, по своему первоисточнику, война есть слѣдствіе зла. Она приноситъ массу бѣдствій, страданій, горя въ своемъ естественномъ развитіи, но это все по природѣ своей не обязательно зло.

Зломъ оно можетъ быть, если война превращается въ бойню. Кровь можетъ людей превратить въ звѣрей—вотъ въ чемъ опасность войны! Если это случается, если врагъ идеи становится личнымъ врагомъ, по отношенію къ которому считается дозволеннымъ все, тогда изъ великой жертвы война становится убійствомъ, которое свидѣтельствуетъ, что сражается не христіанинъ. Христіанинъ долженъ опасаться

превратиться на войнѣ въ простого убійцу, дѣйствующаго въ порывѣ личной ненависти, жажды паживы, или дикаго озвѣренія: тогда война влечетъ безсмысленныя жестокости къ раненымъ, къ плѣннымъ, къ невоюющимъ, даже къ женщинамъ, дѣтямъ. Если же силится человѣкъ и на войнѣ остаться христіаниномъ, то его не покидаетъ ни жалость къ раненымъ, ни дружелюбіе къ мирному непріятельскому населенію. Повсюду такой человѣкъ несетъ минимумъ разрушенія, избѣгая лишней жестокости.

Конечно, такое настроеніе удержать крайне трудно, но трудность не есть невозможность... Въ виду именно этой трудности война пріобрѣтаетъ характеръ *подвига*. Очень сильно искушеніе взглянуть на войну, какъ на бойню, но христіанинъ такъ не посмотритъ. Напряженіемъ всей своей воли онъ долженъ стараться и старается смотрѣть на войну, какъ на печальную только необходимость, потому что вѣяніе смерти заставляетъ содрогаться любящаго жизнь—сферу общенія земли съ небомъ...

Поэтому христіанинъ - начальникъ войска зоветъ не убивать, а защищать справедливость, какихъ бы жертвъ это ни стоило; сражающійся отдаетъ себя во имя идеи, противоборствуя торжеству несправедливости; воодушевляющій войска крестомъ напоминаетъ о тихомъ сіяніи Вѣчной любви, которое не должно багровѣть и исчезать отъ пролитой крови...

Всѣ эти размышленія приводятъ въ концѣ-концовъ къ выводу, что война есть результатъ нарушенія нравственнаго равновѣсія міра благодаря эгонстической вспышки какого-нибудь народа. Война для народовъ, ведущаго ее на этомъ фонѣ насилія, захвата для самообогащенія чужихъ владѣній, есть грѣхъ, и такой народъ не христіанинъ, ибо *такую* войну христіанство исключаетъ. Но когда равновѣсіе нарушено, не только не противно природѣ христіанства, но прямо требуется его, возстать на защиту поправнаго права или слабаго оскорбленнаго народа. А кому костью лечь въ борьбѣ—дѣло Божье... Защищающій можетъ съ дерзновеніемъ взывать и къ Богу о помощи, можетъ надѣяться на него, потому что защищаетъ святое дѣло. Въ этомъ случаѣ война подвигъ—подвигъ самоограниченія во имя долга...

„Надлежитъ быть войнамъ“... Чѣмъ дальше развивается свой бѣгъ колесо міровой жизни, тѣмъ отчетливѣе стано-

вится разграниченіе добра и зла.—Борьба между ними обостряется, а отсюда усиливаются и войны. Безъ колебаній, съ вѣрой въ торжество истины долженъ идти христіанинъ на защиту добра, искупая свою невольную вину отнятія жизни у другого жертвой себя самого великому дѣлу!.. Надо шире смотрѣть на происходящее, оцѣнивая его въ нравственномъ отношеніи. Дай Богъ, чтобы войны были рѣже, дай Богъ, чтобы онѣ были менѣе кровопролитными, но пока зло существуетъ, и пламень войны разгорается, будетъ не по христіански давать развиваться злу. — А если попускають совершаться сознательному нравственному беззаконію—потакають, содѣйствуютъ злу.—Отъ этого Богъ избави!

Свящ. Н. Платоновъ.

Зеркало жизни.

IV.

Двѣ морали.

(Къ борьбѣ за трезвость).

Недавно газеты оповѣстили, что одинъ изъ сановниковъ, имѣющій въ дѣлѣ отрезвленія Руси огромное значеніе, заявилъ, что, трезвость надо насаждать только въ народѣ, и что интеллигенція русская не нуждается-де въ „трезвенной опекѣ“, почему перворазрядные трактиры, рестораны и фешенебельные „кафе“ и сады съ крѣпкими напитками, такъ и должны остаться „съ крѣпкими напитками“. Также и магазины должны впредь торговать дорогими алкогольными напитками, предназначенными обслуживать „интеллигенцію“...

Признаться, мы ожидали всякихъ курьезовъ въ борьбѣ за алкоголь. Но такого курьеза, какимъ подарилъ Русь названный сановникъ, мы не ожидали. И въ этомъ курьезѣ собственно заключается странная трагедія Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда намъ говорили, что нельзя воспретить совершенно продажу алкогольных напитковъ; потому что государственная казна потерпитъ огромный ущербъ,—мы въ этихъ доводахъ видѣли только полгоря. Правда, мы имѣли предъ собою копмарный государственный дальтонизмъ, при наличности котораго наши финансисты полагали, что строить государственное благополучіе можно на выжимкахъ изъ кармана отравленныхъ алкоголемъ народныхъ массъ. Они не могли досмотрѣть и понять того, что отравленный алкоголемъ народный карманъ становится до того тощъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нему государствен-

наго финансиста порождаетъ въ народѣ крайнее озлобленіе и на этой почвѣ такіе эксцессы въ политической и экономической жизни Россіи, на угашеніе которыхъ государственная же казна часто раззоряется!.. Наши финансисты точно притупили въ себѣ тотъ здравый смыслъ, по которому государственная казна зависить отъ толщины народнаго кармана, а эта толщина въ свою очередь—отъ здоровья народнаго организма и его высшей трудоспособности. Изъ такого кармана и изъ такого организма любой финансистъ можетъ сдѣлать для государственной кассы неисчерпаемый источникъ, да еще безъ государственныхъ потугъ, часто очень разорительныхъ для государства, на его оздоровленіе. Какъ ни печально было вѣковое заблужденіе нашихъ финансистовъ въ защитѣ „пьянаго бюджета“, но пока дѣло шло только о пополненіи государственной кассы, казалось, можно было покончить съ этимъ заблужденіемъ, изыскавъ новые источники для доходности казны, вполнѣ компенсирующіе ея потери отъ воспрепятствования продажн алкогольных напитковъ. И къ этому мы уже подошли...

Но на зарѣ полной побѣды надъ алкоголемъ, вдругъ въ защиту его двинута „тяжелая артиллерія“. Дѣло уже поставлено не на почву оскудѣнія государственной кассы, а алкоголь принимается подъ защиту во имя „либерализма“, точнѣе—„свободы русской интеллигенціи отъ опеки“! Она-де сама за себя постоитъ въ борьбѣ съ алкоголемъ, а потому для нея и пусть остаются первоклассные кабаки и прочіе пьяные дорогіе вертепы, съ утонченнымъ алкоголемъ и разными алкогольными спеціями.

Какая жалкая игра въ высокія слова! Подъ ихъ эгидою хотять создать на Руси не что иное какъ „пьяную привиллегію“ для русской „интеллигенціи“, хотять насадить въ Россіи не что иное, какъ двѣ морали: одну для „народа“, а другую для „интеллигенціи“. Нашъ народъ и безъ того развращается подобнаго рода „привиллегіями интеллигенціи“: то на утонченный развратъ, то на безбожіе и проч. А тутъ еще хотять создать и новую привиллегію—„пьяную“, да еще съ государственной санкціей! Словомъ, хотять признать алкоголь зломъ для „народа“ и благомъ для „интеллигенціи“, а черезъ нее и для казны... Но если и допустить то чудовищное и прямо оскорбительное для русской интеллигенціи

явленіе, когда бы она приняла такую „пьяную привиллегію“, то не будетъ ли въ такой привиллегіи самоотреченія русской интеллигенціи отъ идейнаго руководства народомъ? Вѣдь надобенъ для такого руководства личный примѣръ, личный подвигъ, особенно въ столь тяжкой борьбѣ, какъ борьба съ алкоголемъ. Здѣсь пьющій и одну каплю алкоголя интеллигентъ долженъ самоотверженно отказаться отъ нея ради спасенія своего собрата. А что же это будетъ за борьба съ алкоголемъ, когда „интеллигентъ“ въ рукахъ съ десятирублевою бутылкою коньяку или вина будетъ держать предъ „народомъ“ рѣчь о вредѣ алкоголя и на вопросы „народа“, недоумѣвающего при видѣ бутылки въ рукахъ „интеллигента“,—этотъ послѣдній отвѣтитъ: „алкоголь—зло, если въ рубль или полтинникъ за бутылку—и добро—если въ десять рублей“!.. Или: „нельзя пить во второразрядномъ ресторанѣ, а только въ перворазрядныхъ“!..

Развѣ въ результатѣ такой „проповѣди“ не получится страшное озлобленіе народныхъ массъ противъ „интеллигенціи“ и на этой почвѣ не произойдутъ-ли новые эксцессы?.. И снова не утучнится-ли почва для произрастанія на Руси разныхъ „измовъ“?..

Да и странно: какую это „интеллигенцію“ имѣютъ въ виду, защищая ея „привиллегію“ на алкогольные напитки. Известно, что мыслящая русская интеллигенція въ массѣ живетъ въпроголодь, что ей вовсе не до Петроградскихъ „Медвѣдей“ или „Акваріумовъ“, какъ и не до Московскихъ „Яровъ“ или „Стрѣльняъ“ съ ихъ цыганами. Всѣ эти рестораны и притоны переполняются то толстосумами, то кутилами. Такъ вотъ въ защиту то этой „интеллигенціи“ думаютъ оставить алкоголь царствовать на Руси!.. Желаютъ, чтобы Прасоловы цвѣли въ Россіи... И вотъ не трудно предугадать, что кадры этой „перворазрядно-пьянствующей интеллигенціи“ будутъ пополняться, что изъ разныхъ второ-и третье-разрядныхъ вертеповъ потянутся, на послѣдніе гроши принарядившись разными путями, кутилы въ „перворазрядные“ вертепы... Эти вертепы процвѣтутъ, народное раззореніе также „процвѣтетъ“ и мы увидимъ новыя и болѣе ужасныя картины всевозможныхъ преступленій, виновники которыхъ будутъ реабилитировать себя на судахъ тѣмъ, что нельзя-де было выпить во второ-

разрядномъ, а надо было, по закону, идти въ перворазрядный, для чего требовалось добыть деньжонокъ: ну, и добыть вотъ цѣною уголовщины,—я де тутъ не причемъ“... И пользуются тогда рѣчи о „соціальномъ злѣ“, для устранения котораго надо де снова открыть алкоголю двери сверху—донизу!..

Нѣтъ, ужъ коли борьба со зломъ, такъ борьба идейная и повсюдная: отъ палаты до хижины. Дасть палата примѣръ, вдохновить, и хижина воспрянетъ. А на *двоякой морали* только пуще прежняго озвѣрѣетъ Русь. Когда народъ увидитъ, что интеллигенція и для себя считаетъ зломъ то, что воспрещаетъ и ему, тогда онъ проникнется довѣріемъ къ интеллигенціи и на этой почвѣ обновится и процвѣтетъ Русь.

Мы твердо вѣримъ, что истинная русская интеллигенція съ ужасомъ отринетъ отъ себя „пьяную привиллегію“ и охотно, если не ради себя, то ради народа, сдастъ и себя подъ „опеку“ государственной трезвости. Она сердцемъ пойметъ, что здѣсь нѣтъ мѣста самолюбію и что непростительно играть на его струнахъ, когда дѣло идетъ о спасеніи сотенъ милліоновъ русскаго народа, когда рѣшается вопросъ: быть или не быть Руси славной и мощной.

V.

Въ борьбѣ за трезвость.

Извѣстно, что во главѣ борющихся за трезвость у насъ на св. Руси давно сталъ первоіерархъ Русской Церкви Петроградскій митрополитъ Владиміръ. Въ нашемъ журналѣ уже не разъ отмѣчались чисто подвижническіе труды Митрополита Владиміра на трезвенной нивѣ—жизненной и литературной. Въ м. Августѣ св. Архипастырь обратился съ особымъ письмомъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, прося у этого высокаго сановника содѣйствія въ дѣлѣ отрезвленія Руси путемъ воспрещенія къ продажѣ алкогольныхъ напитковъ. Съ такою же просьбою къ высокочтимому Предсѣдателю Совѣта Министровъ обратились въ м. Августѣ и православные міряне—члены Петроградскаго Матѣевскаго православнаго миссіонерскаго братства, какъ и многочисленные ихъ единомышленники. Ихъ слезница заслуживаетъ вниманія, почему мы и приводимъ ее:

— „Ваше Высокопревосходительство! Мы, вѣрные сыны святой православной Церкви и преданнѣйшіе слуги Царя и Родины, дерзаемъ обратиться къ вашему высокопревосходительству, какъ къ главѣ русскаго правительства и какъ къ глубокопочитаемому нами сановнику, съ слезною мольбою въ надеждѣ, что вы родственнымъ намъ по духу сердцемъ своимъ поймете нашу слезницу и внемлите ей.

Нѣтъ въ мірѣ другого врага, который бы такъ сильно терзалъ душу и тѣло русскаго народа на всемъ пространствѣ Русской Земли какъ пьянство, какъ алкоголь. Этотъ врагъ гонитъ православныхъ русскихъ людей въ кабалу разныхъ религіозныхъ лжеученій, онъ-же закабаляетъ русскихъ людей и экономически и политически разнымъ инородцамъ и иностранцамъ. Вѣками нося этого страшнаго врага на своемъ хребтѣ, Святая Русь безсильна, точно спеленанная имъ, развернуться во всю дивную мощь своего духа, безсильна жить у себя дома по своему русскому укладу, безсильна у себя дома прежде всего сама пользоваться духовными и матеріальными благами своей земли. Вы, ваше высокопревосходительство, своимъ православнымъ русскимъ сердцемъ вѣдаете это лучше насъ, и если мы дерзаемъ объ этомъ говорить, такъ только потому, что и у насъ отъ избытка скорби въ сердцахъ говорятъ уста.

Какъ возрадовались мы, когда въ эту страшную годину военной брани съ злѣйшими врагами Святой Руси—нѣмцами русское правительство святымъ своимъ порывомъ сразу даровало русскому народу побѣду надъ его самымъ жестокимъ врагомъ—алкоголемъ, воспретивъ продажу крѣпкихъ и вообще алкогольных напитковъ и тѣмъ давъ возможность Святой Руси стать предъ ея врагами—нѣмцами во весь ростъ своей несокрушимой духовной и физической мощи. Побѣда надъ врагами была обезпечена.

Но вотъ въ настоящее время мы обуреваемся неутѣшною скорбью. Снова предначертано разрѣшить къ продажѣ алкогольные напитки: водку, вино и пиво. Снова Святая Русь на своемъ хребтѣ понесетъ своего вѣковаго и страшнаго врага. Снова польются по лицу земли Русской моря и рѣки слезъ и крови, нашей драгоцѣнной русской крови,—польются слезы нашихъ русскихъ семей, и снова Святая Русь застонетъ отъ этой внутренней брани, застонетъ нынѣ, какъ

никогда, такъ какъ народъ невиданный доселѣ массами ринется топить въ пьяномъ морѣ свое горе отъ внѣшней съ нѣмцами брани.

Ваше высокопревосходительство! Внемлите нашей слезной и колѣнопреклоненной мольбѣ: всею полнотою дарованной Вамъ отъ Бога и Божьяго Помазанника, нашего Царя-Батюшки, власти окажите содѣйствіе спасенію Святой Руси отъ алкоголя, о чемъ молимся денно и ноцно,—если ужъ не навсегда, то хотя бы на все время тяжелой брани съ нѣмцами за славу и честь Святой Руси. До гробовой доски мы готовы нести всякія матеріальныя тяготы въ пополненіе нашей государственной казны, чтобы и она процвѣтала на славу дорогой Россіи, —только да будетъ совершенно низвергнуто съ хребта народа русскаго алкоголь.

Простите за дерзновеніе: ревность по Святой Руси снѣдаетъ насъ, надежда на Васъ окрыляетъ насъ“.

Эти мольбы православнаго русскаго народа, возглавленнаго въ святомъ дѣлѣ отрезвленія Руси первоіерархомъ Русской Церкви митрополитомъ Петроградскимъ Владиміромъ, дошли до сердца Царя-Батюшки, и Государь Императоръ, какъ уже было оповѣщено, воспретилъ продажу спирта, вина и водочныхъ издѣлій въ Имперіи впредь до окончанія военнаго времени. Теперь отъ русскаго народа зависятъ дальнѣйшія судьбы алкоголя въ Россіи: понатужится Русь, восполнить убыль въ казнѣ, и алкоголь совсѣмъ исчезнетъ съ лица Русской Земли.

Богъ въ помощь Святой Руси въ ея борьбѣ съ страшнымъ „зеленымъ змѣемъ“!

VI.

Далила изъ „Биржевки“.

Что то до-нельзя дикое пришлось мнѣ совершенно случайно прочитать въ вечерней „Биржевкѣ“ за 25 августа, въ статейкѣ г. Ясинскаго: „*И мой откликъ*“.

Чувствуется, что г. Ясинскій желалъ поразить читателей виртуозностью мысли на злобу нашего времени. И получилось у него нѣчто въ родѣ отброса съ космополитической кухни.

Видите-ли, г. Ясинскій возжаждалъ „рыцарства“. И конечно, прежде всего въ писательской средѣ. Онъ вознегодовалъ на русскихъ драматическихъ писателей, которые „первые“ выступили противъ нѣмецкихъ писателей, а равно не похвалилъ и нѣмецкихъ писателей, выступившихъ противъ русскихъ писателей въ отпоръ. Видите-ли: „тѣ и другіе совершили грѣхъ противъ того духа истины, свѣта и красоты, которому мы, писатели, всѣ должны служить, ибо нѣтъ ни нѣмецкаго свѣта, ни русскаго—есть одно великое, свѣтозарное и всеоживляющее солнце, имя которому „Литература“. И вотъ г. Ясинскій въ защиту этого „Солнца“ и откликнулся.

Однако, отъ этого напыщеннаго „отклика“ такъ и вѣетъ писательскимъ маразмомъ. Ну, кто-же это можетъ, находясь въ порядкѣ мыслей, обожествлять какую-то „Литературу“, внѣ ея содержанія, внѣ ея творцовъ, внѣ того, что мы называемъ идеями?!... А если такъ, то выступленіе русскихъ писателей противъ нѣмецкихъ является не выступленіемъ противъ какой-то богини—„Литературы“, а противъ идей нѣмецкаго народа, противъ всемірнаго нѣмецкаго лицедейства, когда на словахъ они вѣщали одно, а дѣлами вскрыли свой подлинный варварскій ликъ: отъ такихъ фарисеевъ пера русскіе писатели не желаютъ даровъ на всемірный алтарь мира и благоволенія въ людяхъ.

И этого святого возмущенія русскихъ писателей нѣмецкимъ лицедействомъ—не уразумѣлъ писатель изъ „Биржевки“!...

Въ поискахъ за виртуозностью г. Ясинскій воспѣваетъ далѣ „рыцарство“ неизвѣстныхъ русскихъ офицеровъ, которые-де, истребивъ „гусаръ смерти“ и найдя на убитомъ графѣ Штольбергѣ крупную сумму денегъ, отослали ее въ Данцигъ супругѣ убитаго непріятели.

Допустимъ, что это могло случиться. Но что же здѣсь „рыцарскаго“? Если вникнуть въ существо дѣла, такъ мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ „трагедіею рыцарства“, съ превратнымъ пониманіемъ долга „рыцарства“. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что наши воины будутъ совершать такіе „подвиги“ подъ градомъ пуль графовъ Штольберговъ, подъ стоны убитыхъ этими графами русскихъ воиновъ и подъ

вошли обездоленныхъ тѣми же графами русскихъ семей, нерѣдко испытывающихъ нужду въ грошѣ. Не покажется ли все это просто дикимъ, ничего общаго не имѣющимъ съ подлиннымъ рыцарствомъ, а представляющимъ собою какую-то не то маниловщину, не то тошнотворную поддѣлку подъ рыцарство. Въ Данцигѣ графиня Штольбергъ, упитанная крупными суммами, будетъ получать отъ русскихъ воиновъ „крупныя суммы“ ея мужа убійцы русскихъ воиновъ, и на эти суммы будетъ ковать новый мечъ въ отмщеніе русскимъ!.. Какое „рыцарство“,—воскликаетъ г. Ясинскій.

Скоро намъ будутъ навязывать подъ видомъ „рыцарства“, чтобы мы возили плѣнныхъ враговъ въ салонъ-вагонахъ, поили ихъ „птичьимъ молокомъ“ и кормили соловьиными языками, а то и прямо кланялись бы имъ въ ноги за оказанную намъ честь быть у насъ „въ гостяхъ“ послѣ убіенія нашихъ отцовъ и дѣтей..

И до чего пошло это „рыцарство!..“

Нужна во всемъ мѣра. Мы должны обходиться съ врагами милосердно, но не переходить границъ милости и не превращать милосердія въ какое-то безчинствующее „рыцарство“, въ какое-то расшаркиваніе и лелѣваніе враговъ. Иначе скоро плѣнные Штольберги и сами потребуютъ у насъ салонъ-вагоновъ и соловьиныхъ языковъ.

И во всемъ этомъ выпадѣ г. Ясинскаго такъ и звучитъ старая рабская, насильно привитая и русскому народу, приниженность предъ разными „бергами“ и „бургами“...

Пора отрезвиться!..

VII.

Выходка „Вечерняго Времени“.

Казалось, что въ столь тяжкое для Россіи время не мѣсто въ русской прессѣ разнымъ выходкамъ по адресу православныхъ церковныхъ лицъ или учреждений, тѣмъ болѣе,—выходамъ, преисполненнымъ тенденціозной лжи. А, между тѣмъ, къ прискорбію, „Вечернее Время“ стоитъ и нынѣ на почвѣ клеветы по адресу церковныхъ учреждений. Такъ, оно напечатало замѣтку: „Монахины и война“. Указывая на то,

что „строительница“ (жертвовательница!) Петроградскаго подворья Воронцовскаго женскаго монастыря А. М. Терентьева, имѣющая за свой даръ подворью при подворьѣ монастырскую квартиру, выразила желаніе отдать эту квартиру для больныхъ и раненыхъ воиновъ и ухаживать за ними въ качествѣ сестры милосердія, и что нѣсколько послушницъ этого подворья записались въ сестры милосердія, — „Вечернее Время“ съ опредѣленною тенденціею отъ себя замѣчаетъ: „Воронцовское подворье не пользовалось симпатіями Петроградскаго епархіальнаго начальства, такъ какъ въ Воронцовскомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ назадъ свили себѣ гнѣздо іоанниты“. Отсюда „Вечернее Время“ дѣлаетъ также съ извѣстною тенденціею выводъ: „Оказывается, что въ минуты опасности отечества религіозныя разногласія наши прекращаются, и всѣ сектанты, и православные, и иновѣрцы съ одинаковымъ воодушевленіемъ спѣшатъ на защиту отечества“.

Насколько святъ поступокъ А. М. Терентьевой и сестеръ подворья, настолько возмутительны къ нему комментаріи „Вечернаго Времени“. Во - первыхъ, А. М. Терентьева не только никогда не была признаваема епархіальною властью за „іоаннитку“, но, наоборотъ, была самой ревностной поборницей православія противъ вторженія на подворье „іоаннитокъ“ и дѣятельно помогала епархіальной власти въ охранѣ Воронцовскаго подворья отъ „іоаннитокъ“. Она даже много претерпѣла отъ „іоаннитовъ“ и ихъ покровителей. Далѣе, сестры Воронцовскаго подворья всегда сочувствовали А. М. Терентьевой и дѣятельно отменяли отъ себя „іоаннитокъ“, когда послѣднія старались осѣсть на подворьѣ, пріѣзжая сюда изъ Воронцовскаго монастыря *Псковской* епархіи. Такимъ образомъ, Воронцовское подворье всегда считалось у епархіальнаго начальства на прекрасномъ счету, какъ зорко оберегающее себя отъ „іоаннитовъ“. Послѣдніе завладѣли было Воронцовскимъ монастыремъ въ *Псковской* епархіи, но успіями синодальной власти и монастырь былъ уже давно очищенъ отъ „іоаннитокъ“.

Отсюда понятно, что трактовать святые поступки А. М. Терентьевой и сестеръ Воронцовскаго подворья, какъ поступки — де „сектантокъ-іоаннитокъ“, какъ то дозволяетъ себѣ „Вечернее Время“, да еще съ явнымъ упрекомъ по адресу епархіальной власти, можно только въ томъ случаѣ, когда

человѣкъ боленъ дальтонизмомъ или одержимъ крайней злобою, застилающею ему и глаза и сердце...

Ну, хотя бы въ тяжкую для Руси годину не разжигали страстей, не оскорбляли безвинно, не бросали огня въ костеръ, сложенный изъ вопросовъ вѣроисповѣдныхъ и объ отношеніи сектъ и инновѣрцевъ къ отечеству!..

Надобно единеніе. Но такими сообщеніями „Вечернее Время“ только подниметъ и разбушуетъ вѣроисповѣдныя страсти. А это, конечно, отвлечетъ насъ отъ той цѣли, которая должна сейчасъ владѣть безраздѣльно всѣмъ нашимъ существомъ: *защита Родины отъ наглаго врага до послѣдняго вздоха.*

М. Правдолюбовъ.

Библіографія.

Георгій, Епископъ Калужскій.—Слова, поученія и рѣчи. Калуга. 1914 г. ц. 1 р.

Въ текущемъ году вышелъ въ печати сборникъ проповѣдей Епископа Калужскаго Георгія. Этотъ сборникъ является цѣннымъ вкладомъ въ отечественную гомилетическую литературу. Поученія еп. Георгія отличаются глубиною мысли, оригинальностью и жизненностью содержанія, простотою и ясностью изложенія... Вошедшія въ составъ сборника проповѣди произнесены въ разное время, начиная съ 1898 г. и кончая 1913, причемъ почти $\frac{1}{2}$ ихъ падаетъ на время академической службы преосвященнаго. — Сборникъ раздѣленъ на 4 отдѣла: 1-й „Слова на высокаторжественные дни“ (стр. 1—16); 2-й— „Слова и поученія въ дни праздниковъ“ (стр. 17—115); 3-й— „Поченія на постриженіе монаховъ“ (стр. 115—153) и 4-й— „Слова, поученія и рѣчи на разные случаи“ (стр. 154—256). Въ каждомъ отдѣлѣ проповѣди расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

„Слова на высокаторжественные дни“ проникнуты духомъ патріотизма и любви къ Государю Императору и Царствующему Дому. По убѣжденію преосв. автора—„Царская власть на Руси есть потребность русскаго народа“ (стр. 3) и все, что касается Государя—находитъ живой откликъ въ народномъ сердцѣ: „Что солнце въ природѣ, то богоизбранный и добрый царь въ государствѣ“... (стр. 11), говоритъ авторъ. Въ настоящее трудное время, когда Россія особенно чувствуетъ свое единеніе съ Царемъ—эти рѣчи преосвященнаго должны найти самый горячій откликъ въ сердцѣ каждаго русскаго чловѣка...

Изъ проповѣдей „въ дни праздниковъ“ особеннаго вниманія заслуживаютъ поученія на Страсти Господни. Не-

сомнѣнно, что благоговѣйное и проникновенное раскрытіе предъ духовнымъ взоромъ вѣрующихъ различныхъ моментовъ „*viae dolorosae*“ Спасителя — отъ Геѳсиманіи до Голгофы — слѣдуетъ признать глубоко-назидательнымъ. При этомъ поученія преосвященнаго выясняютъ и раскрываютъ не только важнѣйшіе моменты страданій Спасителя, но и инныя—новыя темы, какъ, напр., Мрк. XV, 10 — о человекоугодничествѣ; Мрк. XV, 21 — о истинномъ крестоношеніи; Іоан. XIX, 25—о страданіяхъ Богоматери у креста Христова и т. п.—Краткія нравственныя приложенія, которыми авторъ сопровождаетъ почти каждое поученіе, обычно составляютъ настолько близкую связь съ содержаніемъ поученій, что совершенно исключаютъ всякую искусственность, и этимъ въ значительной степени выигрываютъ въ силѣ впечатлѣнія и дѣйственности. 3-й отдѣлъ — это „поученія на постриженіе монаховъ“. — Хотя эти поученія были обращены — каждое къ одному лицу (постригаемому), однако они представляютъ и общій интересъ, такъ какъ трактуютъ о такихъ сторонахъ христіанской жизни, которыя, находя свое идеальное воплощеніе въ монашествѣ, обязательны и для каждаго истиннаго христіанина. Исходя изъ основной точки зрѣнія, что монашество не есть что-либо новое въ христіанствѣ, принесенное совнѣ, но есть то-же самое христіанство, лишь, такъ-сказать, — кристаллизованное, возвышенное, — преосвященный въ поученіяхъ своимъ юнымъ (въ большинствѣ) постриженникамъ говоритъ не о недоступныхъ для нихъ подвигахъ аскетизма, не о ненависти и презрѣніи къ оставляемому міру, но о необходимости того внутренняго совершенствованія, возрастанія „въ мѣру возраста исполненія Христова“, которое одно можетъ сдѣлать юнаго монаха „жертвой живой, богоугодной“. Такъ, преосв. говоритъ о смиреніи и любви, какъ необходимѣйшихъ условійхъ успѣшности монашескаго дѣланія (стр. 125—129); о чистотѣ сердца, дающей душѣ инока истинное успокоеніе, которое, какъ „вѣяніе тихаго вѣтра“, низводитъ въ нее Господа (стр. 131—133); о непрестанной молитвѣ, — научая понимать ее, не какъ молитву лишь словъ, но какъ общее настроеніе, проникнутое любовью къ Богу, устремленіемъ ко всему лучшему и высшему — добру, правдѣ, красотѣ... (стр. 142). Въ отношеніи къ міру — преосвященный, поучая удаляться отъ

грѣховной жизни міра (1 Іоан., 2, 15—17), настоѣчиво предо-стерегаетъ отъ ригоризма, нетерпимости—равно какъ и отъ компромиссовъ и уступокъ грѣху, кѣмъ-бы послѣдній ни проявлялся... (стр. 146—147). Можно съ увѣренностью сказать, что проникновенное слово Владыки, запечатлѣваясь въ сердцахъ постригаемаго,—и для каждаго христіанина представляетъ нѣчто цѣнное и назидательное, какъ выясняющее истинный смыслъ христіанства въ возвышенномъ его проявленіи...

„Слова, поученія и рѣчи на разные случаи“ (4-й отдѣлъ) касаются всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событій—какъ церковной и общественно-государственной, такъ и личной жизни преосвященнаго за время служенія его Церкви. Какъ истинный пастырь, авторъ отзывается словомъ назиданія на всякое событіе, волнующее въ данную минуту его паству, освѣщая его свѣтомъ Евангелія и указывая слушателямъ должное христіанское отношеніе къ нему (напр., „рѣчь предъ молебномъ по случаю войны съ Японіей“ и под.). Большинство рѣчей относится къ академической службѣ преосвященнаго. Время его ректуры было обильно выдающимися событиями: при немъ Академія получила именоваііе „Императорской“; при немъ она была посѣщена блаж. патріархомъ Антиохійскимъ Григоріемъ IV и англиканскими епископами; при немъ она лишилась своего покровителя—начальника ꙗ м. Антонія; онъ-же встрѣчалъ и привѣтствовалъ въ Академіи и новаго ея покровителя и попечителя—Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владиміра... Всѣ эти и другія событія отмѣчены рѣчами почти цѣликомъ вошедшими въ сборникъ ¹⁾, который отъ этого пріобрѣтаетъ интересъ и церковно-литературной характеристики событій.

Изъ другихъ рѣчей выдающимися являются двѣ: по случаю 100-лѣтія со дня рожденія Иннокентія, архіеп. Херсонскаго и актовая въ Тульской дух. Сем.—о стигматизаціи. Первая представляетъ подробную біографію и характеристику личности и дѣятельности этого выдающагося іерарха, величественный образъ котораго въ обширной (154 — 183 стр.)

¹⁾ Слѣдуетъ пожалѣть, что не помѣщено прекрасное краткое привѣтствіе преосвященнаго патр. Григорію—на греческомъ языкѣ.

рѣчи преосвященнаго встаетъ во весь свой колоссальный ростъ, вызывая въ читающемъ чувство восторженнаго умиленія и преклоненія... Среди многочисленной, посвященной Иннокентію, гомилетической литературы, рѣчь преосв. Георгія можетъ по праву занимать одно изъ первыхъ мѣстъ.— 2-я рѣчь — „о стигматизаціи“ является, скорѣе, научной статьей весьма цѣннаго содержанія, цѣннаго въ особенности потому, что вопросъ о стигматизаціи въ русской богословской литературѣ почти совершенно не разработанъ. Между тѣмъ явленіе стигматизаціи представляетъ глубокий интересъ—какъ съ научно-психологической, такъ и съ религіозно-реалистической точки зрѣнія. Популярная, строго - научная рѣчь-статья преосвященнаго о стигматизаціи сдѣлала-бы честь любому религіозно-философскому сборнику... Тѣмъ цѣннѣе разсматриваемый сборникъ поученій преосв. Георгія, заключающій въ себѣ, какъ видно изъ настоящаго очерка, столь разнообразныя по содержанію, но равно—высокія по качествамъ произведенія глубоко-проникновеннаго ума, озареннаго благодатію Христовой (1 Кор. 2, 16) и убѣжденнаго и согрѣтаго искренней вѣрой религіознаго чувства.

І. А.

Петроградъ. Духовная Академія.